

"Рыцарь Шестопер"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

*Фото
отсутствует*

Федор Соколовский

РЫЦАРЬ ШЕСТОПЕР

*Фото
отсутствует*
mir-knigi.org

Фото

отсутствует

Глава первая

ВОДВОРЕНИЕ В АД

Василий Юрьевич Райкалин, сорока шести лет, умер только что. И осознал это со стопроцентной гарантией, потому что видел приближающийся тротуар, падая изломанной куклой с шестнадцатого этажа. После такого не выживают. Да и сам полет показался весьма и весьма болезненным от пронзивших все тело судорог. Затем удар и мрак... Некрасиво умер... И глупо. И стыдно...

Поэтому когда по истечении всего парочки мгновений глаза Райкалина вновь стали открываться, ощущения тела возвращаться и он вдруг судорожно задышал, то долго потом не мог поверить, что судьба ему даровала второй шанс. Точнее говоря, вторую жизнь. Ибо вначале не возникло и капельки сомнений, что он попал прямиком в ад. А какая в аду бывает жизнь?

Наверняка жуткая, сразу не просматриваемая за клубами горячей серы и жаром слепящего пламени.

Глаза заливало не только слезами, но и противным, едким потом. Гортань царапало колючими, если не сказать мерзкими, запахами. Внутренности выворачивало наизнанку от подступившей рвоты. Левое бедро пульсировало болью, а из явного пореза теплой стружкой вытекала кровь. И уж совсем шокирующими показались ощущения, что совсем недавно собственное тело испражнилось прямо в штаны. Кстати, один из мерзких запахов этот конфуз внутренних органов подтверждал.

«Откуда штаны взялись? — мелькнуло недоумение. Ведь когда падал — был в чем мать родила!.. И почему кипящей смолы вокруг не чувствую?»

Но самые большие неприятности вместе с болью доставляли впившиеся в руки и ноги грубые веревки. Ну и проходящий за спиной шершавый столб, рвущий кожу на голой спине выступающими сучками.

На фоне этих ощущений звучащие со всех сторон вопли, угрозы, смех и гомон порядочной толпы чертей (или грешников?) как-то вяло доходили до сознания. Тем более что для понимания звучащих слов приходилось перенапрягаться до головной боли. Но слова все равно оставались в своем большинстве непонятны.

Зато весьма четко удалось разобрать две фразы, донесшиеся слева:

— Глянь, этот неженка не умер? Головой шевелит...

— Умрет такой! Скорей притворился, что потерял сознание после пореза...

С правой стороны тем временем доносились стоны, и чем громче они звучали, тем более бурно реагировала толпа. Не иначе кого-то мучили на потеху скоплениям народа. Если учесть, что вокруг ад, то кто тогда зрители? Неужели все-таки черти?

Василий понимал, что насмотреться на рогатых демонов за тысячелетия своих мучений еще успеет, но промаргиваться стал энергичней. Да и голову поднял настолько, что сумел рассмотреть творящееся перед ним действо.

У его ног грудой громоздились обломки сучьев, вязанки хвороста и деревянные останки нехитрой деревенской утвари времен... ну, допустим, развала Римской империи. Готовый к поджиганию костер располагался в линию. В ней, также в ряд, пять столбов. Умерший только что Райкалин — на столбе посередине. Справа и слева от него еще по два человека. У всех руки подняты вверх, заведены вокруг столба и так связаны. Те, что слева, молодые парни, которым нет и семнадцати, имеют по несколько ран на бедрах, смотрят угрюмо, с полной безнадегой. Разве что просматривается в их взглядах неуместное удивление.

Тех, что справа, уже солидных по возрасту мужчин, мучают изуверским способом, прокалывая копьями ноги.

Занимается мучением стоящая полукругом толпа — этакая помесь пиратов с крестьянами, беглыми дезертирами и затрапезными вояками-кнехтами времен ордена крестоносцев. Человек сто, среди которых пятая часть — вооруженные особи женского пола. О том, что это местные дамы, можно было догадаться лишь по гротескным юбкам длиной по щиколотки да по длинным волосам, чаще заплетенным в косы. В остальном грязные, страшные, противные, как и мужчины.

Все людишки в копоти, саже, с разнокалиберным и несуразным оружием, начиная от рыцарских копий и заканчивая колами, вырванными из забора. Детей младше четырнадцати лет не наблюдалось.

Целостность картины дополняли перекошенные избы, полуземлянки и лачуги из самых удачных фильмов про Бабу-ягу. Разве что несколько домов резко выделялись основательностью и просмоленной дранкой на крыше. Между этими, с позволения сказать, жилищами там и сям валялись трупы людей и лошадей. С трех сторон к поселку подступал лес, с четвертой стороны виднелись поля с какими-то овощными и зерновыми культурами. Благодаря тому что был привязан к самому высокому столбу, Василий имел и наилучшую точку для обозрения.

«Сомнительная привилегия... — сыронизировало боевое прошлое, вновь вернувшись к наблюдению за пейзажами. — По центру как раз и сосредоточится самое горячее пламя костра».

Толпа заходила в восторге, наблюдая за сомнительным развлечением и участвуя в нем. Верховодили же совсем не харизматичные личности в некоем подобии обмундирования, имеющие в руках самое лучшее оружие — рыцарские копья. Они по очереди тыкали то одного пленника, то другого и хохотали громче всех. Стоны страдальцев порой перемежались угрозами из их уст и проклятьями, но это лишь еще больше заводило и веселило публику. Человек десять в толпе бравировали имеющимися у них луками разных модификаций и размеров.

Еще вдоль всего ряда куч хвороста стояло пять человек с большими, ярко горящими факелами. Не возникало сомнений, что, как только забава с копьями подойдет к концу, они тут же синхронно подожгут костер со всех сторон. Тогда и начнется апофеоз праздника, с прыжками через костры.

«Странный какой-то ад, — размышлял Вася, вращая головой во все стороны. — Или это еще только преддверие геенны огненной? Первый круг, так сказать? Место, где грешники издеваются над грешниками?..»

Напрягая попеременно мышцы рук, ног, пресса, а потом и шевеля плечами, понял, что тело его. Накачанное, тренированное, сильное, без недавних переломов, полученных в той жизни, еще перед падением. Причем молодое! Очень молодое, лет двадцати на первый взгляд. Хотя и явно поврежденное синяками, ушибами и порезом на левом бедре. И, что самое неприятное, изгаженное...

Тем временем эйфория толпы достигла пика, и народу захотелось погреться.

— Поджигай! — слышались крики. — Прожарьте им пятки! И печень! Вместе с...

Грязные пошлости перемежались новыми взрывами смеха.

Райкалин с некоторым изумлением заметил новых участников событий. Между лачугами, стараясь это делать незаметно для толпы на площади, перебежали фигурки воинов. Похоже, что лучников, с большими, почти в их рост луками. Да и за дальними сараями виднелись быстро перемещающиеся рыцарские шлемы. Не иначе там кто-то приближался верхом.

«Никак первый круг ада плавно переходит сразу во второй? — попытался иронизировать пленник. — Или это у меня такой сон?.. А может, галлюцинация? Скорей всего так и есть... Я ударился о тротуар, мозги растекаются по бетонной плитке, а остатки сознания прокручивают смесь кошмара и какого-то исторического ужасика... Самое здоровое рассуждение, иначе и

быть не может...»

Оказалось, что появление новых действующих лиц заметил не только он. Окровавленный мученик, висящий справа от Василия, вдруг заорал:

— Стойте! Не сжигайте меня! Я покажу вам, где спрятаны сокровища князя Балаша Скорого!

Ух, как проняло толпу! До печенок! Сразу трое, если не четверо, заорали на своих подельников, приказывая молчать, а потом потребовали от страдальца повторить сказанное. Тот повторил, опять ставя обязательным условием, чтобы ему за это даровали жизнь. После чего, без перехода и без дополнительных требований, пленник стал красочно описывать сундуки с золотом и драгоценными камнями, которые находятся в известном ему месте. И не надо было быть хорошим психологом, чтобы понять: рассказчик попросту всеми силами старается оттянуть время своего сожжения. Скорей всего он сразу сообразил, кто спешит к приговоренным на помощь.

С одной стороны, у него все получилось великолепно. Только что ревившая толпа затаила дыхание и старалась ни слова не пропустить из сказанного. С другой — в этом и крылся небольшой просчет: стало слишком тихо. И все прекрасно расслышали топот приближающейся конницы. Вся сотня с лишним голов повернулась в сторону опасности, и все сто с лишним глоток исторгли крик ярости. Хотя на открытое пространство и выскочило всего-то восемь конных рыцарей в полном рыцарском облачении. Их здоровенные лошади тоже поблескивали броней и кольчужными попонами.

Еще звучал крик ярости, когда из многих уст сорвались самые противоречивые команды, а вышедшие из-за лачуг лучники уже отправили в полет стрелы. Первыми жертвами пали как раз лучники в толпе. Вторыми — факельщики. Следом стали валиться копьеносцы. А там и рыцарская конница широким, расходящимся веером вломилась в несуразный, но смело подавшийся навстречу строй разношерстного пешего воинства.

Казалось бы, победа будет на стороне обороняющихся, десятикратное, если не пятнадцатикратное преимущество давало им для этого все шансы. Но...

Неведомо как сюда попавший грешник перестал дышать, наблюдая за страшным таранным ударом, который нанесли рыцари. Орудя длинными, тяжеленными мечами, они с одного удара уничтожали двоих, троих, а то и четверых противников. Особенно если конь мчался, не сбавляя скорости. Еще одного-двух пейзажей затаптывали гигантские копыта или рвали шипы, торчащие в стороны из лошадиных нагрудников. При этом бронированные до пят рыцари не обращали малейшего внимания на удары кос, цепов, кольев, редких мечей, а то и еще более редких копий.

Пройдя стальной гребенкой сквозь оружий строй, они тут же развернули коней и вновь прошли по кровавому месиву. Затем еще раз. После чего оказалось, что сражаться больше не с кем. Несколько начавших разбегаться обороняющихся легко перехватила и уничтожила редкая цепочка лучников, взявшаяся за мечи.

Ни один из рыцарей не пал. Ну разве что двое оказались ранеными и пошатывались в своих высоких седлах.

Тогда как в центре площади трагедия разгорелась в прямом смысле этого слова. Пали от стрел все факельщики, но один свалился настолько неудачно, что костер с правой стороны оказался подожжен. Хворост, скорей всего и маслом политый, вспыхнул моментально. И если двоих пленников с левой стороны спасители еще сняли в относительной безопасности для себя, то

уже самого Василия выхватили из огня, получив некоторые ожоги. А вот тех, кто подвергся наибольшему мучению, спасти не удалось, они задохнулись в дыму еще раньше, чем их опалило яркое, смертельное пламя.

Фактически и Райкалин еле прокашлялся, очнувшись только за какой-то лачугой, стоя на четвереньках в каком-то корыте. При этом его интенсивно поливали водой, требовали снять и выбросить штаны и шипящими голосами... ругали! И ругали те самые юные страдальцы, которые недавно висели на столбах слева!

Разум пропускал ругательства в себя с трудом, замедленно, словно с огромным сомнением. Но в сути сомневаться не приходилось:

— Радуйся, ушлепок, что доблестные рыцари Гальцар и Варширок угорели!

— Они бы тебя сейчас лично растерзали за позорящее рыцаря поведение!

— И моли богов, чтобы никого из этой толпы уродов не взяли живьем и не допросили, выясняя, как трусливо ты себя вел.

— Нам же просто деваться некуда, придется тоже молчать. Потому что нас, как твоих оруженосцев, либо казнят вместе с тобой, либо навсегда лишат возможности стать рыцарями.

Судя по выражениям лиц и тону, парни в самом деле предпочли бы пойти на казнь, чем потерять возможность стать рыцарями. Исходя из житейского опыта, понимания воинской дисциплины и минимального знания истории, Райкалин сделал вывод, что оруженосцы не имеют права рта раскрыть на своего рыцаря, но тут вообще пошли угрозы:

— Если ты по собственной тупости проговоришься об ошибках всего нашего отряда, мы тебя тоже щадить не станем! Опозорим на весь мир тебя и твой род до пятого колена!

— Поэтому лучше вообще притворись пока раненым, мычи и показывай на язык, мол, поврежден. Морда у тебя с виду хорошо покалечена. А мы сами все расскажем.

— Ты только кивай, подтверждая наши слова. Понял?

Вот Райкалин и кивнул, в который раз языком ощупывая полость рта. Двух передних зубов — если не трех! — не было, обе губы разбиты и до сих пор кровоточат, так что отговорка для молчания вполне подходящая. Должны поверить, что и язык пострадал.

Он рассмотрел тех, кто его ругал. С высоты опыта прожитых лет оба показались ему недорослями. Лет по шестнадцать каждому, молоко, как говорится, на губах не обсохло. Один плотной комплекции, блондин с наивными глазами на круглом лице. Второй — худощавый, более злой на вид, черноволосый. Он же и ругался громче и с большим презрением.

Оставалось только самому понять; что же случилось здесь с собственным, нынешним телом? Чем оно опозорилось? Неужели так испугалось предстоящего сожжения, что потеряло сознание? Или обгадилось в тот момент, когда копьём нанесли укол в бедро? Конечно, подобное для человека, носящего звание рыцаря, недопустимо.

Но с другой стороны — чего стесняться и кого стыдиться в аду? Все равно ведь хуже некуда! Разве что отправят на второй круг мучений?.. А вот туда почему-то не хотелось.

Размышляя об этом, Вася действовал тем не менее быстро и сноровисто. Разделся догола,

омылся в первом корыте, потом в сравнительно чистой воде второго и начал присматриваться, как бы сподручнее приступить к мародерству. Потому что его оруженосцы занимались как раз этим неприятным делом, ибо трупов на этом подобии улицы хватало. Ну и попутно забинтовывали свои раны разорванными рубахами, снятыми все с тех же трупов.

Глядя на них и царящую вокруг антисанитарию, Василий даже не сомневался: умрут, как пить дать умрут от заражения крови или от гангрены! При этом в сознании превалировала четкая уверенность, что пенициллина или иных антибиотиков здесь не найти. Но неужели тут чего почище не отыщется? И хоть что-нибудь для промывки ран?..

Просто сесть в сторонке и подумать над происходящим и о том, как он здесь оказался, ему и в голову не пришло. Если в первом кругу ада можно выжить, значит, следует за это бороться. И было бы глупо своими умениями воина не воспользоваться. Логика подсказывала: проскочишь на второй круг — станет втрое хуже. А все остальное можно будет выяснить позже, после приведения себя в порядок. И для начала следовало срочно найти обувь на босые ноги.

При ближайшем рассмотрении некоторые жилища не столь уж и удручали своим видом. Вполне такие крепенькие, герметичные, тщательно укрывающие свои внутренности от ветра и дождя. Кое-какие уже догорели и только дымили горами тлеющих бревен, но большинство оставались целыми и, похоже, даже не разграбленными. Вот в одну из таких изб, наиболее солидную и непрístupную с виду, Райкалин и направился, зажимая левой ладонью все еще кровоточащую рану на ноге да присматриваясь внимательно к валяющимся трупам. Оружия возле тех не наблюдалось. Вилы, косы и колья — не в счет.

Впервые услышал, как его тут называют:

— Шестопер!

Прозвище или фамилия? Но один из оруженосцев, тот, который чернявый, худощавый, довольно вальяжно обращался непосредственно к нему:

— Ты бы в дом не заходил. Могут и на вилы насадить. Вроде тати не успели селян всех зачистить, к тому же не положено обижать оставшихся в домах, да и потом самих татей всех на площади порубали, но какая-то гнида может и прятаться. А нашим спасителям проводить полный обыск смысла нет. Пусть этим жупан занимается со своими оружными кметами.

— К тому же нам без особого разрешения старосты или приказа баннерета [1] вообще запрещено в дома заходить! — напомнил второй.

Такое заявление требовало кучу пояснений и комментариев. Но, чтобы их получить, следовало вначале задать соответствующие вопросы, чего Вася Юрьевич сделать никак не мог. Что вокруг говорили, понимал с трудом, а уж как самому пару слов связать, понятия не имел.

вернуться

1

Баннерет — командир небольшого отряда рыцарей.

Да и не привык он оглядываться на сердобольных нянек или ждать советов от каких бы то ни было опекунов. Поэтому проигнорировал предупреждение, поднял давно замеченную дубинку

и, подкидывая ее в правой руке, продолжил движение. Дубинка оказалась ладной, сделанной не иначе как из прочного корневища, да еще любовно отполированной в своей узкой части. И не длинная, сантиметров шестьдесят, в самый раз для возможного столкновения в замкнутом пространстве.

Прежде чем открыть дверь, Райкалин оглянулся: оба его полуодетых оруженосца смотрели ему вслед, отвесив челюсти.

«Что-то я делаю не так? — задумался он на мгновение. — Или для рыцаря зазорно войти в такую убогую хибару?.. Плевать! Мне нужна чистая ткань и водка!.. Мм... размечтался...»

Логика подсказывала, что ни водки, ни тем более спирта тут днем с огнем не сыскать. Хоть бы вино какое нашлось, и то счастье будет.

За дверью оказалось сумеречное пространство главной комнаты-горницы, вполне возможно, что вообще единственной. Плотнo уставленная какими-то сундуками, столами и лавками. Но раз есть сундуки, следовательно, в них что-то хранится. Оставалось только войти и покопаться, тем более что парочка из них стояли раскрытыми и на откинутых крышках свисали не то одежды, не то куски ткани.

Давая глазам привыкнуть к темноте, Райкалин сделал первый шаг. За ним — второй, со всем тщанием прислушиваясь. И не пожалел о своей осторожности. Скрипнула половица, тут же раздался ускоряющийся топот, и навстречу нежеланному гостю ринулось что-то массивное и рычащее. Удалось рассмотреть, что это крупный мужик и прет он навстречу не с пустыми руками. Хищно блеснул здоровенный меч, похожий на те, коими рыцари недавно порубали в капусту более сотни местных пейзажей. При низком потолке, да и вообще в помещении, воспользоваться такой оглоблей только и можно было как копьем.

«Но не против же меня?! — возмущился мысленно Василий, уворачиваясь от стального острия, пропуская грузную тушу мимо себя и выверенно добавляя дубинкой по бритому затылку. — Экий ты, дядя, негостеприимный!.. Остынь маленько!»

Мужик вылетел в раскрытую дверь и растянулся за невысоким крыльцом как неживой, накрыв телом двуручный меч. А отбивший атаку Райкалин замер, отступив к стене и затаив дыхание. Потому что опять скрипнула половица: в доме находился еще кто-то. Но второй тип атаковал молча, стремительно двигаясь на цыпочках и не создавая шума своими босыми ногами.

Тут уже гостя спасла больше интуиция, чем наработанное годами физическое совершенство. Он попросту присел, и широкое лезвие массивного боевого топора с глухим чмоканьем вошло в деревянную стену. Нападающий при этом просел, его развернуло по инерции, и он раскрылся во всей своей незащитности. Райкалин этим немедленно воспользовался, пробив ребром левой ладони по гортани нападающего. Причем совершенно неожиданно для себя ударил не в полную силу, так, чтобы отключить, но не убить.

Получилось мастерски. Вполне стройный высокий парень упал на спину и засучил в судорогах ногами. Вася подхватил болезного за ворот прочной холщовой рубахи, выволок наружу и швырнул безжалостно прямо поверх тела первого мужика. Вернулся в дом, с минуту постоял, вслушиваясь в относительную тишину, и понял, что там больше никого нет.

После чего спокойно выдернул топор из стены и снова вышел на невысокое, всего в одну ступень, крыльцо. Глянул с досадой на рану, которая вновь стала обильно кровоточить.

«Так я совсем без крови останусь! Надо срочно делать перевязку! — А вот на парочку

мародеров посмотрел уже с нарастающим раздражением. Те стояли, словно два барана, и продолжали пялиться на хибару и на новые тела выпуклыми глазами. — Что я опять сделал не так? Тут за две сотни трупов, и они их не удивляют. А два поверженных крестьянина их ввели в ступор? Неужели рыцарю зазорно касаться черни руками?.. Хм! Судя по их виду, в самом деле зазорно, скорей всего можно только оружием... Кстати, хороший меч...»

Пройдя вперед, Василий нагнулся, перекинув боевой топор в левую руку. Откатил начавшие мычать тела в сторону и поднял меч правой рукой острием вверх, непроизвольно любуясь импозантным оружием. Раньше такие раритеты только в музеях доводилось видеть, но сразу ощущалось, что в руках истинная историческая ценность. Такой двуручник на аукционах «Сотбис» или «Кристис» не стыдно выставить. А уж деньжищи можно было бы огрести за него бешеные.

Из-за угла дома медленным шагом выехал на своем гиганте конный рыцарь. Приоткрыл забрало на своем шлеме и воскликнул:

— Ай да Шестопер! Вот это герой, вот это подвиг! Лично зарубить безоружных крестьян! Или... — Рыцарь сделал паузу, словно только сейчас что-то заметил, и продолжил ерничать: — Точно! Ты ведь их собираешься поймать! Ха-ха! Тоже неплохо! А то я думаю, для чего же ты разделся-то?.. Хе-хе!.. — Пару раз хохотнув, он опять сделал паузу в речи — похоже, ждал достойного ответа на свои оскорбительные выкрики. Но, так и не дождавшись, с презрением фыркнул: — Ладно, не буду мешать. Дело-то интимное... хе-хе!

Так и не остановив своего битюга, он пересек двор и скрылся за соседним домом. Двух замерших оруженосцев словно не заметил.

«А ведь они мои подчиненные! — сообразил Вася. — Обязаны любое распоряжение выполнять беспрекословно. Или тут такого нет?.. Да и вели они себя по отношению ко мне слишком нагло, угрожали почему-то... Правда, такое поведение после спасения от костра вполне объяснимо. Стресс, ужас, раны...»

Вспомнив о ране, он небрежно воткнул меч острием в землю, топор приставил к ноге и рукой поманил подчиненных к себе. Те лишь переглянулись между собой (уже в который раз!), но с места не двинулись. Пришлось промычать нечто гневное и требовательное, потому что выдать простенькое «Подойти!» или «Сюда!» показалось делом невероятным. Вроде как знал эти слова, но очень сомневался, что произнесет правильно.

Но мычание подействовало, парни подошли. Дальше приказы раздавались жестами и мимикой: указательный палец на свой глаз, потом на пришедших в себя крестьян. Мол, смотрите в оба за ними! Хотя на кой эти типы в просторных рубахах-хламидах были нужны, сам новоиспеченный рыцарь понятия не имел. Затем тоже понятные жесты: ты смотришь с мечом, а ты бдишь с топором. Ну и напоследок более сложное: «Кто это такой тут проехал и что-то в мой адрес вякал?»

Как ни странно, поняли. Один изумленно почесал пятерней в затылке, второй растерянно пробормотал:

— Так ведь это рыцарь Коннеш Найт... — Еще и плечами пожал. — Он всегда над тобой издевается и оскорбляет насмешками.

— Особенно когда никого рядом нет, — словно выплюнул первый тип. Кажется, подобное отношение иного рыцаря к их господину он воспринимал как личную обиду.

Василий хмыкнул неопределенно, развернулся да и потопал обратно в дом. С этим Коннешом Найтом всегда успеется, а вот рана...

Сделав два шага по горнице, опять настороженно замер. Ничего ему не слышалось, да и перед тем, как выходил, имел уверенность, что живых за спиной не оставлял. Но что-то было не так. Что-то изменилось внутри за время его отсутствия.

Лишь через минуту пришло понимание картинки. В углу на лавке восседал старец. Темные одежды, седые волосы до плеч и непомерно загорелое лицо, безусловно, маскировали сидящего на фоне бревенчатых стен человека. По смуглости кожи следовало принять его за старого цыгана.

Но Райкалин готов был поклясться, что раньше там никого не было.

«Наверное, хозяин прятался за сундуками, — догадался об очевидном, — а после изгнания мною татей — вышел. Как бы его спросить о перевязке?..»

Старик заговорил сам, гневно и повелительно:

— Пошел вон!

Еще ничуть не сердясь, Василий прошамкал:

— Шафко фуфок фьяпки? — Желая спросить: «Жалко кусок тряпки?»

Как это ни странно, его речь поняли.

— Жалко! — заревел дед, словно изголодавшаяся зверюга. — Повторяю последний раз: пошел вон, жалкий смерд!

«О! И этот обзывается, — стал сердиться Райкалин. — Да и еще на рыцаря?! Тут так положено или хозяину дома тоже по голове досталось от разбойников?»

Вслух же, облизав разбитые губы, кровоточащие десны и сплюнув неприятный сгусток крови, уже более четко выговорил:

— Чего орешь, мухомор поганый? Дай кусок чистой тряпки да вина, чтобы промыть рану, и я уйду.

— Ха-ха! — Старик исторг из себя неприятный, визгливый смех. — Ты уже никуда не уйдешь! Дважды меня послушался! — Глянул чуть правее от голого гостя и приказал кому-то: — Отрежь ему ноги!

Громыкнула, закрывшись, входная дверь.

Василий не забывал вертеть головой по сторонам — рефлекс, вбитый на службе в горячих точках, действовал и в этом странно омолодившемся теле. Так что он был готов поручиться, что ни сзади, ни тем более справа и слева от него никого нет. Тем не менее нечто его ударило, подсекая сзади под правое колено. Нога резко чуть согнулась, тело сильно покачнулось, но... Сзади никого не было!

В то же время странный предмет, по ощущениям как пластина из толстого стекла, словно приклеенный продолжал настойчиво давить на кожу и мышцы под ней. Показалось со страху, что это действительно стекло, которое сейчас скользнет в сторону и ногу попросту отрежет.

Поэтому, крутнувшись волчком влево, Райкалин еще и удар нанес противнику, который должен был находиться где-то там. Но... удар пришелся в пустоту, опять гость вокруг себя никого не увидел, тогда как прикосновение к ноге чужеродного предмета не исчезло! Наоборот, пластина стала еще больше впиваться в тело.

Наверное, правая рука сработала скорее на инстинкте: пришлепнула то место на ноге, словно там сидел здоровенный кусачий овод. В ладони осталось нечто скользкое, упругое и неприятно попискивающее. Лягушка?! Но уж никак не пластина из стекла.

Как ни омерзительно показалось сжимать в кулаке странную зубастую зверушку, Василий не спешил отбросить ее в сторону. Он в удивлении уставился на старого цыгана, который вдруг стал завывать, переходя чуть ли не на инфразвук. Еще и руки неожиданно вскинул в направлении непрошеного гостя, вытянув ладони в жесте, похожем на благословение.

«Это цыган что, колдовать собрался?! — чуть не заржал Райкалин, но тут же вспомнил, где находится. — Комиссару дивизию в тыл! Это же первый круг ада! Тут надо не зевать!..»

Было бы у него оружие — применил бы, а так пришлось запулить в завывающего все громче дедка тем, что сжимал в правом кулаке. Еще и выдохнул в гневе:

— Да подавись ты!..

Он имел в виду чистую тряпку, которую старый прохиндей не просто зажал, а еще и лягушек науськивает на голого человека. И вдруг та самая лягушка на лету превратилась в некое размытое, но плоское пятно, которое не шлепнулось деду в лицо, а... срезало ему верхнюю часть черепа. И как срезало! Ровно! Не разбрызгивая ни кровь, ни мозги по стенам. Словно хирург при трепанации прошелся лазерным скальпелем.

Но на этом странности не закончились!

Вой только на пару мгновений захлебнулся, потом вновь стал нарастать. Кровь хлынула на брови старика, на глаза и нос, но он не изменил позы и от намерений поколдовать не отказался. Мало того, место среза стало наливаться натуральным огнем, и подобие красного жара подскочило вверх, словно странная шапка.

В отчетливом свете этого жара хорошо стало видно, как кромки среза постепенно растут, возвращая голове первоначальную форму.

«Ну вот и демоны местные нарисовались! — констатировал голый рыцарь, вначале медленно пятясь, а потом вновь выскакивая из дома на подворье. — Неубиваемые, так сказать... И коль оно регенерирует, то потом за меня всерьез возьмется! И бросить в него больше нечем... А если мы его топориком покроем?..»

Увы! На дворе ни оруженосцев, ни пленных не было! А выяснить, куда это они запропалились, нехватка времени не позволяла. Главное, что трофейное оружие валялось на земле, словно его там бросили впопыхах. Подхватив топор с широченным, массивным лезвием, Василий метнулся опять в дом.

Успел, как подсказывала логика, вовремя. В смуглой черепушке деда оставалась дырка величиной с кулак. Именно на нее, стараясь не зацепиться при размахе за потолок, и опустил гость свой топор. Знатное оружие оказалось. Хорошенько замахнувшись, можно и три шеи перерубить.

В данном случае тоже получилось неплохо. Лезвие рассекло воющего колдуна надвое, застряв только в костях таза. Две половинки туловища отвалились в стороны, хлестнули потоки крови, от которых Райкалин успел ловко отскочить. Ну и вой все-таки прекратился сразу же.

Только теперь, с близкого расстояния удалось лучше рассмотреть кожу старика. Она не смуглой оказалась, а светло-шоколадного оттенка, как у мулатов.

Победитель топор вынимать не стал. Еще и хмыкнул пренебрежительно, направляясь к раскрытым сундукам:

— Тоже мне Кощей Бессмертный отыскался! Хе! И вообще, первым кругом вы меня нисколько не напугали! Через такое прошел, что здесь развлекаться могу... Хотя, конечно, от второго круга хотелось бы воздержаться... Если получится...

И бормотал он это не просто так, а в полной уверенности, что так оно и есть. Иначе говоря, не сомневался, что он в аду. Странном, дивном, волшебном... но кто точно может сказать при жизни, как на том свете должно все выглядеть? Тем более что Василий, хоть и не раз заявлял, что он атеист, верил в существование загробного мира и давно уже смирился с тем местом, которое ему там было предназначено судьбой. Про рай, несмотря на свою несколько созвучную фамилию Райкалин, он никогда не думал и не надеялся туда попасть.

Вот потому сейчас не мучился лишними вопросами. Вот потому и не терзался угрызениями совести, убивая старого цыгана (или мулата?). Если Бог позволял ему, как воину, убивать людей там, при жизни, то уж здесь, в аду, можно все что угодно. Да и вообще, какие могут быть комплексы у старого солдата, циничного бизнесмена и завязатого прелюбодея, которого самого убили не больше часа назад? Правильно! Никаких!

Чистое белое полотно попало под руку чуть ли не сразу. А вот чем промыть рану, пришлось озаботиться всерьез. Только в одном из комодов отыскалась плетенка литра на три, из которой вырвался сивушный дух какой-то самогонки. Настолько вонючий, что впору было терять сознание.

— Неужели здешние черти подобное пьют? — кривился Василий в последних сомнениях. — А если это яд на спирту, да еще и с мухоморами?

Попробовать на вкус не решился, зато плеснул пару капель на участок содранной кожи на голени. Запекло отлично, словно током шибануло. Тут же нервные окончания занемели... А еще через минуту раненый с рычанием поливал свою рану на левом бедре. Промыл хорошенько, затем наложил повязку на рану, не скупясь, несколько раз обматывая лентой ткани свой торс. Добротно получилось, не слетит повязка.

Поиск одежды и обуви много времени не занял. Разве что трусы и носки не нашел. Зато их заменили некие кальсоны из вполне приятного телу материала и портянки все из той же белой ткани. Еще и на повторную перевязку осталось. Прочее, отобранное после пяти-шести утомительных примерок, подошло так, словно было сшито на заказ.

Более того, хомячная натура бывалого воина, путешественника и любителя приключений стала блажить по-бабьи, словно недавно убиенный дедок: «Возьми про запас! Возьми про запас! Мало ли что... Вон твоих оруженосцев уже черти куда-то унесли, они так и остались полуголыми. А вдруг во втором круге — адский холод?..»

Холодов Райкалин не любил. Фантазии свои поощрял. Предусмотрительность — вообще баловал. Поэтому быстро из большого куска полотна соорудил некое подобие сидора и накидал

туда все, что не понравилось во время примерки, но подходило по размеру. Своеобразный вещмешок получился излишне огромным, но некоторые вещи поражали своей выделкой и вышитыми узорами, так что хомяк не мог нарадоваться: «Выкинуть всегда успеем! И золото, золото ищи!»

Может, деньги тут и существовали, но даже завалящей монетки Василию не подалось. Вывод напрашивался один: ад сродни коммунизму. И зачем тогда, спрашивается, здесь нужен рыночный оскал капитализма?

Все тот же хомяк не унимался, настойчиво советовал поискать пищу, оружие и выпивку. Именно в такой последовательности. Хотя оружия недалеко от дома валялось предостаточно. Да и выпивку брать в доме колдуна умный человек никогда не станет. Но все равно снять нервный стресс несколькими глотками забористого вискаря очень хотелось.

Что самое смешное и странное — во всем доме не нашлось ни крошки съестного. Как и ни одного режущего-колющего предмета.

«Господи, я ж забыл, где я! — мысленно воскликнул Василий. — Здесь наверняка людишки едят огонь, а запивают кипящей смолой. Только вот странно, почему мне так дико хочется именно отбивнущечки с жареной картошечкой?.. Оп-па! А колдунишка-то в прах рассыпается! Ну да, двумя отдельными половинками долго не повоеешь...»

На месте капель крови и натекшей внизу лужи оставались только серые пятнышки пепла. А разрубленная плоть уже сантиметра на три в глубину покрылась мелкими трещинками и тоже посерела.

«Видимо, со сковородками и котлами для грешников тут дефицит! — пришел к философскому выводу Райкалин. — Или чертям не положено в кипятке вариться, вот их сразу на месте и дезинтегрируют... Ладно, покинем эту юдоль скорби. Есть все-таки хочется, надо искать какой-нибудь ресторанчик...»

Обыскивать расползшееся тряпье, прикрывавшее две половинки трупа, показалось делом крайне неприятным и неуместным. Как не возникло и мысли забирать массивный, неудобный топор. Он собрался повернуться, чтобы уйти, но что-то торчащее в стене знакомо пискнуло. Как раз на уровне головы ранее сидевшего здесь злобного старца. Опытный вояка присмотрелся, прикинул траекторию своего броска. Без сомнения, это был тот самый предмет, которым он швырнул в колдуна-мулата и снес ему верхнюю треть черепа.

— Лягушка? — вырвалось у Василия. — Или живой сюрикен?

И вздрогнул, когда в ответ прозвучал более настойчивый писк.

Аккуратно нагнувшись над разлагающимся трупом, Василий настороженно замер и присмотрелся внимательнее. Зеленоватый блин пятнадцати сантиметров в диаметре на четверть вошел в дерево, а остальная часть обвисла и слабо шевелилась. Судя по тому, как свисающая часть упиралась в стену, существо пыталось вырвать часть своего тела, засевшую глубоко в древесине.

Было над чем задуматься. Ведь именно этому диску-лягушке мулат жестко приказал отрезать у гостя ногу. Диск это сделать не смог. Или не захотел?.. Зато при броске им в сторону колдуна сработал великолепно: снес местному демону треть головешки. Значит, это несомненно оружие.

Почему оно действовало избирательно? Что с его исполнительностью-воздействием пошло не так? Понять, стоя на месте, не суждено. Но отсутствие иного оружия в доме и невероятная эффективность данного заставили опытного воина задуматься:

«Вдруг мне эта животинка еще пригодится? Чего добру пропадать? У меня в ладони она вела себя смиренно... хоть и мерзко выглядит... Может, опять попробовать коснуться?»

Хмыкнул, решительно выдохнул, медленно потянулся рукой к встрепенувшемуся диску. И еле успел отпрыгнуть в сторону, с колотящимся от неожиданности сердцем. Кровь чуть не вскипела от выброса адреналина. А виной всему оказался... топор! Превращающиеся в пепел плоть и кости трупы рассыпались, вот топор и выпал на пол под силой собственной тяжести.

Облегченно переведя дух, Василий ногой откинул в сторону тяжеленное оружие и вновь потянулся к стене. Непонятное существо всей плотью устремилось к пальцам и попыталось за них зацепиться. Потом пару раз дернулось и недовольно пискнуло, словно подсказывая: «Ну! Тащи! Помоги выбраться!»

«Значит, все-таки зверушка! — окончательно определился Райкалин. — Раз она мне помогла, негоже и мне оставлять ее в беде. Авось пальцы не отрежет...»

Согнул четыре пальца, давая диску за них жестко ухватиться, и медленно потянул на себя. Зажатое в древесине тельце пошло с трудом, истончаясь и вытягиваясь, словно жевательная резинка. Но потом по всей структуре зеленоватой массы пробежали светящиеся искорки, вонзившиеся в древесину и вроде как выжигающие ее. Появился дымок и некая обугленность в стене, зато извлечение резко ускорилось, и неведомая зверушка вновь оказалась в мужской ладони таким зеленоватым, постоянно меняющим форму образованием.

Осторожно пятясь, Василий чуть о вездесущий топор не споткнулся. Ругнулся на мешающую железяку, но, присмотревшись к ней, отметил блеск, чистоту и возросшую притягательность. Оружие выглядело так, словно его только что вычистили, отполировали и даже чем-то против ржавчины смазали.

«Никак ему кровушка воющего старца на пользу пошла! — констатировал Райкалин. — О как заблестел! Возьму-ка я его тоже...»

Но вначале следовало припрятать попискивающую лягушку. Куда? Карманов в одежде, несмотря на ее добротность и крепость, не было. В два кармашка на поясе? Они явно не для того. За пазуху, ближе к телу, забрасывать такое удивительное создание тем более здравый смысл не позволил. Зато в глаза бросилось несколько сумок, обычных, полотняных, на широкой полоске кожи, чтобы через плечо перекидывать.

Вот в одну из сумок зверушка и отправилась.

Глава вторая

МЕСТНЫЕ РЕАЛИИ

Но стоило Василию пристроить на плече сумку с трофеем, как в доме резко запахло дымом. Райкалин тут же бросил взгляд на стену, но там, к его изумлению, ничего не тлело. Зато дым заползал в щель под входной дверью и в небольшие щели одного из окон.

«Неужели дом загорелся снаружи? — Паники не было, но следовало поторопиться покинуть это место. — Или его подожгли специально? Вместе со всем селом?»

Прежде чем броситься на выход, подхватил с пола топор. Еще припомнилось, что дверь закрылась в момент гнева старца сама, значит, и сейчас могла оказаться на внутренних замках или засовах, так что топор в любом случае кстати.

Все оказалось проще. Дверь раскрылась без всяких усилий. Зато за ней стояли стеной клубы дыма, проскочив которые Василий споткнулся о несколько горящих поленьев и оказался на земле, чудом не порезавшись о трофейный меч. Зато в остальном хорошо падал, зряче, сгруппировавшись. Потому и заметил, что его спасло кроме самого падения: большой мешок с трофеями за спиной и все тот же боевой топор в руках. В тряпках застряло две стрелы, а третья отразилась от широченного лезвия.

— Не стрелять! Это Шестопер! — проревел кто-то. — Чего встали как бараны?! Помогите своему господину!

Тотчас к начавшему настороженно подниматься Райкалину метнулись те самые полуодетые типы, которые числились возле него оруженосцами. Метнулись — это сильно сказано. Скорей они вяло изобразили желание помочь, так и не добжевав пару метров до успевшего вскочить на ноги немало удивленного господина. А тот не сдержал глухого, озлобленного рычания: во время падения неудачно коснулся рукой губ, что никак не способствовало их скорейшему выздоровлению. Они опять начали кровоточить. Только вот не пристало рыцарю кривиться от боли. Поэтому рычание Василий подавил и стал осматриваться.

Ситуация и в самом деле казалась неординарной. Все восемь рыцарей, которые недавно сокрушили толпу на площади, выстроили в линию своих битюгов перед домом, прикрылись щитами, опустили забрала и приготовились атаковать своими тяжеленными копьями. В этой шеренге стояли шесть лучников, готовые выстрелить их своих огромных луков. Еще трое пеших воинов замерли с горящими палками в руках и с факелами. Похоже, именно они забрасывали дом огоньком, стараясь прожарить его обитателей.

Еще за конскими бронированными крупами виднелись рожи тех двух мужиков, которые атаковали Василия в избе, орудуя здоровенным мечом и несуразным топором.

Топот копыт известил о прибытии на место событий еще одной группы обитателей здешнего ада. Из-за ближайших домов рысью вынеслось пять всадников-рыцарей, прикрывающих собой шестого. Но у того латы выглядели позолоченными, на шлеме — шикарный султан диковинных птичьих перьев и на плечах — алый плащ, развевающийся почти до самой земли. То ли главный демон, то ли местный князь — для Райкалина, озабоченного вновь начавшими кровавить губами, в общем-то разницы не было.

В тылах у этой группы виднелось еще полтора-два десятка всадников, которых никак не получилось бы приписать к категории воинов. Скорей чиновники, священники, купцы, слуги и прочая гражданская братия.

Ну и с первых же слов позолоченного обладателя плаща стало понятно, кто пуп данного домена.

— Что здесь у вас творится?! — Голос наполнился гневом и угрозой немедленной казни. — Кто посмел уничтожить жителей веси?!

К чести рыцарей и лучников, они в строю даже не шелохнулись, продолжая присматриваться к клубам дыма. Только командир отряда, развернув своего коня, подъехал ближе к прибывшим, снял шлем с головы и начал неспешный, подробный доклад:

— Кто посмел, те уже наказаны, господин маршал. На весь напали, объединившись, три ватаги: тати, дезертиры и беглые краковские каторжане. А здесь на постое был десяток под командованием баннерета Варширока. Они-то и оказали организованное сопротивление грабителям, потому что местные крестьяне с косами годились только на убой. Увы, нападение произошло ранним утром, неожиданно и коварно. Разбойники победили, истребив почти весь отряд. В живых осталось всего пятеро, их решили сжечь, предварительно поиздевавшись. Мы не успели самую малость, спасли только рыцаря Грина Шестопера и его оруженосцев. Вон они...

Полураздетые вояки сделали полупоклон. Маршал требовательно глянул на Василия, но тот лишь нервно дернул головой. Даже на кивок толком не походило. Наверное, поэтому маршал озлобился.

— Рыцарь, не павший на поле боя?! — загремел он своим воистину командным голосом. — Попавший в плен?! И почему в таком виде? Без оружия?!

Райкалин только и смог прошепелявить разбитыми губами:

— Фтое шашое шофаче фело?!

Его больше волновали физиономии сбежавших от него пленников и каталожный меч под ногами. Хотелось почему-то мужикам накостылять по шее, потому и посматривал за ними, опасаясь, что сбегут. Ну и мысленно порадовался, узнав, как его зовут. Теперь оставалось уточнить, что такое Шестопер: прозвище, рыцарский псевдоним или родовое имя.

К счастью, обладатель алого плаща не понял выплюнутой в его адрес реплики «Твое какое собачье дело?!» и недоуменно уставился на оруженосцев шепелявящего рыцаря. И те наперебой зачастили:

— Господин Шестопер получил ранение и не скоро сможет говорить.

— Язык ему повредили...

— А на нас пятерых во время боя набросили сеть, на каждого по отдельности, затем раздели до исподнего...

— И водрузили на костер. До сих пор не верим в чудо, что отряд баннерета Молнара успел нас снять с огня.

— Я спрашиваю, почему в таком виде он сейчас? — рявкнул маршал, указывая рукой в кольчужной рукавице на Шестопера, который, подняв у себя из-под ног меч, начал его рассматривать.

— Доблестный рыцарь Шестопер получил ранение в бою... — начал было один, но прервался из-за смешка-хрюканья у него за спиной.

Зато своевременно продолжил его товарищ:

— А до того нас раздели до исподнего.

— Поэтому пришлось искать чистые тряпки для перевязки и хоть какую-то временную одежду. Вот он и решил зайти в уцелевший дом и попросить у его хозяев...

И опять хрюканье показало, что некий рыцарь в строю не верит подобным рассказам. Судя по сбруе, неуместно веселился побывавший здесь недавно Коннеш Найт, видевший голого рыцаря с мечом над телами селян. Да и сам баннерет Молнар не сумел скрыть иронию на своем лице. Не иначе как слава о Шестопере бытовала не ахти какая приятная.

Это несколько обидело оруженосцев, а может, и напугало возможным наказанием. Они наперебой заторопились высказаться перед краснеющим от гнева маршалом:

— Тем не менее он голым справился вот с этими двумя предателями, которые прятались в доме колдуна и атаковали его вот этим топором и вот этим мечом!

— Да! Он справился с ними, а потом, уже с топором, вновь вернулся в дом, разбираться с его хозяином. Но тут вдруг дверь закрылась, и чуть позже послышался вой власнеча, который наверняка собрался перекинуться в тварь. И вой этот все услышали.

— Уже никто не верил, что рыцарь живой оттуда выйдет...

— А он — вышел!

Маршал раздраженно мотнул головой:

— Власнеч?! Да еще и неучтенный? Откуда в этой веси могло взяться это премерзкое чудовище? Эй, а это кто? — Он указал на двух испуганных мужиков, которые угодливо кланялись, боясь приблизиться. — И почему они были в доме?

— Это местный староста и старший кмет, назначенный здесь жупаном, — с готовностью доложил один из оруженосцев. — Вчера вечером мы их видели, а утром, во время боя, их и след простыл. Ну и никто из нашего отряда даже не догадывался, что в веси проживает власнеч.

— Ну-ка поставьте их сюда! — распорядился маршал.

Сопровождающие его гридни, не слезая с коней, подтолкнули копьями мужиков пред ясны очи своего командира. Тот вначале показательно снял рукавицу и лишь затем направил указательный палец на старосту.

— Почему никто не знал, что поганец вольного власнеча в веси пригрел?

— Да какой он поганец, ваше сиятельство! — залопотал, слегка заикаясь, мужик. — Знахарь он и травник, все село лечил, от любых хворей спасал, да еще и урожаи помогал большие выращивать. Все его любили и темного лика его не боялись...

— Так он еще и арап? — искренне поразился рыцарь в позолоченных доспехах.

— Арапов много в наших землях... — развел руками староста, напоминая, похоже, об очевидных фактах.

Но указательный палец рыцаря уже тыкал в старшего кмета:

— Ну а ты почему жупану не доложил про власнеча?

— Не было в нем ничего злого или недоброго, никому жить не мешал. — Этот тип выглядел более смелым и адекватным, не заикался, по крайней мере. — Только помогал! Ну и у светлого волхва странствующего я совета спрашивал, как быть. Так он сам с дедом побеседовал, а когда уходил, наказал старца не беспокоить вниманием жупана и никому о нем не рассказывать.

Тут не удержался от комментария баннерет Молнар:

— Экий ты глупец! Не знаешь, что власнеч любого может заговорить и духом его завладеть? Хм! Наверное, он и тебя заговорил... Потому ты его и защищал, ничего не соображая.

Маршал его поддержал, кивая с грустью:

— Как и старосту... Особенно когда этот арап в силу вошел. — Дальше он, словно добрый пастырь, стал спрашивать: — А сами как у него в доме оказались? Да еще и на рыцаря бросились?

— Ничего не помним, ваше сиятельство! — весьма искренне и честно ответил старший кмет. — Помним, что спать ложились у себя по домам, а потом боль, падение — и мы... вдруг здесь встаем на ноги. А доблестные оруженосцы рыцаря Шестопера нас за шиворот держат... И тут вой раздался...

— Ага, ага, понятно... И вы бежать решили?

— Ну... страшно ведь! Мы все четверо вон за тот дом забежали со страху.

— Да, вой это страшно, — сочувственно кивнул маршал, вроде как пожалев селян. Тем более неожиданным оказался его приказ gridsням, отданный спокойным голосом: — Рубите им головы.

Мужики не успели ни вскрикнуть, ни оглянуться, а их две головы уже покатались по земле. Следом и оба тела рухнули, фонтанирующие кровью.

До этого момента Василий ощущал себя скорее как зритель на шикарно декорированном спектакле. Ни то, что был на волосок от смерти на костре, ни массовое побоище, ни личное ранение, выбитые зубы и пострадавшие губы — ничто на это его ощущение не влияло. Мысли, конечно, упрямо возвращались к вопросу «Где я?!», но по большому счету было плевать. Умер, да и умер! Ни приключения в избе, ни собственное омоложение, ни дознание о колдуне Райкалина не волновали. Наверное, так психика пыталась справиться со стрессом гибели и фактом странного послесмертия. Важнее казалось толком рассмотреть меч и определить его стоимость в долларах.

А сейчас, после казни провинившихся обитателей веси, припекло по-настоящему: «Ужас! Что они творят? Неужели все это всерьез и на самом деле?! Комиссара им в миномет! И ребятки мои, вижу, побледнели... Неужели их тоже маршал имеет право сейчас казнить? Хм! А там и до меня очередь дойдет? Надо что-то делать... Жаль, не знаю, как я выгляжу и сколько мне хоть примерно лет. Но вроде не совсем сопляк, как эти...»

Его подчиненные в самом деле смотрелись жалко — одеться толком не успели, повязки на их ранах пропитались кровью... И по всему чувствовалось, что ласкового отеческого тона человека в красном плаще они боятся больше его громоподобного рева. Скорей непроизвольно, они во время казни сделали по парочке шажков назад, пытаясь спрятаться за спину своего рыцаря. Стало враз понятно: если их начнут прессовать — они сразу же постараются свалить всю вину на Шестопера. А тот, похоже, трус... был.

Скорей всего и умер — духовно и морально — на столбе, как только его начали колоть копьём. Иных живых свидетелей этого позора не осталось, но и избавиться от этих двух оставшихся будет глупостью. Кто тогда расскажет Василию, что вокруг творится? Кто растолкует новые понятия и объяснит, кто такие власнечи? Еще и арапы. И самое главное, они действительно

сильно зависят от своего рыцаря. А значит, с готовностью развеют его дремучую тупость и заполнят странную неосведомленность в происходящем.

То есть в любом случае парней надо оградить от наездов местного Торквемады.

Вот Райкалин и стал действовать: вручил более плотному оруженосцу топор, худощавому — меч. И стал отходить в сторону, на край строя, прошепелявив:

— За мной!

Маршал в это время давал пояснение своим действиям баннерету:

— Все равно они заговоренные были, на любую подлость и измену способные... — И тут увидел отступающую в тылы троицу. Теперь его тон стал возмущенным: — Шестопер! А ты куда?!

Дискутировать с ним не хотелось, да и незнание законов могло только помешать. Поэтому пришлось воспользоваться подсказкой по поводу пострадавшего языка. Раскрыв рот и показав провал на месте зубов, Василий обреченно махнул рукой.

— А-а, гы-гы... — Какой, мол, разговор?

И уже пальцами показал: иду, мол, искать свои доспехи. И ребят надо одеть во что-то приличное.

Это было понято, а вот отказ поведать о самом главном вызвал дополнительные возражения:

— Стоять! Ты ведь так и не рассказал, что внутри дома. Кто там? Колдун?

Райкалин с готовностью кивнул.

— В самом деле арап?

— Ага! Ага! — Это слово выговаривалось легче всего.

— И как ты с ним совладал?

Пальцем — на топор. Ребром ладони на второго гридня, показывая, как после удара тело разваливается на две половинки.

— Да ну?! — В тоне маршала прорезалось явное недоверие. — Так просто взял и разрубил?

Кивок.

— И что с ним теперь?

Новые жесты в сторону головешек соседнего дома, которые, без сомнения, понимались как: «Хана колдуну! Сгорел дотла!»

Но тут вмешался баннерет, который, указывая на дом, спросил:

— Почему тогда мы его поджечь не можем? Ничего не разгорается. Значит, власнеч жив и до сих пор держит защиту.

В самом деле, даже большие факелы, брошенные на просмоленную дранку крыши, погасли, так

ничего и не подпалив. Только некоторые палки, откатившиеся от дома на полтора-два метра, еще дымили, не давая пламени. Шестоперу ничего не оставалось, как в недоумении развести руками и пожать плечами. Дескать, а ко мне какие претензии?

Наверное, хорошо, что за спиной маршала всхрапнула и заржала лошадь под кем-то из всадников свиты сопровождения. Вершитель судеб недовольно оглянулся, и тут же его черты разгладились в озарении:

— О! Христиане-католики! Как я мог о вас забыть! Ну-ка, святые отцы, покажите, чем ваша вера сильнее умения черных волхвов и вольных власнечей!

Там в седлах восседали три священника или монаха в черных одеяниях. Но откликнуться на призыв они явно не торопились.

— Ваше сиятельство, — сказал один из них степенно и со всем почтением, — наше воздействие против злого колдовства нуждается в долгой подготовительной работе. И строгом посте как минимум в течение суток...

— Ха! А вон простой рыцарь вошел и попросту зарубил колдуна. Теперь вам только и остается, что помочь сжечь этот дом. Приступайте!

— Сожалеем, — покачал головой второй священник, — но у нас нет с собой надлежащих символов...

И был с презрением оборван:

— Не вы ли утверждали, что ваш самый главный символ, вера в Бога, всегда при вас, всегда в вашей душе? Эй, помогите святым отцам!

И этот приказ грядни выполнили с завидным рвением. Судя по тому, как они крайне бесцеремонно сдернули священников на землю, они их, мягко говоря, недолюбливали. Затем грубо вытолкнули возмущающихся католиков вперед строя, на то место, где недавно стоял рыцарь Шестопер.

— Дайте им факелы! — чуть ли не с умилением попросил маршал. Дождался выполнения приказа и напутствовал с чувством и пафосом: — Вперед, рабы божьи! И да поможет вам Христос!

Все трое взглянули на юродствующего инквизитора со злобой и ненавистью, но спорить не посмели. Сбившись в кучку, они вытащили из своих одеяний серебряные кресты и, держа их перед собой в левой руке, двинулись к дому. Еще и запели вполне величественно звучащую молитву. Получилось красиво и душевно, хотя Василий никак не мог понять творящегося цирка.

«Что за странные топтания? Действуй от простого, и будет тебе счастье. Вошли, подожгли тряпки с сундуками, и вся байда! Даже меня могли братья по вере вежливо попросить, я бы не отказал им и сам поджег».

Скорей всего и такими действиями не полагалось рыцарям руки марать. Но зато было интересно посмотреть, что у священников получится. Тем более что продемонстрированное отношение к религии, мягко говоря, поражало. Что за мир такой странный? И колдуны-аралы, и волхвы, и поборники Христа вроде как не в чести? Кому тогда поклоняются сами рыцари, ведь ни на одном из них он не заметил ни креста, ни иной религиозной символики.

Тем временем молитва помогла троице приблизиться к дому, и протянутые вперед факелы лизнули огнем нижний край крыши. Казалось бы, через мгновение просмоленная дранка разгорится, но тут что-то грохотнуло, и три синие молнии превратили священников в дымящиеся кучи плоти, исходящие паром и сочащиеся выступившей кровью. Увиденное вызвало вздох ужаса у всех свидетелей данной трагедии. Даже некоторые кони всхрапнули.

Дальше события развивались уже без всякого колдовства и смертоубийств.

Два факела, упавшие на землю, потухли, а третий упал возле самой стены и продолжал гореть. Пламя вроде как несмело лизнуло потемневшие от времени бревна и тут же весело затрещало, взбираясь и распространяясь по стене так, словно туда кто-то плеснул хорошую кружку бензина.

Не прошло и пяти минут, как горела большая часть дома.

— В самом деле власнеч помер, — констатировал громко баннерет Молнар. — Иначе ему сил бы хватило нас тут всех отправить на перерождение.

— Ну да, — с каким-то унынием согласился маршал. — Домовой смерчень тоже крякнулся, раз дом защитить толком не смог. Знал бы точно, вначале послал бы чашников обыск сделать. Наверняка там много ценного сгорит...

— Оно вам надо? — удивился Молнар. — Да и чашников не жалко?

— Чего их жалеть? Пусть бы хоть раз свое содержание отработали. А то жрут как кони, а пользы никакой... Но этот Шестопер, получается, и в самом деле колдуна развалил?

— Получается, что не соврал...

— И мешок у него с чем?.. Эй! Может, и нам покажешь, чего прихватил в доме?

Василий понял, что обращаются опять к нему. И пришла верная догадка, что показать трофеи он может только по своей доброй воле. Приказать ему даже суровый Торквемада не вправе. Поэтому Василий лишь мотнул отрицательно головой и жестом показал, что ничего, кроме одежды, в мешке нет.

Маршал скривился и проворчал:

— Может, и в самом деле ничего ценного... Тем более что в таком доме ни золота с серебром, ни оружия нет...

— Как обычно! — уверенно кивнул баннерет. — Только мне интересно, куда все-таки смерчень делся? И почему он не помог власнечу с рыцарем справиться? А? — Теперь уже и он во все глаза пялился на Райкалина. — Ведь это колдун на тебя выть начал? С какой стати он призывал свою высшую силу на расправу с одним человеком?

«О чем это они булькают? — недоумевал Василий. — Логика подсказывает, что о лягушке речь идет. Но стоит ли мне ее этой толпе показывать? Вроде сидит зверушка тихо, не шевелится и не пищит... Если вообще не издохла во время моего падения».

В ответ он вновь пожал плечами, красноречиво промычал:

— Гы-гы! Агы-ага! — После чего с удовольствием стал присматриваться к краснеющим рожам

старших по титулам и по званиям.

Зато вдруг встрял в разговор худощавый оруженосец:

— Скорей всего господин Шестопер имеет врожденное противление колдовству. Его еще светлый волхв князя Янкоры пытался проверить на отторжение обратной порчи, но у него ничего не получилось. Вот тогда мы и услышали о противлении.

Повисла тишина, и Василий догадался, что от него ожидают подтверждения прозвучавших объяснений. Пришлось степенно кивнуть, а потом небрежно махнуть рукой худощавому, мол, продолжай, разрешаю!

Тот не заставил себя упрашивать:

— Ну и светлый власнеч града Турконь, великий Тейлор, все пытался на господина морок наслать во время свадебного пира тамошнего маршала. Хотел таким образом спор выиграть, кто кого перепьет. Но ничего у него не получилось, проиграл.

— А-а! Слышал я о том споре, слышал, — хмыкнул маршал, с неким подобием улыбки что-то припоминая. — Занятная история!

Под издевательские смешки рыцарей, слегка сломавших строй и отступивших назад из-за жарко горящего дома, кто-то еще и прокомментировал:

— Тогда Шестопер-то и прославился, показав себя великим поглотителем самого крепкого вина.

— Настоящий герой! Беспримерный! — вставил свои пять копеек все тот же Коннеш Найт. — Ура!

Его клич никто не поддержал, да и маршал глянул на него, словно на клопа.

— Тем не менее сегодня он и в бою выжил, и с заговоренными справился, будучи голым, и черного власнеча уничтожил. Значит, не только на пирах силен, а и в брани ратной достоин славы! — Ироничную улыбку Молнара он не заметил. Зато стал распоряжаться, посчитав свое присутствие здесь необязательным: — Ладно, вы тут и сами справитесь, как вижу. Соберите выживших кметов, наверняка сидят до сих пор в погребах. Пусть займутся сложением костров для павших. Ворогов — просто закопают за околицей. А чтобы не самим обысками заниматься, оставлю человек десять челяди своей. Пусть помогают... Эй! Вот ты, ты...

Повернувшись к своей свите, он стал раздавать конкретным лицам указания, сводящиеся к одному: исполнять все приказания баннерета. Судя по недовольным физиономиям, никто не горел желанием оставаться в веси. Все равно пикнуть не посмели, подневольные людишки — это не рыцари, против кормильца не поперешь.

Да и сам маршал, потеряв всякий интерес к этому месту, быстро умчался со своими гриднями и кучкой сопровождающих. Видимо, с теми самыми чашниками, о которых обмолвился, что много жрут.

«Знать бы еще суть доброй четверти непонятных слов, — сокрушался Райкалин, жестами показывая своим оруженосцам, чтобы шли на поиски утерянного оружия, лат и всего остального. — Только и приходится догадываться по смыслу... Но вот про чашников так и не понял, что у них за должности такие?»

Его подчиненные поняли жесты несколько иначе, что в итоге оказалось к лучшему. Они целенаправленно двинулись к одному из уцелевших домов, рассуждая на ходу:

— Конечно, наши вещи и оружие так и остались в горнице. Вроде тати никак не успевали разграбить всю вещь.

— Разве что некоторые неохочие до зрелищ...

— А вот что было бы, нарвись они сами на власнеча?

— То же самое: смерть. Только пали бы не под ударами мечей из чистого железа, а от синих молний, прожаренными как свиньи.

— Может, и так... Потому-то рыцарям и запрещено в незнакомые дома вваливаться.

Переходя улицу, удалось рассмотреть площадь с кучами трупов. Василий ткнул в ту сторону пальцем, вопросительно тыкнул и указал на меч в руках крепыша. Тот опять неверно его понял:

— Нет! Я ни у кого из татей не видел нашей брони, словно специально присматривался. Точно не успели! Хвала Ма... — И словно воздухом поперхнулся, оборвав речь на полуслове. Еще и встал как вкопанный, как-то совсем неумело поднимая здоровенный меч для отражения атаки.

Потому что прямо на них неслись четверо воинов в несовместимых между собой, разных по комплектности доспехах. Видимо, облачались в спешке и в сумерках, а выйдя на белый свет, сразу же заметили трех приближающихся к ним людей. Причем двое из этой троицы выглядели совсем неприятно, пусть и с оружием в руках. Поэтому разбойники и не сомневались, что легко одолеют их, скинули с плеч массивные узлы со звякнувшим добром и молча бросились в атаку.

Худощавый оруженосец, удобнее перехватывая в руках топор, успел все объяснить господину одной короткой фразой:

— Нас ограбили!

И тут же стало не до разговоров.

Глава третья

ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ

Самое неприятное, что Райкалин оказался безоружным. Не выхватывать же оружие из рук оруженосцев? Да и не факт, что он лучше их сумеет управляться с тем же мечом или с топором. Разрубить неподвижно сидящего деда — это совсем не то, что оприходовать прущего на тебя со щитом озлобленного татя. Силенок вроде хватало, как и теории обращения, а вот практики не доставало, да еще и в новом теле.

А про лягушку в сумке он даже и не вспомнил в тот момент. Поэтому ему ничего не оставалось, как пустить в ход уже пострадавший от стрел мешок с одеждой. Обороняющиеся резко рассредоточились, как и нападающие: двое бросились на мечника, один начал бойко атаковать того, что с топором, ну а четвертый принял решение разделаться с безоружным. Наивный...

Бдительность он вроде не терял, будучи готовым отбить щитом тот же мешок, к примеру. Но

все равно не ожидал, что резко раскрученный тюк с вещами полетит ему в ноги, да там еще чуток и подпрыгнет после удара о землю. Вот он и зацепился, ротозей. А Райкалин таких возможностей давно не упускал. Прыжок навстречу упавшему, но еще не до конца приземлившемуся телу и два удара ногами. Шея татя хрустнула, оставив голову под слишком неестественным углом к телу.

Тут же мешок оказался в левой руке Василия, а солидный, красивый меч — в правой. Причем рукоять трофейного оружия легла в ладонь как влитая, а мышцы словно вспомнили, куда и как надо колоть или рубить этим оружием.

Хуже всего приходилось оруженосцу с мечом. И помощь ему была весьма своевременной. Повторный бросок мешком, а за ним удар мечом по правой руке, чуть ниже наплечника. Несмотря на кожаный доспех под сочленениями металлической защиты, рука разбойника осталась висеть на честном слове. И тот с воем завалился наземь.

Вой заставил третьего нападающего резко отпрянуть в сторону и оглянуться, чтобы понять, что происходит. Чем молодой оруженосец не замедлил воспользоваться: попросту проткнул врага в районе солнечного сплетения, как энтомологи прокалывают бабочек булавкой.

А Василий уже спасал второго оруженосца. Сбитый щитом противника, тот лежал на земле и каким-то чудом умудрился рукоятью топора отбить первый удар меча. Нанести лежащему парню второй удар татя не успел: несмотря на бармицу — кольчужную сетку внизу шлема, — его шея оказалась проткнута с такой силой, что острие вылезло у бандита из подбородка.

Пнув падающее тело в сторону, рыцарь еще и руку подал своему оруженосцу. Но пока тот поднимался с его помощью, услышал за спиной восторженно-изумленное:

— Как это мы их!.. Ух! Вернее, ты, Грин! Хоть последнего и не по-рыцарски, со спины...

И враз замолк, чуть отпрянув от развернувшегося резко рыцаря.

— Со спины? — со злостью прошепелявил Василий. — Так он первый начал, собираясь убить лежащего противника, твоего товарища, кстати! Или вы уже не друзья? И мне не следовало его спасать?

— Ну что ты, что ты! — даже обиделся парень. — Это я чисто по инерции ляпнул... Забыл, с кем мы сражаемся... Да и вообще, в любом случае следовало спасти Петри.

«Так, одно имя узнал, — мысленно выдохнул Василий. — Еще бы у второго выяснить как-то ненавязчиво... А так ребята вроде ничего, сработаемся! Как бы еще у них рыцарскую придурь из голов выбить?»

Пока же следовало занять их делом, попутно продумывая вопросы, благодаря которым можно выведать очень много о себе нынешнем, не вызывая этим излишнего недоумения или подозрений.

— Никак все наши вещи хотели прибрать. — Говорить разборчиво в самом деле оказалось трудно и больно. — Сами оденьтесь. А потом... Соберите все, и этих...

Дальше жестом показал: разденьте трупы! Или — проведите соответствующую экспроприацию экспроприаторов!

Но теперь уже Петри не стал скрывать своего удивления, присматриваясь к трупу первого

поверженного Василием врага:

— Невероятно лихо у тебя получилось у этого татя свой меч отобрать. Еще и голову ему свернул при этом...

— Гы-гы! — горделиво хмыкнул рыцарь и шагнул в избу.

Он не ожидал встретить кого-то внутри. Почему-то был уверен, что все сельчане перебиты в сегодняшнем сражении с бандитами.

И немало удивился, обнаружив в горнице шесть человек, целое семейство. Даже замер возле двери, рассматривая их и опасаясь, что перед ним очередные колдуны.

Протиснувшиеся мимо него в избу оруженосцы на вопросительный тычок мечом в кучку людей дали пояснения:

— Да что с ними случится? Закон о непротивлении даже дезертиры и каторжники не нарушают.

— Сидишь дома, не выходя наружу с оружием, останешься жив, пусть и ограблен подчистую...

— Или использован, если это касается женщин! — ухмыльнулся Петри, затаскивая с улицы узлы. — Жалко тех, кто в доме сопротивляться начинает.

— Ну да, их вместе с домом сжигают, — поддакнул плотный оруженосец, выхватывая из кучи вещей кожаный пояс и откладывая его в сторону.

— Ольгерд! Это мой пояс! — зашипел на блондина чернявый. Так и второе имя упало в копилку новых знаний Райкалина.

Оба парня оделись вполне быстро и сноровисто, несмотря на многочисленные повязки, частично сбившиеся. Затем занялись делом: раздевали во дворе трупы и сносили все отобранное в выделенную рыцарю комнатуху. Вторую такую же спальню они делили на двоих, но все равно все вещи без исключения, как и трофеи, сносили на жилплощадь господина. При этом довольно жестко припахали к работе и хозяев дома, напоследок отправив мужчин копать яму для трупов, а женщин заставили готовить обильный обед.

О том, что женщины оказались «использованы» татями, говорили их порванные юбки и заплаканные лица. Впрочем, сильно это местных пейзажей не огорчало. Как и мужскую часть семейства. Лучше уже такой платой отделаться от грабителей, чем валяться сейчас с выпущенными кишками на улице.

Так что еще один штрих дополнил картину местного мироустройства. Но в любом случае белых пятен оставалось невероятно много. И, с одной стороны, очень кстати травмированные губы и выбитые зубы. А вот с другой...

Василий ужаснулся, только представив себе процесс поглощения вождельной отбивнушечки или жареной картошечки. И слюной чуть не захлебнулся. Но со слюной кое-как справился, а вот с ужасом не получилось.

«А ведь не смогу жевать! — паниковал он. — Да что там жевать, я рта толком раскрыть не могу! Пить будет проблематично. И что теперь делать?..»

Тут еще и запахи от большой, вполне вместительной печи стали распространяться, вызывая чуть ли не головокружение. Пришлось включать фантазию на полную катушку, чтобы в скором времени хоть как-то отобедать и максимально насытиться. Иначе бессилие обеспечено.

Райкалин вмешался в процесс приготовления, показав женщинам сначала на свой рот, а потом на варившиеся среди кусков мяса кругляши каких-то овощей. Но достав и рассмотрев на большом половнике грудку кусочков, понял, что это не картошка. Некий гибрид редьки с репой, причем твердый, поддающийся только крепким молодым зубам. Помидорами или чем-то подобным здесь не пахло. Да и мясо оказалось на поверку жестким, как подошва. А ведь уже на стол глиняные миски поставили, значит, собираются вскоре подавать блюдо!

На второе намечалась разогретая каша, сходная по твердости с пшеничной крупой, к тому же частично сырой, недоваренной. Злости рыцаря не было предела, и он решил для себя приготовить отдельно. Благо, что еще один жбан отыскался. Налил туда бульона из супа, мелко накрошил мяса, выловленного из общего котла. После чего выбрал немного каши и стал ее добавлять в кипящее варево, стараясь не сильно загустить.

Напоследок потребовал показать все запасы провианта. Нашлись сливки, деревянный хлеб, такой же окаменелости творог, десяток яиц и некое подобие льняного масла. Хотя в последнем явственно чувствовался привкус лесных орехов. Соль имелась. Перца и всего, что относится к длинному списку специй, не существовало.

Тем не менее все, в том числе и пяток яиц, сброшенное поочередно в кастрюлю и томившееся там лишних пятнадцать минут, превратилось во вполне желанное для организма яство. И потребовалась масса зверских усилий, чтобы удержаться от немедленного поглощения получившейся клейкой массы с вкраплениями мяса. Из-за ран во рту горячая еда могла стать причиной воспалений, язв или еще чего похуже.

Получилось, что Петри с Ольгердом уже давно поели, хозяева дома насытились, а господин рыцарь только-только приступил к медленно остывающей трапезе. А чтобы на него не пялились, как бараны на новые ворота, решил совместить приятное с полезным и получить интересующую его информацию. Подхватил глиняный жбан со своей стряпней и отправился в свою комнату. Оруженосцев тоже позвал, заставил плотно прикрыть дверь и, усадив на кровать, начал с вопроса:

— С чего это вы на меня так странно смотрите?

— Слишком ты изменился, Грин, — ответил Ольгерд, осторожно подбирая слова. — Черного власнеча убил, старосту с кметом как детей заломал и троих одоспешенных татей играючи убил...

— Так надо! — подняв указательный палец, веско заявил Василий.

— И... кашу самому стряпать? — поразился Петри.

— А я смогу есть что-то другое? — пришлось прошамкать в ответ.

— Ну... мог бы бабам объяснить, чего хочешь.

— Легче самому, чем столько говорить. — Он проглотил с блаженством очередную ложку и ею же угрожающе помахал парням. — Никому ни слова о моих странностях! Я был вынужден так себя вести...

— Для чего? — вырвалось сразу у обоих.

— Еще не время вам это знать! — Шамкая и шепелявя, грозно не скажешь, но все-таки получилось впечатлить, добавить нужные обертоны. — Потом расскажу. А сейчас давайте разберем, что с нами утром случилось, и выявим наши главные ошибки. Петри, давай рассказывай все с момента нашей побудки.

— Все-все? — засомневался тот.

— Каждое наше движение и каждую свою мысль по этому поводу.

— Зачем? — Парень выглядел ошарашенным.

Следовало на него гаркнуть, но здравый смысл требовал сдержаться, да и выбитые зубы не располагали к резкому тону.

— Потом объясню. Приступай!

Тот пожал плечами, переглянулся с товарищем и начал с явной неохотой:

— Все началось еще до рассвета...

История оказалась банальной. Такое могло произойти во всех мирах, особенно в периоды лихолетья и непрекращающихся войн. Сборный отряд обнаглевших бандитов решил взять на меч весь и поживиться трофеями со стоящего на постое отряда рыцарей. Может, и вырезали бы всех поодиночке, без шума и крика, да помешали поднявшие тревогу дозорные. При чем оруженосцы, стоявшие на посту, заметили татей издали, и звук боевого рога поднял на ноги всех.

Вот тогда господин Шестопер и проявил присущую ему трусость. Не успев толком одеться, он заставил оруженосцев покинуть дом и спрятаться в сарае. Тем временем бой разгорелся, рыцари успели облачиться в латы, пусть и частично, и дали достойный отпор не только своими силами, но и подняв на сопротивление кметов. Если бы нападающих было не так много, это бы сработало, но тех оказалось за три сотни. Пусть и плохо вооруженные, неумелые, но они побеждали количеством. Или забрасывали противника стрелами, кольями и камнями издалека.

Когда потасовка приблизилась к сараю, еще больше испугавшийся Грин приказал отходить огородами. Вроде и вырвались, вроде и ушли от боя... Но на окраине попали в лапы заградительного отряда и были постыдно пойманы в сети.

Причем момент их трусливого бегства заметили несколько человек из своих, да и сам баннерет Варширок, уже будучи привязанным к столбу, кричал на Шестопера: «Трус! Никчемность!» Значит, ему успели донести. Ну а о том, что было дальше, Райкалин и сам знал или догадывался. Поэтому взмахнул рукой:

— Стоп! А теперь ты, Ольгерд, скажи, что именно мы сделали неправильно?

Блондин выпучил глаза, не признавая абсурдности вопроса, и выпалил:

— Все! Все мы сделали неправильно! Не по-рыцарски! Надо было броситься в бой и погибнуть вместе с товарищами!

Обдумывая свою ответную речь, Василий сделал длинную паузу, заглотив неспешно десяток

ложек варева. Потом попытался прошепелявить как можно проникновеннее:

— Есть сиюминутная честь, а есть — высшая! Которую доверяют беречь не каждому, и сокрыта она под страшными тайнами и защищена суровыми клятвами! К примеру, наш король, чтимый вами... — Новая пауза, во время которой в глазах парней заплескалось уважение и даже некий мистический ужас. Но это подтвердило предположение, что король в здешней стране имелся. И на него можно смело сослаться. — Дал мне особое, тайное задание! И для его выполнения позволил мне притворяться трусом, неумелым воином, избегать схваток и дуэлей, даже обманывать в вопросах рыцарской чести, вот.

И продолжил есть, ожидая реакции оруженосцев. Первым не выдержал Ольгерд.

— Но ты никогда не виделся с королем! — воскликнул он с возмущением. — И нам об этом ни словом раньше не обмолвился!

— Тайна...

— И чем докажешь, что ты выполняешь задания короля? — прищурился Петри.

— Своими умениями. И тем, что вас пожалел.

Парни переглянулись, пытаясь понять ход его мыслей.

Ловкость, воинское умение и великое бесстрашие Шестопер доказал. Но при чем здесь жалость? О чем и спросили чуть ли не хором.

Теперь прищурился Василий:

— Чуть позже сами поймете. Но вначале все-таки объясните, как нам... точнее, как мне следовало действовать сегодня утром, учитывая высшие интересы государства? Давай, Ольгерд, давай! Думай и предлагай варианты, а я буду одобрять твои мыслительные потуги, если они двинутся в верном направлении.

Крепыш задумался и выдал первое рассуждение:

— Если следовало сохранить жизнь, то в бой нельзя было вступать, не зная точно численности врага.

— Угу! — И поощрительный кивок.

— И латами не следовало перегружаться, лучше бежать налегке.

Очередной кивок.

— К лошадям, которые в большой конюшне оставались возле дома старосты, тоже мчаться было бы глупо. То есть прятаться в сарае было выгоднее по причине закона о непротивлении. Дальше следовало нам... — Повинуясь жесту Василия, поправился: — Тебе отходить к околице осторожно... Разведать дорогу, просматривать и только потом...

— Не-а! Хотя шел ты по верному пути: разведать! В том числе и послав впереди себя авангард в виде... Кого?

Будущие рыцари поняли. Но овцами на закланье становиться было неприятно, поэтому угрюмо нахмурившийся Петри спросил:

— И почему ты нас не послал?

Прежде чем ответить, Райкалин печально кивнул несколько раз.

— Потому что не смог вами рисковать. Мы ведь стали почти друзьями... Вот я и не принял решительных мер для своего спасения. Одно дело прослыть трусом, другое — остаться без товарищей, а потом винить себя в их гибели. Вот и получается... чудо, что остался жив, чуть не провалив данное мне задание.

Выражение лиц у парней сменилось на покаянное. Но все равно они в глубине души не могли поверить в искренность сказанного. Видимо, не замечали никогда той самой дружбы между собой и рыцарем, виртуозно притворявшимся трусом и бестолочью. Но, с другой стороны, как ее заметишь, если друг специально ведет себя совсем по-иному?

Дальше пошли сомнения иного плана.

— Получается, что ты раскрылся? — нахмурился чернявый.

— С чего бы это? Двух кметов свалить да старцу лоб развалить — проще не бывает. Ну а про этих четверых, — Райкалин мотнул головой в сторону двора, — мы хвастаться не станем.

— И ты будешь дальше терпеть издевательства Коннеша Найта? — скривился с сожалением круглолицый блондин.

— Да ерунда! Я его и не замечаю почти...

— Как?! Он постоянно тебя оскорбляет, обзывает трусом, три раза вызывал тебя на дуэль, и тебе пришлось изыскивать тысячи причин для отказа.

— Хм, как бы тебе объяснить? Конечно, Найт достоин наказания. Но какой смысл в нашем поединке именно сегодня? Никакого! Месть надо совершать обдуманно, со смыслом, в интересах своего главного дела. Вот когда мне будет выгодно убить Коннеша Найта, я это сделаю без малейших сомнений. Кстати, почему у него такое имя и почему вы его так ненавидите?

— Так он же венгр! — в один голос воскликнули пораженные парни. Для них это было очевидным, а вот Василий понял, что чуть не попал впросак.

— Это я и без вас знаю. Но раз он в данный момент воюет в нашем строю и в нем не сомневается командование, значит, и вы обязаны приструнить свое к нему негативное отношение. Или хотя бы тщательно скрывать свою к нему недоброжелательность.

А сам подумал: «Пора переходить к изучению истории этого мира. Иначе спалюсь, и никакие заверения в дружбе или ссылки лживые на великую тайну не помогут. Теперь надо подтолкнуть их к наводящим вопросам...»

Но те и сами не забыли о самой интригующей теме беседы.

— Если мы твои друзья и ты нам настолько доверяешь...

— ...то почему не расскажешь о задании короля?

С разбитым лицом ироничной улыбки не получится, но рыцарь попытался это сделать. Тут же скривился от боли и постарался шепелявить более разборчиво:

— Могу рассказать. Но только о первой его половине. И только после проверки ваших... — Заметив, как оруженосцы дернулись и стали кривиться, успокоил их: — Речь не о ваших воинских умениях. Мне важнее ваши знания по истории, географии и умение разбираться в политике. Если сдадите экзамен — заслужите мое доверие, узнаете часть тайны и будете уже зрелее, целенаправленно работать над ее разгадкой. Договорились?

Оба парня кивнули, а более простодушный на вид Ольгерд еще и удивился:

— Чего там знать-то? Спрашивай!

— Нет, вы свои знания покажете, не на мои вопросы отвечая, а как бы делая полный доклад, обзор, свое видение ситуации в целом. Важно и умение в финале подвести итоги и сделать правильные выводы. Точнее говоря, постараться предвидеть, как именно в ближайшее время поступят правители сопредельных государств и какими политическими изменениями это грозит всему миру.

Эпичность и масштабность предстоящих докладов парней не просто поразила, а ввергла в растерянность. Они даже не знали, с чего начать демонстрацию своих знаний. Но после нескольких наводящих вопросов успокоились и стали, дополняя друг друга, рассказывать о данном мире. А Василию Райкалину только и оставалось, что поглощать свою кашу да впитывать потоки хлынувшей на него информации.

Глава четвертая

НОВАЯ ИСТОРИЯ

Тем более что информация оказалась невероятной, разноплановой и жутко интересной. И она окончательно утвердила его в мысли, что вокруг никакой не ад и не его первый круг. А самая обыкновенная Земля, со временем, примерно соответствующим тринадцатому или четырнадцатому веку, но с совершенно иной историей своего развития.

Разница поначалу вообще в голове не укладывалась, но примерная политическая расстановка сил на планете наконец-то прояснилась. Как и примерная точка бифуркации, после которой история данной Земли пошла по иному пути.

Произошло это раздвоение в шестьдесят первом году от Рождества Христова, хотя никто подобное летосчисление официально не вел и календарей в нынешнее время существовало целых четыре. Те же католики вели летосчисление со дня основания Рима, и, несмотря на тотальное верховенство в империи христианства, никто не решился перейти на новое летосчисление. Иначе говоря, к данному времени Римская империя продолжала существовать, отсчитывая уже двадцать пятый век с момента своего основания. Она довольно крепко стояла на ногах, но ее границы привели бы в шок любого историка из родного мира Василия Райкалина.

Так, европейские страны Франция, Германия, Испания, Португалия, Голландия, Бельгия, Швейцария, Чехия и Австрия были разделены на провинции и существовали лишь как территориальные образования Великой Римской империи. Ну и самое главное, в империю входило более половины всей Африки и вся южная часть Аравийского полуострова. Почему так получилось, Райкалин разобрался гораздо позже.

Чего еще из важного не случилось в истории данного мира, так это возникновения ислама. В агрессивной для себя христианской среде не только ислам не смог появиться и разнообразить вселенную, но и все прежние монотеистические религии тех земель были обречены на

вымирание.

Тем более что вся северная часть Аравийского полуострова тоже находилась под властью христиан. И тоже империи.

Вот эта самая империя и являлась второй весомой силой, весьма крупной территориально, на мировой арене. Называлась она Греческим царством, со столицей в Константинополе. Царство во всем походило на реальную Византийскую империю. Помимо северной части Аравийского полуострова царство занимало Малую Азию, все Балканы, запад Сирии, солидный кусок Ирака и Армении с Грузией. Ни о какой угрозе для Греческого царства со стороны османов пока и речи не шло. Да они и не смогли бы появиться при такой силе государства и его несомненной политической стабильности. Религия в Греческом царстве была православная, что весьма помогало царству довольно мирно сосуществовать с католической Римской империей.

Летосчисление у греков велось по римскому календарю.

Третья империя, довольно грозная, беспокойная и агрессивная для всего мира, простиралась на севере Европы. Называлась она империей бриттов и являлась чисто языческой. На ее календаре отсчитывался три тысячи четырнадцатый год. В ней поклонялись природе, и огромное влияние на внутреннюю политику оказывали друиды. В состав этой империи входили все острова за Ла-Маншем и в Северном море, Дания и вся Скандинавия с небольшой частью Кольского полуострова.

И скорей всего именно из-за событий в этой империи, на заре ее создания, история здешней Земли пошла совсем по иному пути. Хорошо, что Василий основные исторические вехи развития Европы знал и смог определить тот самый шестьдесят первый год от Рождества Христова как точку бифуркации. Именно тогда королева бриттов Боадичея (весьма импозантная и харизматическая личность) организовала восстание своих подданных против римских колонизаторов. Только здесь она не проиграла главное сражение с легионерами, а сумела сбросить их в море. А потом зачистила все северные пространства от римлян и многочисленных странствующих апологетов христианства. Боадичея и стала впоследствии священной основательницей могущественной империи, в которой совместно с королями правили друиды, прославленные ярлы и великие конунги.

Миссионеры, конечно, во все века рвались к северным язычникам и до сих пор рвутся, но ничего толком не добились, кроме как удобрять своими останками священные рощи друидов. Именно поэтому вся нерастроченная любовь католиков к человечеству, их желание вывести людей к свету новой веры и было направлено Римом в иную сторону, в Африку. Вот там уже миссионеры с легионерами развернулись вовсю! Крестом и мечом заставили негров креститься, а потом взяться за работу, за постройку дорог и городов, за возведение храмов и за вырубку тропического леса для ведения сельского хозяйства. В связи с чем половина Африки процветала, жила вполне зажиточно, а среди странствующих по Европе рыцарей было очень много арапов. И даже власнечей с черными лицами хватало.

Следует остановиться на истории возникновения особой территориальной единицы в Европе. Формально она имела название Варяжское царство и являлась буферной зоной между христианами и язычниками. А фактически это была полоса нейтральной земли, где царил анархия, культ грубой силы и велась война всех со всеми. Тамошнего царя толком никто не признавал, тем более что менялся тот регулярно каждые полгода, после очередного покушения или проигранного сражения.

Столицей Варяжского царства являлся город Слодеж (как стало понятно по карте, он

располагался между знакомыми Василию городами Лодзь и Краков). Само государство неровной, изломанной дугой, вогнутой в сторону Западной Европы, протянулось от Балтийского моря к Черному. Ширина полоски от ста до двухсот километров. На севере начало дуги — между Кенигсбергом и Данцигом (Гданьском). На юге окончание — примерно от места, где находилась Одесса, до границы с Румынией.

Насколько было известно оруженосцам, сейчас на Варяжский престол взошел славный воин, но весьма жестокий и циничный политик, некий викинг по родословной, именующий себя Харольдом Святочем. По их мнению, Харольд Святоч продержится у власти не более чем пару месяцев. Слишком уж был прямолинеен, при полном отсутствии у себя навыков дипломатии. К тому же начатые им реформы и внутригосударственные преобразования не способствовали его популярности в широких массах малоуправляемого народа. Точнее, не народа, а сброда, стекавшегося со всего света в Варяжское царство в поисках приключений, славы и быстрого заработка.

Зато в царстве не было никаких запретов для проповедников, миссионеров или апологетов любых религий. Так что именно туда устремились многочисленные представители и защитники всевозможных зачастую противоречащих друг другу верований и догм. Священники, шаманы, друиды, волхвы и власнечи сражались между собой не только на теологических диспутах, но и в колдовских дуэлях, собирая при этом толпы восторженных зрителей. А то и банально с мечом в руках рубили друг друга, резали кинжалами или травили ядами. Получался как бы некий полигон, на котором по колено в крови шло сражение за приоритеты для самой лучшей, справедливой, человеческой и так далее религии.

Как можно вообще править в такой неразберихе, Райкалин даже представить не мог. И уж совсем не завидовал царскому титулу какого-то там Харольда Святоча.

Потому и оборвал повествование о нововведениях в Варяжском царстве:

— Ладно, это вы знаете хорошо! Теперь поведайте об истории здешнего государства и как вы оцениваете его влияние на расстановку политических сил всего мира.

И в этом вопросе парни оказались на диво подкованные, ошеломили разносторонними знаниями. Что немало озадачило Василия: «Как они вообще стали моими оруженосцами? По каким критериям отбирались мною? Или тут все такие умные? Да и почему так долго оставались именно при мне? Видели ведь, что трус... Надо будет у кого-то постороннего выведать...»

После чего продолжил слушать с притворным невниманием.

Вокруг простиралось Великое Литовско-Новгородское королевство. И уже по одному названию становилось понятно, что оно является аналогом Литовского княжества, существовавшего в реальной истории. Но здешнее, пусть и оставшееся языческим, казалось не в пример могущественнее и больше. На его территории находилась половина Польши, вся Прибалтика, Белоруссия и половина Украины вместе с Киевом. Хотя из всех перечисленных мест и городов идентичное название осталось только у Новгорода, Вильнюса да у Киева. Все остальные земли считались исконно принадлежащими королевству и носили иные названия. Даже таких этносов не существовало, как эстонский, латвийский или польский.

Несмотря на конкретику в названии королевства, его столицей оказался город Слуцк. Тот или не тот, который существовал в Белоруссии, еще предстояло выяснить. Зато и летосчисление велось уже по третьему календарю и соответствовало древнеславянскому, ведущему свой

отсчет от Сотворения мира. Шло лето шесть тысяч девятьсот третьего года. И ни единого сомнения не прозвучало в правильности существующего здесь календаря.

Это не сильно удивляло, а вот отсутствие некоторых национальностей поразило гораздо больше. Когда Райкалин стал задавать вопросы по этой теме, докладчики недоуменно переглянулись и признались, что о названных народах ничего не знают. Разве что после конкретной наводки на город Краков, существующий и здесь, Ольгерд пояснил, восклицая:

— А! Так это те, которые проживают в верхнем течении реки Висла! Есть там одно племя, постоянно хотят то независимости, то присоединения к одной из христианских империй. Недавно опять бунт случился, во время которого и погиб прежний варяжский царь. А новый, тот самый Харольд Святоч, часть бунтовщиков казнил, а часть нашему королевству продал на каторжные работы в каменоломни и по добыче руды.

Из чего Василию стало понятно, кто ранним утром напал на весь совместно с татями и беглыми дезертирами: те самые беглые краковские каторжане.

«Жаль, — подумал он. — Такой великий народ пресекли! — Полякам он симпатизировал, любил польские фильмы, особенно кинокомедии. — Кому они так сильно мешали? Или изначально беднякам не дали шансов на осознание себя как этнос? М-да, очень жаль...»

Он помнил по истории, что Литовское княжество окончательно прекратило существование лишь в восемнадцатом веке. Так что здесь оно тем более пока стояло ух как крепко. Если и воевало, то по руслам рек с Греческим царством или с соседями на востоке. Да и то эти войны велись скорей от скуки, чем с изначальным стремлением завоевать соседа с потрохами, до дальней границы. Пограбить, пойти с походом на какой-нибудь город, нагнать полон с иных земель, для пополнения своих весей — вот и вся распря. И на данное государство никто не рисковал нападать всерьез, его рыцари и наемные войска славились по всему миру. Тем более что Великое Литовско-Новгородское королевство поддерживал всегда и во всем его главный союзник, империя бриттов.

Правил здесь четырнадцатый год подряд король Ярослав Хорфагер, уже восьмой по счету из правящей династии Хорфагеров. Мудрый правитель, неплохой военный стратег, посредственный экономист. Нельзя сказать, что государство развивалось при его правлении, но зато существовала стабильность, народ не бунтовал, и даже самые бедные крестьяне не голодали.

А что выделяло королевство среди соседей — это отделение языческих религий (да и всех остальных) от государственных структур управления. Ни один светлый волхв или власнеч не числился у короля в советниках и не имел права влиять на вече в городах или в весях. Тогда как черным волхвам без обязательной регистрации вообще не позволяли проживать в государстве. Если таковых находили, могли уничтожить на месте по приказу жупана, воеводы, маршала или князя. В особых случаях такое право давалось и баннеретам, то есть рыцарям, командующим воинскими отрядами и подчиняющимся высшим государственным чиновникам.

В то же время терпимо относились к христианским миссионерам, которые, особенно в последние годы, пробирались в королевство рядами и колоннами из обеих христианских империй, пытались доказать и проповедовать о верховенстве именно своей религии.

Ну и напоследок стало понятно, что данная весь, называемая Тарки, находится где-то в районе Гомеля, чуть южнее его. Хотя самого города с подобным названием в этом мире не существовало.

По этой теме возникли у Василия совсем иные размышления: «А ведь меня, если судить только по географии, недалеко забросило! — Еще и суток не прошло, как он позорно погиб в городе Брянске, будучи там с визитом. — Нет ли взаимосвязи между этими точками в пространстве и во времени? Правда, я там разбился насмерть, но...»

И сам себя остановил, оберегая от неуместных мыслей и разыгравшейся фантазии. Чтобы делать какие-то выводы, следует вначале всю информацию о местных чудесах изучить, к тайнам здешнего колдовства прикоснуться. В том, что колдовство существует, Райкалин не сомневался. Своими глазами видел, как пытается власнеч регенерировать кусок черепа с внушительным участком мозга. Потом и гибель троих священников подтвердила, что сгорели они совсем не по вине незаземленного рубильника. О неведомой лягушке, превращающейся в режущий плоть сюрикен, тоже не следовало забывать.

И самое главное чудо: посмертие. Погибший в Брянске Райкалин тут же оказывается в теле рыцаря Шестопера. Как, почему и с какой стати — это уже иные вопросы. А вот фантазия, что возможен обратный переход домой, приятно тешила, согревала сознание.

Оруженосцы тем временем окончили свой рассказ и требовательно уставились в глаза господину. Мол, давай делись половиной своей тайны!

Пришлось указывать на явный пробел в их докладе:

— Молодцы, что столько помните и правильно ориентируетесь. Хотя сразу скажу, знания ваши неполные, имеется много пропусков, видится нестыковка в выводах. Это дело поправимое. Но почему ничего не говорите о государствах в восточном направлении и на юго-востоке?

Петри фыркнул в раздражении:

— А чего там рассказывать? Тартария, Русь, или иначе Великая Скифия, состоящая из десятков княжеств. А за ними, гораздо южнее, Великая Поднебесная империя, которую в этом году монголы завоюют окончательно, до самого моря. Как и страну экзотических специй под себя подгробут — Индию.

— Да и по большей части то, что мы знаем о Востоке, это итоги твоих лекций, — добавил Ольгерд. — Лучше тебя мы все равно не расскажем. Потому что именно тебе, а не нам это все какой-то прославленный путешественник из Персии баял.

«Вот и облом! — расстроился Василий. — Придется эти сведения у кого-то иного выпытывать. Но сразу замечается одна странность: татаро-монгольского ига на Руси нет. Вместо этого орды завоевателей ринулись на Китай и даже в Индию. Возможно, и Пакистан с Персией захватили, раз тут всякие путешественники оттуда бродят...»

Размышлять времени не было, следовало красиво преподнести единственно уместную в данном случае ложь:

— В самом деле, чего мне выслушивать от вас повторение моих же слов? Поэтому констатирую: первый экзамен вы сдали. Никак не отлично, хочу заметить, но вполне сносно. Поэтому первую часть тайны я вам приоткрою. Назову только суть, и с тем условием, чтобы вы мне лишних вопросов больше не задавали. Тогда как сами, если что случайно услышите важное по этой теме, сразу будете мне докладывать. Договорились?

Парни с чувством и нетерпением закивали.

— Клянетесь молчать и хранить тайну?

— Клянемся! — выдохнули они.

— Тогда слушайте... — Для пущей интриги рыцарь перешел на шепот, предварительно оглянувшись на плотно запертую дверь и на окно. — Первое задание, данное мне королем, это поиск знаменитых сокровищ князя Балаша!

— Да ну? — разочарованно протянул круглолицый Ольгерд.

А Петри неуверенно добавил:

— Это же сказки!

— Тсс! Не забывайте о клятве...

— И что нового ты мог узнать?

— Наверняка какие-то высосанные из пальца слухи и надуманные сплетни.

«Ну хоть сразу ржать не стали, — с облегчением вздохнул Василий. — Да и тати на площади сразу поверили тому, что кричал Варширок. Значит, сокровища в наличии и можно их искать до скончания веков. Хе-хе! Главное, чтобы верили в мою миссию и с вопросами не лезли!»

А вслух сердито и жестко напомнил:

— И не забывайте об условии: не приставать ко мне с вопросами! — Пора было ребятам закручивать дисциплинарные гайки. Поэтому и прямая угроза не помешает для пользы дела: — Я вправе не только подыскивать себе помощников, но и убирать несправившихся или предавших.

Проняло ребят. Поняв, в какую тайну нечаянно влезли, они загрустили. Минуты две напряженно молчали, прикидывая мысленно все «за» и «против» своего участия. Но молодости несвойственно заглядывать далеко в будущее и просчитывать только негатив, позитив победил. Хотя сомнения оставались:

— Почему ты нам открылся?

— Ну да, мог ведь и дальше вести себя по-прежнему...

— Увы, ребяташки, обстановка резко изменилась. Теперь я просто вынужден вести себя иначе. Ну и мне нужны, очень нужны помощники. И первое задание для вас: всем и везде утверждать, что я всегда был такой смелый, нахрапистый и отчаянный. А скрывал это по причине обета, данного одной высокопоставленной даме.

Рыцарство — оно и в Африке рыцарство. Хватает разных пережитков, глупостей и условностей. Так что легенда о каком-то странном обете была воспринята с пониманием. Задание — с готовностью к исполнению, а высокое доверие господина — с гордостью.

Но вообще-то Райкалин сильно рисковал, сооружая такую многоступенчатую ложную легенду вокруг себя. Достаточно было оруженосцам задать два простеньких вопроса: «Как выглядит король Ярослав Хорфагер?» или «Кто такой князь Балаш Скорый?» — и лживый рыцарь окончательно запутался бы в своих фантазиях, далеко оторванных от здешней действительности.

«Так что надо как можно быстрее и эти детали выяснить, — делал он себе наметки будущего. — Только у кого? И как?»

Попутно радовался, что потребовал заранее не приставать с лишними вопросами. Ну и вовремя вспомнил, что главное — это загрузить подчиненных работой поверх голов. Тогда им станет не до праздных вопросов.

— Немедленно проверьте комплектность наших доспехов! Все вычистить! Оружие в особенности! А я пойду гляну, что там снаружи творится.

Он направился к двери, как вдруг вспомнил о двух вещах: надо взять оружие и, второе, выяснить, что тут с платежной системой.

— Что у нас с деньгами? — Слово такое было, значит, что-то ответят. Но парни уже в сотый раз за сегодня надулись и выглядели обиженными. — Чего молчим? Конкретней нельзя?

Более непосредственный Ольгерд высказался в сердцах:

— А нечего было в кости проигрывать рыцарю Гальцару! Еще и наши последние серебряшки забрал и те проиграл!

— Точно?

— Что точно? Что проиграл или что забрал? — Оказывается, парень был не чужд едкого сарказма.

— Что последние, — повысил голос Шестофер, демонстративно сжимая кулаки и приподнимая плечи, словно для атаки. Но тут же спохватился, видя, как ребята вжались спинами в стену, и попытался улыбнуться разбитыми губами. — Да верю я вам, что больше нет у нас ничего, верю. Но уж больно мне... этого Гальцара надо было расслабить. Очень хотелось получить ответ на вроде бы ничего не значащий вопросик...

— Получил? — заинтересовался Петри.

— Само собой! Только этим знанием в корчме не расплатишься... Хм! — И принялся рассуждать вслух: — У кого бы мне подзанять денег?..

Так как пауза затянулась, Петри понял, что вопрос задан ему.

— Тебе многие из нашего отряда были должны, пусть и по чуть-чуть. Но все они... уже ушли на перерождение. Должны и другие рыцари, трое из них в отряде баннерета Молнара.

— И кто больше всех должен?

— Да тот же Коннеш Найт и должен! — выдал оруженосец сгоряча и тут же округлил глаза в ошеломлении. — А ты что, не помнишь?

Пришлось выкручиваться с помощью демагогии:

— Вот представь себе, дружище, что тебе нечто неприятно до омерзения. А уничтожить тварь или предмет нельзя до определенного срока. И не лучше ли просто сделать вид, да и самого себя убедить, что ты эту омерзительную тварь не замечаешь? А взамен назначить себе некий срок, после которого все зачтется. И вот вопрос: все ли мерзкие поступки твари ты станешь фиксировать, а потом перебирать постоянно в памяти?

— Нет, конечно! — сообразил парень. — Почти все постараюсь забыть сразу.

— О! Вот она, святая истина! — Василий почти перешел на тон проповедника. — И по делам его да воздастся ему! Вот и я забыл... Но! В то же время помню все! И если спрашиваю вас о чем-то, то лишь для проверки ваших знаний! — Затем еще больше повысил голос: — А вы, став моими особо доверенными помощниками, обязаны отвечать сразу, без раздумий и каких-либо сомнений! И тем более без вопросов и пререканий! Все понятно?

Теперь уже оба парня пялились на рыцаря, рискуя остаться без глазных яблок.

— Да, господин!

— И я задал вопрос!

— Рыцарь Найт должен шестнадцать с половиной золотых.

Василий не представлял, много это или мало, но предпочел сыграть озадаченность:

— Хм! Это когда только успела набежать такая сумма?..

— Два раза он брал как бы в долг, после твоего отказа от дуэлей с ним! — Теперь ответы были четкими, конкретными, словно ребята отчитывались перед маршалом. — Ты мотивировал отказ от поединка своей дружбой с Коннешом, а он с издевкой потребовал: раз друзья, мол, то одолжи пять золотых. Остальное набежало по мелочи.

— Ну да, помню... — Василий почесал в затылке. — Придется с этим типом разобраться... Кто еще должен?

Про остальных тоже доложили во всех деталях. Плохо было, что в отряде баннерета Молнара Райкалин мог опознать только самого командира да Коннеша Найта. И вообще крайне слабо ориентировался в законах, правилах и взаимоотношениях здешнего рыцарства. Дальше расспрашивать оруженосцев — уже перебор. При встречах с иными коллегами молчать, ссылаясь на поврежденный язык, тоже не выход, хотя на первых порах сойдет. Но ведь можно просто своими действиями, поступками или незнанием местных традиций попасть впросак.

Тот же момент с оружием, к примеру. Можно ли сейчас выйти наружу, имея при себе только меч? Или не помешало бы и щит прихватить?

Пришлось делать вид, что он размышляет вслух:

— Что бы лучше с собой захватить во двор? То, что не требует срочной чистки...

— Да свой меч и возьми, — посоветовал Петри. — Правда, с ним положено и щит рядом кому-нибудь из нас нести...

— Может, тогда лучше трофейный двуручник, что я взял у власнеча?..

— Разве что на плече, — скривился Ольгерд. — Тогда и щит не нужен.

— Зато впереди должен кто-то безоружный идти, — заспорил с ним его товарищ. — Чтобы встречные видели: рыцарь просто прогуливается, а не на поединок собрался.

— Ну да, ну да... Ладно, возьму молодого сельянина...

Уже начавшие возиться с оружием парни на это отреагировали полным равнодушием. Значит, нарушений нет, сойдет и простой крестьянин для обозначения «безоружного».

Василий подхватил добытый у колдуна меч, положил его на плечо как лесину и вышел за дверь. В горнице он увидел парня лет семнадцати, о котором и думал изначально. Приказал:

— Пойдешь со мной! Чуть впереди!

Тут же под ноги с причитаниями метнулась одна из женщин. Пришлось пояснить ей:

— Мои оруженосцы заняты приведением доспехов в порядок. А мне нужен кто-то идущий впереди, показывающий, что я иду с миром.

Похоже, что и глава семейства в этом разбирался. Он шикнул на женщину, и та убралась прочь с дороги. Да и парень шагнул за дверь явно без опасения за свою жизнь. Даже плечи расправил с гордостью.

Пересекли двор, уже без всяких следов кровопролития вышли на улицу. Там тоже ни один труп не портил сельскую пастораль. Василий остановился, выбирая, куда пойти: влево или вправо? Или остаться на месте? Его внимание привлек опорный столб ворот. На его вершине красовалась красиво вырезанная голова богини Макоши. Потом вспомнил, где он, и усмехнулся: «Язычники-с! Хе-хе!.. Нет на вас попов православных!»

Как оказалось, задержались они своевременно: в их сторону бежал один из лучников, участвовавших утром в побоище на площади.

Глава пятая

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

— Рыцарь Шестопер! — приблизившись, выпалил молодой воин. — Вы переходите в подчинение баннерета Молнара! Приказано быть готовыми к выступлению из веси завтра на рассвете! Отправляемся в град Вицин.

Василий еле успел придержать посыльного жестом. Потом, не забывая о легенде про сильное повреждение языка, с трудом прошептал:

— Не знаю, что с нашими лошадьми...

— С ними все в порядке! — нисколько не удивился воин. — Так и стоят в конюшне казенного старосты. Мы не знаем, какие ваши и сколько. Так что сами забирайте.

Затем скользнул завистливым взглядом по мечу на плече рыцаря, развернулся и побежал обратно. А Райкалин не на шутку озадачился: «Лошади наши в целости и сохранности?.. А может, и не наши?.. Тем более я даже не знаю, как наши-то выглядят. Послать туда моих парней?.. Хм! Вдруг наших лошадей тати успели вывести и те погибли? Мои наивные дурни в этом признаются... и мы останемся пешими. Или будем должны денег по гроб жизни тому же баннерету. Самому сходить и оседлать любых понравившихся? Так я только опозорюсь со сбруей! Хорошо хоть ездить умею, да вообще с лошадьми обращаться. Но в любом случае без помощника не обойтись...»

И тут его взгляд упал на терпеливо ожидающего крестьянского парня.

— Ты в лошадях разбираешься?

И в который раз Василий попал впросак. Парень даже крикнул от удивления:

— Господин! Мы же с отцом ваших трех лошадей вчера в конюшню заводили! Расседлали их, почистили...

— Да помню я! — зло оборвал его Василий. — Мне интересно, запомнил ли ты их? Отличишь ли от остальных, сможешь ли оседлать? А то мне, как рыцарю, зазорно с этим возиться.

— Не сомневайтесь, господин! Все сделаю! — заверил парень, косясь в сторону дома. — Если еще и отец поможет...

— Зови!

А когда и глава семейства оказался рядом с ним, Василий строго-настрого приказал:

— Вначале седлаете наших коней. Затем тех, на которых я укажу. Наши товарищи погибли, но своих скакунов перед смертью нам завещали.

Вроде все правильно прозвучало, но челюсти у крестьян отвисли. Подобного они от рыцаря явно не ожидали. А тому было плевать с высокой колокольни на мужиков, которых он больше никогда не увидит. Жаль только, что колоколен здесь не было совершенно. Зато богатый опыт сразу подсказал, что надо сделать, чтобы все заинтересованные стороны остались довольны. И помалкивали всегда и везде.

— Мало того, нам они завещали сразу четыре коня, а зачем нам столько? Вот я за вашу помощь и содействие вам одну лошадь и оставляю завтра утром.

Мужик даже посинел, пока выдавил из себя перл наглости и неуместной дерзости:

— Д-д-две!..

— Ага! Еще скажи «Каждому!», — прорычал Василий, но не от злости, а чтобы не расхохотаться. Похоже, этот мужик знал, когда надо отсидеться, когда смолчать, а когда и потребовать. Неудивительно, если он вскоре старостой станет в этой веси. Но дать укорот следовало немедленно. — Молись своей Макоши, — кивок на воротный столб, — чтобы у тебя и одну лошадку не забрали. А то ведь могут... И на мою печать на пергаменте смотреть не станут.

Этого хватило. Глава семейства дробно закивал. А потом семенил впереди, постоянно оглядываясь и не веря предстоящему счастью. Не зная, как далеко идти, Райкалин придержал парня подле себя лестью и вопросами:

— Ух ты, какой силач вымахал! Красавец! А рыцарем стать не мечтаешь? Нам такие богатыри нужны.

— Мечтаю! — выдохнул польщенный парень и грустно вздохнул. — Но кто меня хотя бы оруженосцем возьмет? Хоть я и читать умею.

— Вот как? Может, ты и рыцарский кодекс чести знаешь? Вместе с правилами вызова на дуэль?

— Знаю! — загорелся крестьянский сын. — Я на этом кодексе учился читать. У старосты в доме книги были, а нам главный конюх веси грамоту преподавал. Он когда-то в молодости у князя в

дружине служил.

— Да не может быть! — даже остановился Шестопер. — Ну-ка, ну-ка, Расскажи, что запомнил.

Вот парень и затараторил, словно строчил из пулемета. Хитрецу из иного мира оставалось лишь постараться запомнить как можно больше. Тем более уже вечерело, а в конюшне лучше похозяйничать, когда стемнеет. Да и лишних коней выводить сподручнее. Мало ли что тут остальные крестьяне ведают, вдруг хай поднимут?

Ушедший вперед отец парня вернулся и остановился в нескольких метрах, не решаясь прервать ведущийся экзамен. Видимо, любой рыцарь себе подобную блажь мог позволить, выпытывая у крестьян что угодно. Это стоило отметить на будущее: вдруг придется еще не раз воспользоваться своим правом?

Свод полевого (как его называли — походного) устава, к счастью, оказался страниц на пять текста, скорей всего крупными буквами. И парень его запомнил отлично. Видно, и в самом деле бредил рыцарскими приключениями. При пересказе он с таким восторгом пялился на рыцаря, словно тот уже пообещал сделать его своим оруженосцем.

Но Василий и не думал о подобном, лихорадочно перебирая в уме новую информацию и раскладывая по полочкам. Только и бормотал с одобрением вслух:

— Смотри-ка, каков молодец... и богатырь, и читает, и память хорошая...

К конюшне подошли уже в сумерках. Навстречу вышел тот самый лучник, доставивший последние распоряжения баннерета. В руке он держал разгорающийся факел, выглядел недовольным и скорей всего являлся «вечным» дежурным в отряде. Точнее, был на побегушках у остальных. Может, молодой слишком, а может, провинился, но помогать незнакомому рыцарю он явно не собирался.

— Главный конюх погиб, все подручные и помощники старосты — тоже. Так что ты правильно мужиков прихватил, пусть сами с седлами и со сбруей разбираются. Знают?

— Они же и ставили сюда наших коней, — прошепелявил Шестопер и протянул руку к факелу. — Я им посвечу.

Лучник обрадованно сунул ему факел и сразу скрылся за углом ближайшего сарая.

Сначала мужики оседлали лошадок, принадлежащих оруженосцам. Вывели к воротам, набросив узду на торчащие из стены рогатки. А вот с более массивным конем Шестопера пришлось повозиться. Он злобно ржал, бил копытами и пытался укусить. Да и парень сразу решил напомнить рыцарю:

— Господин, вы же сами предупреждали, что ваш Пегий порой бесится и только вас признает. Вчера-то он был уставший, не буйствовал, а теперь только после вашего окрика успокоится... — Вспомнил, что рыцарь толком говорить не может, не то что кричать, и дал другой совет: — Или хотя бы погладьте его.

Василий вставил факел в держатель над бочкой с водой и смело двинулся к Пегому, протягивая за перегородку руку. И еле успел ее отдернуть! Здоровенные зубы щелкнули в нескольких миллиметрах от пальцев. Мало того, конь вообще чуть не взбесился, громко фыркая и косясь с испугом на своего хозяина.

«Неужели почувствовал, что я стал другой? — мысленно изумился Райкалин. — Еще и глазом косит, словно демона увидел. Ах ты, скотина!..»

Когда он проходил обучение верховой езде, инструктор не уставал внушать:

— Лошадь очень умное животное, ее всегда можно уговорить и подружиться с ней... когда есть время. Когда его нет — только демонстрация вами грубой силы и своего несомненного превосходства сразу заставит лошадь быть покорной и послушной.

Поэтому руки не нашли ничего более удобного, чем лежащий на плече меч. Вот им строптивое животное и получило по спине. Не сильно, конечно, и лезвие аккуратно легло плашмя. Но эффект оказался сверх ожидаемого. Пегий чуть с копыт не свалился вначале, потом замер на дрожащих ногах, поник головой и позволил себя и оседлать, и узду завести.

Некоторые опасения вызвал другой огромный конь, которого выбрали в качестве завещанного павшими друзьями. Он смотрелся лучше всех остальных, потому и выиграл конкурсный отбор. Как шепнул мужик, конь принадлежал рыцарю Гальцару, угоревшему на костре, но еще вчера, даже уставший, отличался крайне буйным нравом.

Нрав нравом, а белый в пятнах битюг оказался заметно умнее своего товарища по стойлу. Позволил себя оседлать, стоя чинно и нерушимо. Только почему-то постоянно косился на меч. Из чего напрашивался вывод: и среди животных существуют те, кто учится на чужих ошибках.

Двоих скакунов для оруженосцев отобрали быстро, а потом мужик чуть ли не взмолился, осознав намечающийся выбор рыцаря:

— Ваша светлость! Не надо мне этого тихохода! Лучше я возьму вон ту скромную кобылку. Она и легче, и прокормить ее не в пример проще!

Если бы не величание баронским титулом, Василий и внимания бы не обратил на кобылку. Хочет? Да пусть берет! А так его заинтриговали мольбы временного конюха. Сам подошел, перенес факел на другое место, присмотрелся и хмыкнул. Кобылка ждала приплода. Но, с другой стороны, какая разница?

Василий не удержался и шепнул мужику на ухо:

— Слушай, ты, случайно, не хазарин?

— А кто это такие? — искренне удивился тот.

— Ладно, все равно бери...

Чуть позже весь табунок двинулся прочь от конюшни. Рыцарь восседал на белом в яблоках, за ним топали привязанный Пегий и еще один конь. Мужики вели в поводу по два коня каждый. Правда, глядя с высоты на тщедушные фигурки, оставалось только удивляться смелости отца и сына. Казалось, битюги сойдутся нечаянно корпусами и от крестьян останутся только деформированные мешки с костями.

Подумав о мешках, Райкалин вспомнил про живой трофей. Так ведь ни разу к нему в сумку и не заглянул и теперь почувствовал укоры совести. «Небось умерла животинка-то! Может, ей воды надо? Или покормить чем следовало? — Он аккуратно засунул руку в сумку. Нащупал что-то, сразу зашевелившееся и радостно пискнувшее. — Ха! Жив, курилка! Комиссара ему на корм! Кабы знать, чем его потчевать? Морковкой, хлебом или... кровью?»

Странная лягушка трансформировалась в блин и довольно ласково обернулась вокруг ладони. Затем стала легонько пощипывать кончики пальцев Василия, словно массируя их. Создалось впечатление, что именно так беззубые щенки тычутся в сосцы своей мамки. Да и подсказка всплыла из подсознания:

«Голодный. Но вряд ли такое существо будет пить молоко. Скорей в самом деле попросит капельку крови из пальца... Хм! Из одного ли? А если и глотнет, то как я проконтролирую количество выпитого? Да никак. В любом случае оно меня, как вампир, не выпьет досуха. И не заразит, превращая в кровопийцу... И на луну выть не стану... Наверное...»

Только пришел к таким выводам, как последовал еле ощутимый укол в подушечку безымянного пальца. Но Райкалин несколько не испугался, скорей его это рассмешило.

«Ну вот, меня и жрать начали! — Вынимать руку и рассматривать, что там на пальце, в полной темноте показалось бессмысленным. — Потом гляну... Но неужели эта зверушка в самом деле кровь отсасывает? А зачем? Приду, попробую вынуть и чем дельным покормить. Узнать бы еще, что это такое... — И с досадой чуть не хлопнул себя по лбу. — Чего это я информацию перестал собирать?!»

Он тут же обратился к младшему крестьянину:

— Эй, богатырь! А как же вы тут жить не боялись, находясь рядом с власнечем?

Парень слишком долго молчал, и ответил его отец:

— Чего его бояться? Хороший дед был, всем помогал... Не знаю, почему только староста его у жупана не зарегистрировал. Небось тогда к нам тати и не сунулись бы.

— Так он ведь черный был.

— И кому это мешало? Зря его рыцари убили... И дом добротный зря сожгли, — вполне искренне сокрушался мужик. — Мы его всей всей строили.

Василий не стал признаваться, что это он местного знахаря и травника отправил на перерождение. Зато подвел разговор к главному:

— Говорят, что у него в доме смерчень имелся. Правда, что ли?

— Не знаю... Должен быть у каждого власнеча, дабы дом охранять и беречь. Наверняка и у нашего был домовый, потому что никто без спроса не мог в дом тот войти.

— Ты не путаешь, часом? — более громко зашипел рыцарь на крестьянина. — При чем тут смерчень? Наш баннерет утверждал, что домовый и смерчень разные существа.

— Глупости это! — вырвалось у мужика, но он тут же угодливо добавил: — Ваша светлость! — После чего изрек явно прописную истину: — Одно сие и есть в веках!

— Ну ладно, пусть так. Ну а если смерчень в доме есть, но своего власнеча не слушается?

Они уже подъехали к дому, и парень шустро открывал ворота во двор. Но Шестопера сильно интересовал ответ на его вопрос. И тот в самом деле оказался весьма интересным:

— Такое случается, если создавший домового власнеч черен душой и вынашивает особо опасные преступные замыслы против окружающих. Тогда смерчень выходит из повиновения

злого колдуна и порой убивает его. Не знали разве, ваша светлость?

Пришлось хмыкнуть многозначительно. Василий продолжал расспросы, пока размещали лошадей. Снимать седла не стали, только ослабили подпруги да задали животным побольше корма, прихваченного в мешках из главной конюшни.

Результатами Райкалин был весьма доволен. Узнал, что у него в сумке местный домовый. Выведал, что тот разумен. И успокоил свою совесть по поводу убийства черного колдуна. А то слишком уж все нахваливали того, даже живота своего не жалея и выгораживая «знахаря и добрейшего травника».

Осталось только узнать, чем смерченя кормят, но сделать это помешали оруженосцы.

— Это что, все наши лошади? — вырвалось у ошеломленного Ольгерда.

— Нет! — постарался рычать громко и сердито Шестопер. — Не все! И вы, как мои полные помощники во всем, — он угрожающе покачал указательным пальцем, — должны будете навьючить на пристяжных лошадей всю нашу поклажу и трофеи. Выход с отрядом Молнара — на рассвете. Отправляемся в град Вицин. А вот эта лошадь останется на хозяйстве данной семьи. Она принадлежала мне, но я решил подарить этим крестьянам за отличный постой. Ужин готов?

— Да, — кивнул Петри. — И тебе опять полный жбан жидкой похлебки сварили.

— Отлично! Ночью будете охранять коней посменно...

Договорить Василий не успел, вмешался глава семьи:

— Мы сами глаз не сомкнем, ваша светлость! Так что все ложитесь и спите спокойно. — И велел сыну: — Сынок, подопри ворота с калиткой еще и кольями!

Сомневаться не приходилось, хозяин всю ночь глаз не сомкнет, охраняя неожиданно свалившееся на него богатство в виде беременной кобылы. Но, судя по глазам парней да по их кислому рожам, подобное самоуправство может и не пройти. Рыцари спасшего их отряда тоже имеют глаза и уши, да и извилинами шевелят не только для приема пищи. С них станется поставить вопрос ребром, а то и со всей наглостью надавить на оруженосцев морально. А у тех в головах — великие и светлые идеи настоящего рыцарства. Могут и проболтаться.

Поэтому, еще перед тем как войти в дом, Райкалин отвел подчиненных в сторонку и строго-настрого приказал:

— Врать вам ничего не надо! Говорите только правду: «Господин играл накануне с рыцарем Гальцаром в кости. Играли азартно. Чем закончилась игра — не знаем». И все, больше ни слова на эту тему! Во всем остальном хватает моего рыцарского слова. Так ведь?

Те помолчали в сомнениях, а потом Петри ответил:

— Конечно, если ты дашь рыцарское слово, то этого должно хватить. Но если кто усомнится в нем, тебе придется вызвать его на поединок.

— Это меньшая из бед.

— Но у нас все равно нет денег, — весьма своевременно напомнил Ольгерд.

— И с этим будем разбираться по обстоятельствам. Как говорят великие философы: даст Род день, даст и пищу, — перефразировал Василий крылатое выражение своего мира на местный, языческий лад.

И первым поспешил в дом. Но за дверь сразу остановился, прислушиваясь к разговору оруженосцев, задержавшихся во дворе.

— Мне даже не верится, что он так резко изменился.

— И мне. Был натуральным мямлей. А теперь совсем другой человек.

— А с лошадьми пройдет, как думаешь?

— Если ничего лишнего не ляпнем, а он станет ссылаться на некий выигрыш в кости — пройдет. Но как быть с поединками? Справится ли он, давая жесткие ответы, а потом и сражаясь?

— Вот и я боюсь... Тот же Коннеш Найт не упустит случая поиздеваться и блеснуть своим сарказмом.

— Ох! Как бы то ни было, завтра все решится.

Что удивило Василия, так это три установленные толстенные свечи вокруг стола. Освещения они давали достаточно, оставалось только удивляться зажиточности крестьян, не пошатнувшейся после грабежа и насилия. Да тому, когда это отец семейства успел дать такое распоряжение.

А вот сам факт наличия отличных с виду свечей в этом мире Райкалина расстроил. Видимо, их тут начали правильно производить намного раньше, чем в его мире. А ведь он уже прикинул, как и на чем можно здесь быстро обогатиться, и свечной заводик занимал в этих планах одно из первых мест. Получалось, что с заводиком свечным он уже точно пролетел.

Ужин опять растянулся для рыцаря почти на час с лишним, пока он неспешно поглощал старательно остужаемую кашу. И опять он это время постарался использовать для получения новых сведений. В частности, его интересовало, как в этом мире обстоят дела с лечением и протезированием зубов.

— И к кому лучше всего обратиться по поводу зубов?.. — прошамкал он, словно размышляя вслух.

— Так светлый волхв Вищина, Гонта, как раз и славится своим умением отращивать новые зубы! — отозвался Ольгерд, полировавший трофейный меч.

Но Петри тут же резонно напомнил товарищу:

— А сколько этот Гонта берет за свое колдовство, забыл? Дешевле боевого рыцарского коня купить, чем у него несколько зубов новых вырастить. — Он пытался полировать трофейный топор, больше хмыкая озадаченно, чем работая специальными тряпками. — Лучше уж дожидаться приезда в столицу, там можно вдвое дешевле зубы восстановить. А если золотые вставить, то пятикратно дешевле выходит.

У Райкалина отвисла челюсть. Хорошо хоть он вовремя сообразил, как жутко выглядит при этом со своими ранами и опухшими губами, и быстро закинул в рот очередную ложку каши.

Его не столько факт выращивания зубов колдовским способом поразил, как пронзило острое сожаление по поводу упущенной возможности: «Где была моя рука, когда жал политрука?! Ну почему, почему не догадался еще одного мастодонта из конюшни забрать? Вот же тюфяк, комиссару на голову бряк! Теперь придется заводного коня ребят отдавать, а то и пару!»

Он ни секунды не сомневался в том, что захочет именно вырастить себе новые зубы. Даже если придется последнего коня продать и ходить потом пешком.

Но в этой связи хотелось еще выяснить соотношение цен в этом мире, сравнивая только что озвученные примерные прейскуранты дантистов.

— Может, и придется продавать... — пробормотал он со вздохом. — А сколько мы примерно за того белого в яблоках могли бы выручить?

— Гром его зовут, — подсказал рассеянно Ольгерд, взясь с рукояткой меча.

— О! Такой красавец и все тридцать золотых стоит! — в восторге закатил глаза Петри. — Это если не торговаться и продавать быстро.

У Василия в голове включился калькулятор: «Охреть, какие у них тут расценки! Пятая часть — шесть золотых. Один пусть на сами коронки уйдет, а пять — чистая прибыль? Или тут золото обесценено?.. Да нет, вон сколько Гром стоит. Такой и у нас по цене хорошего джипа должен пойти. Но в любом случае дантисты здесь тоже настоящую мафию организовали, гребут деньги лопатой, небось больше, чем князья, доходы имеют. И раз такое дело, может, и мне переквалифицироваться в зубных дел мастера? С моими талантами в точной механике я буду жить как у Бога за пазухой! Мм... точнее, как у Перуна за пазухой».

Он хотел уточнить, с седлом коня продавать или без, но в этот момент Ольгерд воскликнул:

— О! Крутится! — И продемонстрировал откручивающийся набалдашник рукояти. Вернее, не весь набалдашник, а его верхняя полусфера оказалась снимаемой. — Слышал, что в противовесе иногда что-то прячут, но вижу впервые... — подрагивающим голосом признался оруженосец. — Вдруг там большой бриллиант? — И разочарованно хмыкнул, рассмотрев внутренности: — Всего лишь печать! Несуразная какая-то...

Он протянул полусферу Шестоперу. Тот стал ее рассматривать, приблизив к свече. Грудастая дева мечом рубит распластанную, словно под прессом, муху. Причем муха раза в три больше самой девы. А вокруг этих двух персонажей чего только не наткано, не подвешено и не изображено. Какие-то борющиеся человечки, телеги, некое подобие карет, топоры, мечи, диковинные цветки и связывающие все своим ажурным плетением гибкие лианы.

У плеча, чуть ли не в ухо, пыхтел Петри. Может, он и не все детали рисунка рассмотрел, но мыслил как настоящий хозяйственник или казначей:

— Грин, ты ведь даже не стал искать свое кольцо-печатку, которое у тебя сорвали с пальца перед водружением на кострище. И вряд ли теперь отыщешь. Так, может, вот эту своей новой сделаешь? В целом мире вряд ли найдется кто-то, кто такую редкость подделать сможет. Разве что какой великий власнеч сподобится точный слепок создать.

— Может, и так, — задумался рыцарь. И намеренно стал сгущать краски: — Но вдруг эту печать вообще лучше спрятать, а то и уничтожить? Принадлежала она черному колдуну, тот жил здесь тайно, и не факт, что огромное черное зло против всех не замышлял.

Оба оруженосца чуть ли не с издевкой рассмеялись.

— Да будь он хоть трижды черный, печать-то тут при чем?

— Она у каждого своя, личная. Тем более что меч весьма древний...

— Вот-вот! И никак не мог власнечу принадлежать. Скорей всего это оружие туда староста принес...

— А сам его где-то отыскал... Или украл...

— Кстати, — припомнил Петри, — топор тоже немного странный. — Он протянул оружие рыцарю. — Во время нашей схватки с татями один меня мечом ударил, я топором прикрылся. Мало того что оно выдержало удар, так я, как ни присматривался, ни единой царапинки не обнаружил. Разве такое бывает?

Райкалин положил печать на стол и долго крутил топор в руках, рассматривая каждый квадратный сантиметр его поверхности. Наконец пожал плечами и признался:

— Мне он тоже странным показался... То рубит легко что ни попадя, то вдруг блестит ни с того ни с сего... И если оба эти раритета принадлежали колдуну... — Он вспомнил еще и про смерченя-домового, который почивал в сумке, и присмотрелся к собственному безымянному пальцу на правой руке. Ни единого пятнышка на нем не обнаружив, выдохнул: — Ладно, ребятки, все вопросы завтра! Спать! Тем более что вам раньше вставать и собирать все наши вещи.

На этом закончился для Василия первый день, проведенный в новом мире и в новом теле.

Глава шестая

ЭХ, ДОРОГА...

Утром Райкалин еле отыскал в себе силы, чтобы подняться. Голова болела так, словно он трое суток безвылазно находился в запое. Были времена, и такое испытал... Все тело ломило, словно по нему ночь напролет черти топтались. Конечно, с чертями сравнение было чисто аллегорическим, а вот избивали в той жизни не раз.

Даже показалось вначале, что неведомые силы его вновь впихнули в какое-то иное тело. Но когда к трясущимся рукам присмотрелся, отличий от вчерашнего не обнаружил. Сдерживая стон, пришлось вставать и начинать утренний моцион. После умывания стало чуть легче, в голове прояснилось.

«Не иначе траванулся вчера местной пищей. Не по мне она... Хотя почему не по мне? Тело тут живет уже невесть сколько, должно привыкнуть... И как бы мне свой возраст узнать? — Василий заглянул в бочку с водой, но вид опухшей морды лица давал расхождение плюс-минус десять лет. — Ни зеркала нет толкового, ни паспорта с фотографией!.. Ну и почему все-таки меня так ломает всего и крутит? Может, какую инфекцию подхватил? Или заражение крови началось? Я ведь так и не знаю, чем мне зубы выбили. Вдруг кто грязным сапогом заехал? Или... Ох! Про лягушку-то я и забыл! Эта же зараза у меня кровь пила! А вдруг она заразная? СПИД как раз через кровь и передается...»

Он на всякий случай подпер дверь и вытащил под свет свечи то самое существо, по утверждению крестьянина — домового. Лягушка радостно пискнула, раскаталась в блин и

вновь стала обволакивать своей плотью пальцы. Затем начались уже знакомые пощипывания. Словно зверушка спрашивала: «Можно позавтракать?»

Василию пришлось принимать нелегкое решение: «Вчера смерчень урвал порцию кровушки, скорей всего капельку. Причем спросил разрешения. Значит, и впрямь разум у него какой-то есть. Еще и образы мои ментальные улавливает. То есть ничего в этом страшного нет, наверное... Да и другие волхвы с колдунами наверняка своих питомцев точно так же подкармливают. Жаль только не узнал, можно ли так поступать простым людям? Вдруг и тут действует принцип: кесарю — кесарево, а крестьянину — и думать не смей? Ну да ладно, СПИДа тут нет, а капельки крови не жалко! Пей меня!..»

Тотчас он почувствовал укол в подушечку среднего пальца. А через минуту зеленый блин отвалился, собрался на ладони в комок и затих.

— Хоть бы спасибо сказал... — проворчал Василий и вдруг получил в ответ двойное попискивание. — Ха! Может, ты и речь мою понимаешь? — В ответ услышал короткий, одиночный писк. — М-да! Вот они, дела комиссарские!..

Райкалин упрятал домового опять в сумку и открыл дверь, в которую кто-то постучался. За порогом стоял Ольгерд.

— У нас уже все готово. Надо скорее завтракать и выезжать! — Увидев, что его господин еще и не оделся толком, расстроился: — Что не так?

— Ой, признаться стыдно, но все тело так болит, словно им о стенку колотили!

— Так оно и было! — Парень прошел в комнату и стал помогать Василию одеваться. — Тобой ведь, прямо в сетке, стали о землю колотить, издеваясь, ты тогда и потерял первый раз сознание. Потом еще и ногами пинали...

— А-а! Вон оно что! — Воскликание получилось ужасно смешным по причине шепелявости. — То-то я вспомнить не могу, что со мной случилось: у меня еще и память частично отшибло! — запричитал Шестопер, втайне даже радуясь возможности свалить свою неосведомленность и несуразности поведения на банальную контузию. — Как бы я еще чего важного не забыл... Будем теперь с вами в дороге проверять некоторые даты по историческим событиям.

— По пути не получится, — развел руками оруженосец. — Нам ведь в обозе тащиться придется.

Ну да, панибратство и дружбу на людях демонстрировать не следует. Мухи отдельно, а котлеты — в сторону. Видимо, при подобных переходах оруженосцам не полагалось ехать рядом с рыцарями, и хорошо, что своевременно удалось это выяснить.

С помощью Ольгерда он оделся не в пример быстрее. Да и латы он на теле разместил привычно и сноровисто. Василия порадовало, что доспехи для перехода разрешалось надевать не максимально бронированные. Этаким смешанный комплект получался, и то возникали сомнения, что с такой кучей железа на теле удастся взгромоздиться в седло.

Завтракал Шестопер стоя. И уже заранее проклинал те часы в дороге, когда придется париться в скорлупе из металла. А ведь лето на дворе, и вчера еще было пасмурно. А если сегодня солнышко пригреет?

Не теряя времени, рыцарь надиктовал Петри текст грамоты, в которой заверял свой подарок такому-то и такому-то личной подписью и печатью из набалдашника рукояти трофейного меча.

Опробовал, так сказать, новинку, благо что чернила в багаже имелись.

Хозяева расстарались, собрав в дорогу постояльцам сразу два мешка снеди, а когда получили грамоту, то чуть руки не целовали, со слезами на глазах.

Когда мешки привязывали на одну из пристяжных лошадей, рыцарь не выдержал:

— Ну и зачем нам столько?

— Что значит зачем? — зашипел ему на ухо Петри. — Два дня в пути! Что жрать будем, если денег нет?

Райкалин ужаснулся. Он-то думал, что им всего несколько часов предстоит ехать. А тут двое суток! Поневоле опечалишься судьбами бедных рыцарей и возжелаешь как можно быстрее переквалифицироваться в дантиста. Увы! На ходу, сразу, да еще не зная многих своих дисциплинарных обязанностей в отряде, такого не сделаешь. Рыцарская вольница недаром вольницей называется. Но это не значит, что можно плюнуть на всех, развернуться в другую сторону и отправиться куда глаза глядят.

Вот и пришлось выезжать на улицу, затем к дому старосты двигаться шагом, а потом уже в почти готовый строй вливаться. Ольгерд и Петри сразу отправились к оруженосцам, уводя и запасного коня своего господина, а тому пришлось искать место в строю. Рыцари восседали с непокрытыми головами, держа свои шлемы в левой руке, так что можно было лица рассмотреть в рассветных сумерках.

В адрес прибывшего сразу полетела ехидная реплика венгра Найта:

— Из-за моего друга теперь наш отряд будет двигаться вдвое медленней. А еще он опаздывать любит...

Адекватный ответ не заставил себя ждать, но озвучивать его Василий не стал. Только рассмешил бы всех своим шепелявым произношением, унизив себя еще больше. Он молча проехал мимо язвы и пристроился на свободное место в середине колонны. Так наглец Коннеш еще и глазастым оказался:

— Щедрый Велес! Да ты никак Грину нового коня даровал?! Причем точно такого же, белого в яблоках, я видел под седлом доблестного рыцаря Гальцара. И что бы это значило?..

В этом случае отмалчиваться было нельзя. Только хуже получилось бы. Поэтому Шестопер демонстративно прокашлялся, старательно сплюнул в сторону и только потом заговорил, стараясь четко произносить каждое слово:

— И доблестные рыцари иногда проигрывают в кости. И самые ехидные горлопаны когда-то остаются без головы. — Кое-кто хмыкнул, реагируя на недвусмысленный намек, но продолжать нарываться на ответную грубость Василий не стал, постарался сменить тему разговора: — Но бывают рыцари очень умные и весьма сообразительные. Таким был баннерет Варширок. И именно ему я обязан жизнью. Ибо, едва увидев ваших лучников, он сообразил, как оттянуть момент поджигания костра...

Этот последний момент жизни угоревшего в дыму товарища никому здесь еще не был известен, поэтому все слушали с утроенным вниманием. Однако пришлось прерваться, поскольку в голову колонны подъехал Айзек Молнар и дал команду к выступлению. Отряд двинулся в путь, но не прошло и минуты, как кто-то громко поинтересовался:

— Ну и что такого придумал Варширок, чтобы все тати застыли в ступоре?

— Он заявил, что знает, где спрятаны сокровища князя Балаша Скорого, и стал перечислять, какие именно. Причем так это у него красочно получилось, что даже я поверил в услышанное.

На это сразу отозвался рыцарь, выглядящий старше всех:

— Ну и правильно поверил! Варширок оставался, пожалуй, единственным из всех, кто видел эти сокровища своими глазами.

— Не может быть! — вырвалось у кого-то.

— Ха! Еще как может! — фыркнул ветеран. — Он тогда еще молодым оруженосцем был, когда вместе с княжескими гриднями помогал заносить непосредственно в замок привезенные сокровища. Так что рассмотрел их досконально.

Тут заговорили сразу несколько человек, довольно эмоционально высказывая свои аргументы «за» и «против» такого утверждения. Позже говорящие образовали группки, дискутируя по поднятой теме между собой и не вступая в общую полемику. Райкалину только и оставалось, что мотать на ус да делать выводы.

Удачно получилось — и от нападков венгра ловко увернулся, и очень важную для себя тему затронул. И вскоре уже знал, что, как и к чему. События происходили шестнадцать лет назад, еще до восшествия на трон нынешнего короля Ярослава Хорфагера. Прежний король не просто щедро одарил князя Балаша, своего любимчика, ближайшего советника и учителя, немислимыми сокровищами, но и дал в личную вотчину град Вицин. Вот именно туда и заявился удачливый и богатый князь со всем своим великим семейством и караваном немислимых богатств. Намеревался жить-поживать в спокойствии, тиши и благодати.

Хотя первым же делом обеспокоился защитой пожалованной вотчины. Новый владыка укрепил замок, обнес все городище фундаментальной крепостной стеной и даже подобрал себе отличную дружину из верных ветеранов и прижившихся здесь викингов империи бриттов. На все это ушел год.

Однажды отправился Балаш с небольшим караваном в столицу, и на обратном пути на него напали сразу две дружины князей, которые издавна враждовали с Балашем и ненавидели его. Караван уничтожили подчистую, а затем и в град Вицин им удалось прорваться с помощью подкупленных викингов.

Сильно народ они не резали, кто сдался, того и в тюрьме не держали долго. А все свои силы бросили на поиски сокровищ. Потому что были уверены: в столицу Балаш их не увез, свои шпионы их в этом заверили.

Но сколько ни искали, частично разрушив замок и крепость вокруг него, так ничего и не нашли. Почему и возникла мысль, что хитрый князь вывез свои сокровища с караваном и спрятал их где-то на дороге, ведущей к столице. Вот с тех пор на той дороге и в окрестностях бродят толпами искатели чужого добра и авантюристы разного пошиба. Одни ищут, другие за деньги продают им тайные карты и по большому секрету подсказывают «верные места».

Иначе говоря, образовался некий мифический Клондайк для легковверных или Поле Чудес для наивного Буратино. Наживались на этом лишь те самые авантюристы, продающие продукты крестьяне да владельцы придорожных харчевен. Что интересно, мифический клад безуспешно искали уже пятнадцать лет, а желающих его отыскать становилось все больше.

Дорога стелилась под копыта рыцарских битюгов. А почему двигались так медленно, да потому, что шли практически шагом. Разогнать таких увальней для легкой рысцы — это уже считалось боевой атакой. А если пустить в галоп, то лишь для таранного удара по неприятелю, стоящему в глухой обороне и ошестившемуся тремя рядами копий. Или против такой же тяжелой кавалерии.

В обычном переходе такое ускорение недопустимо. Тем более при отсутствии острой нужды как можно быстрее примчаться на поле боя. Приходится опекать своих четвероногих друзей и беречь пуще собственного ока. Потому что рыцарь в бою без коня — уже совсем не рыцарь.

Неспешная езда успокоила покачивающегося в седле Василия, головная боль прошла, тело перестало ныть, неуместные опасения о заражении крови развеялись. Аппетит не пропал. Мало того, даже опухоль на губах стала сходить! Разговаривать стало намного легче, и парочка коротких, наводящих вопросов соседям по колонне прозвучала на удивление сносно.

Интересно было присмотреться и к самой дороге. Она оказалась ровной, с утрамбованным гравием на поверхности, с откосами и отводными канавами вдоль обочин. Благодаря ширине в шесть метров на ней свободно разъезжались что воинские отряды, что большие, крытые тентами повозки, что крестьянские телеги. Проскакивали порой навстречу или обгоняли весьма скоростные кареты и даже дилижансы. Последние весьма смахивали на подобные средства передвижения, используемые американцами на Диком Западе. И грузы в таких перевозили, и пассажиров.

Именно повозки и эти самые дилижансы, явно не из нынешнего времени, удивляли и озадачивали. Америку вроде еще не открыли, картошки и помидоров нет. Так откуда взялись эти предвестники первых автомобилей? Да еще на вполне мягких рессорах и с точно выверенными поворотными колесами на передней оси? Видимо, мощные империи, а особенно Римская, так и не развалившиеся к этому времени, подстегнули прогресс.

А уж как это все уживалось и соседствовало с убогими крестьянскими домишками, порой прижимавшимися к самому тракту, — это следовало изучать и познавать отдельно. Окунувшись с головой в подробное изучение истории.

Пока же Василию оставалось только смотреть, внимательно слушать и чувствовать... нарастающий голод.

Так что когда возле придорожного трактира объявили привал на два часа, Райкалин сразу подъехал к оруженосцам и задал главный вопрос:

— А что у нас из съестного с собой?

Кстати, подобным образом поступили еще четыре рыцаря из восьми. Видимо, питание в трактире, смотревшемся снаружи как небольшая крепость или пограничный форт, было не из дешевых. И не считалось зазорным перекусить в своем личном биваке.

Одна беда: съестные припасы, подаренные крестьянами, в большинстве своем оказались долгого хранения. Сухари. Сыр, по твердости не уступающий камню. Вяленое мясо, сравнимое только с подошвой. Разнообразные сухофрукты. Овощи, цельные и нарезанные кусками. И много молодой зелени.

Но даже приятно пахнущая зелень вместе с размоченными в воде сухарями не смогли бы насытить молодого мужчину, крайне нуждающегося после вчерашнего избиения в дополнительном горячем питании. Да и желание похлебать чего-нибудь жидкого стало

нестерпимым. Поэтому рыцарь решился на крайность.

Единственное, что могло помешать и в чем он сомневался, — голос. А чтобы задуманное возымело должный эффект, говорить следовало четко, громко и бесстрашно.

Василий устроил репетицию: несколько фраз проорал, а потом и спел кусочек из арии Фигаро. Получилось сносно, и он, жестом приказав своим ошарашенным помощникам следовать за ним, отправился в трактир.

— Ольгерд, я так понял, что все три мои должника обедают вместе с баннеретом?

— Ну да...

— С Найтом все ясно, а на двоих оставшихся укажешь мне и шепнешь на ухо, кто сколько должен.

— Понял! — только и выдохнул блондин.

Что несколько удивило Райкалина, так это стоявшая возле крыльца огромная доска сродни школьной, исписанная названиями блюд и ценами на них. Самому читать было сложно, буквы только наполовину казались знакомыми, да и цифры были не арабские или римские, а в виде тех же букв древнеславянского алфавита.

«О! Еще одна проблема! — разозлился выходец из иного мира. — Заново придется учиться читать, писать, считать. Твою в комиссара дивизию!» — О том, что он все понимает и может легко объясняться на несколько измененном (по сравнению с русским) языке, старался не задумываться. Изначально списал это на подсознательную память доставшегося ему тела.

В зале было не более тридцати человек, хотя могло легко поместиться все сто. Столы оказались разного размера, как в хорошем ресторане. И на двоих имелись, и на четверых, и большие, где свободно могли разместиться человек десять или двенадцать.

Шестопер, не обращая внимания на прищурившегося хозяина заведения, постоял на пороге, слушая шепот оруженосца:

— Рыцарь Жанай, сидящий с баннеретом, должен шесть золотых. А Вишня — два с половиной.

Затем направился к столику, где восседала пара должников. Венгр, видимо предупрежденный своим сотрапезником с редким именем Вишня, только-только начал разворачиваться лицом к двери, как получил дружеский удар по плечам, от которого чуть не подавился. А затем был оглушен радостным возгласом Шестопера:

— Дружище Найт! Я и забыл, что ты мне должен шестнадцать с половиной золотых. А тут вдруг полез в кошель и вспомнил, что меня тати ограбили. Так что, брат, выручай, оплати мне и моим парням обед! И не смотри на меня так испуганно, эта оплата не пойдет на списание процентов. Я ее вычту из общего долга! Ха-ха! Заказывай!

И вольготно расселся за свободным соседним столиком. Но не успел пристроить к стене трофейный меч, как пришедший в себя должник рывкнул на весь зал:

— Грин! Ты что себе позволяешь?!

— Ничего особенного. Просто пришла пора отдавать мои денежки. И если ты сейчас весь долг

отдашь, я тебя даже вином угощу. Все-таки мы с тобой настоящие друзья! Не так ли?

— Какие мы с тобой друзья?! — Коннеш Найт вскочил, сжав кулаки.

Но Василий тоже постарался надавить глоткой:

— Как же так? Занимая у меня деньги, утверждал, что друзья, а как отдавать — то уже и дружбе конец?! Может, ты еще и рыцарское слово свое нарушишь, заявив, что ничего мне не должен?

Слово, тем более рыцарское, тут ценилось не в пример двадцать первому веку иного мира. Да и наверняка деньги брались в долг (читай — нагло отжимались) при свидетелях. Поэтому побледневший Найт прорычал, трясаясь от злости:

— Ты знаешь, что у меня этих денег сейчас нет! И, учинив эти разбирательства, тем самым ведешь себя низко и отвратительно! И ты...

— А ты, — успел раньше выкрикнуть Василий, — трусливый жадина и крохобор!

Потому что предвидел: его сейчас обзовут при всех трусом. Тогда придется самому бросать вызов на поединок, а это категорически не входило в его намерения. Выгоднее было получить вызов, оставляя при этом за собой выбор оружия. Подобные правила он вчера вечером запомнил на всю жизнь. Ну и от остальных правил иного мира они не слишком отличались.

Его оппонент от прозвучавшего оскорбления даже растерялся. Видимо, привык всегда оставаться безнаказанным, и теперь подобные слова от вечно трусоватого коллеги его ошеломили. Но следует отдать ему должное, взял он себя в руки быстро. Даже вполне искренне рассмеялся, апеллируя к сидящему напротив Вишне:

— Да этому молокососу жизнь стала не мила! И он таким вот способом решил устроить самоубийство! Ха-ха! — И, уже садясь, бросил через плечо: — Вызываю тебя, мальчишка Грин, на поединок.

— Ага! Значит, долг ты возвращать перед смертью своей не желаешь?! — Шестопер вскочил на ноги. — Тогда поединок сейчас, немедленно! И мой выбор оружия будет таковым...

Он замешкался, и в возникшую паузу ворвался зычный бас Айзека Молнара:

— Своей властью я запрещаю дуэли во время похода! Доберемся в Вицин, отчитаюсь перед князем, и, если не получим новое, экстренное задание, тогда вы вольны поступать как вам угодно.

Но оставшийся без денег рыцарь не переставал возмущаться:

— Так что мне теперь, до Вицина с голоду помирать?! И все по причине, что мой бывший друг не хочет возвращать долг?!

«Бывший друг» стал с рычанием подниматься, но его вдруг, перегнувшись через стол, с силой придержал на месте рыцарь Вишня. При этом он четко и громко заявил:

— Шестопер! Свой долг в два с половиной золотых я тебе верну по окончании обеда. Так что спокойно заказывай все, что тебе хочется.

— Я в тебе не сомневался, рыцарь Вишня! — ответил на это небольшой лестью Василий. — Ты

всегда придерживался высшего кодекса чести и держал свое слово! — После чего многозначительно глянул на рыцаря Жаная. Но тот угрюмо отвернулся и склонился над своим обедом.

«Похоже, этот Жанай тоже отдавать долг не собирается, — пришел к выводу Райкалин, взмахом руки подзывая к себе разносчика. — И в бою лучше всего к нему спиной не поворачиваться! — Еще одним взмахом руки он отослал второго паренька к своим оруженосцам, которым не полагалось сидеть рядом с господином, коль в зале есть свободные места. — И он скорей всего уверен, что Коннеш Найт со мной легко разделается. Ну-ну, блажен, кто верует, как говорится!.. Но вот с мечом надо срочно устроить тренировку. А то до сих пор толком не знаю своих возможностей мечника в этом теле. И еще: надо все-таки узнать свой возраст. Этому венгру и тридцати нет, а все меня излишней молодостью попрекает, оскорбить пытается...»

В меню трактира отыскалось все, что можно безболезненно протолкнуть через рот с совсем недавно выбитыми зубами. Причем бобовый супчик, политый сметаной, оказался выше всяких похвал и был поглощен в количестве трех порций. Да и сама сметана, пусть немного желтоватая на вид и горьковатая на вкус, оказалась самой желанной и приемлемой пищей. Василий заказал полную кринку и всю ее выдул. Порадовала его и гречневая каша, которую он залил густой мясной подливой с тушеными овощами. Ну и местный морс, которым он запивал отщипываемые от сдобных булочек куски, пошел на ура.

Вино пить не стал, хотя иные рыцари оное употребляли в небольших количествах. А что там заказали оруженосцы, даже не присматривался. Едят парни с удовольствием, вот и ладно.

Некоторые сложности возникли при расчете. Раньше закончившие есть рыцари пошли на выход, а Вишня приостановился возле Шестопера, выложив перед ним на стол из своего кошелька два золотых и пять крупных на вид серебрушек. При этом, взглянув вслед уходящим товарищам, с укором пробормотал:

— Зря ты так! Не стоило скандал затевать. Вот какая муха тебя укусила?

— Надоело, — безмятежно ответил Райкалин. — Вечно этот урод дерзит и брызжет сарказмом. Пора ему настучать по головешке.

— А справишься?

— Да уж постараюсь!

Вишня ушел, а Василий задумался — что именно отдавать устремившемуся к нему хозяину заведения? Если в одном золотом десять серебрушек, то сколько на столе оставить, одну? Две? Три? Догадался сделать ход конем. Оставил на столе золотой, заявив:

— Все равно придется разменивать. Поэтому неси сдачу.

Хозяин ничему не удивился, спорить со скандальным рыцарем не стал и вскоре принес в чашке сдачу. Василий аккуратно выбрал все монетки, не особо присматриваясь к ним, но внимательно подсчитывая и сравнивая по размерам. У него теперь оказалось еще восемь серебряных большого размера, четырнадцать — маленького и пять медных монеток. Несложный подсчет показал, что за обед трех прожорливых мужиков пришлось заплатить пять с половиной серебрушек.

В соотношении со стоимостью рыцарского коня и услуг стоматолога трапеза и в самом деле

получалась дорогим удовольствием. Но если припомнить сумму оставшегося долга, можно было с уверенностью смотреть в будущее: ближайшие пару месяцев голодная смерть никак не грозит.

Также иные оптимистические догадки в голову пришли: «А на что существует Шестопер вообще? Наверняка ему какие-то средства из дому поступают. Или с деревеньки какой оброк капает? Да и за службу у князя что-то обязательно платят. Ведь не ради рыцарской славы и трофеев они тут в этом железе парятся! Как бы еще эти мелкие, но важные детали выяснить?.. Да осторожно так, умно это сделать?.. А то вдруг ребята с катушек съедут по причине моего резкого изменения во всем да объявят меня демоном. Или какими тут у язычников чертями пугают?..»

Два часа, отведенные на привал, еще не истекли, но и расслаживаться за столом было негоже, раз командир уже поел. Василий поинтересовался у хозяина, нельзя ли с собой в дорогу морса взять в небольшой таре. И тут сервис оказался на высоте. Можно было взять пятилитровый бочонок, а можно — такой же емкости стеклянную бутылку, оплетенную ивовыми прутьями. Разве что последняя стоила на медяк дороже по причине особой дороговизны стекла.

Не забывая о своих помощниках, разбогатевший рыцарь купил две плетенки, доверил их нести парням и, умиротворенный сытостью, вышел на широкое крыльцо трактира. Его внимание привлек венгр Найт, который стоял вместе с Жанаем и еще каким-то рыцарем. Судя по мимике, они с энтузиазмом о чем-то спорили. Хотя и делали это без криков, вполголоса.

— Кто такой? — спросил Василий у остановившегося рядом Петри, указав глазами на интересующего его рыцаря.

Оруженосец озадаченно подвигал бровями, но больше ничем своего удивления не выдал и ответил на вопрос:

— Известный дуэлянт, бретер. По опыту и силе, наверное, превосходит даже баннерета. Из бриттов, зовут Илтон Нинбург. Тридцать два года ему, в королевстве — с юношеского возраста. Но свой родной язык помнит превосходно. Считается одним из лучших знатоков всех законов о дуэлях и правил рыцарских поединков. Женат, шестеро детей, семья в столице живет, дом полная чаша. В друзьях у Найта ранее замечен не был.

Райкалин развернулся к оруженосцу всем корпусом, рассмотрел, словно увидел в первый раз, и от всей души поблагодарил:

— Превосходно! Молодец! Умеешь, оказывается, делать блестящие доклады по любому вопросу. Так и продолжай в дальнейшем. Хоть я и сам многое помню, но после данной тобой характеристики этого Илтона может и слепой отлично представить. Ну и раз ты так много про него знаешь, ответь на такой вопрос: чем именно нам может этот Нинбург угрожать?

— Непосредственно — ничем. Нанимать его Найт не станет, слишком уверен, что и сам с тобой справится.

— Тогда о чем они спорят?

— Венгр ждатель прибытия в Вишин не захочет, — изрек очевидное Петри. — Изыскивает лазейку, как обойти приказ Айзека Молнара, и уже на вечернем постое обязательно с тобой сразится. Никак подлость какую задумал.

— И тут молодец! Верно мыслишь. Но давай уже собираться будем, вроде все к лошадям

подтягиваться начали.

Глава седьмая

ПРЕДВЕСТНИКИ ИГА

Усесться в седла никто не успел. Послышался приближающийся скрежет, грохот колес, топот копыт, и на дороге из-за ближайшего поворота показался небольшой отряд в дюжину всадников, сопровождающий дилижанс внушительных размеров. Таких громадных и массивных коробок Василию еще видеть не доводилось. В карету оказалось запряжено сразу шесть лошадей, размещенные попарно.

Не вызывал сомнений иной важный фактор: отряд на всех парах пытался оторваться от погони. Преследователи, человек двадцать на низких лошадках, оглашающие окрестности лихим свистом и гортанными криками, смотрелись как истинные соратники Чингисхана. Из своих коротких луков они пытались засыпать убегающих стрелами. Многочисленные древки с разноцветным оперением густо истыкали крышу и заднюю стенку дилижанса, топорщились из кожаных попон лошадей и даже торчали из щитов, висящих на спинах пытающихся оторваться всадников.

Ну и сразу стало понятно, что преследователи на этой дороге впервые. Потому что, увидев трактир, похожий на небольшую крепость, резко притормозили и стали с опаской присматриваться. Видимо, сразу поняли, что силы неравны. Слишком много воинов уже были готовы встретить неведомого противника или спешно к этому готовились. Ну и в самом трактире сыграли тревогу, и теперь народ выскакивал наружу, чтобы принять участие в схватке.

Айзек Молнар выкрикнул: «Бой!», и весь десяток лучников наложил стрелы на свои огромные луки. По сути они уже могли стрелять на оставшейся дистанции в сотню метров, но, видимо, ждали особой команды баннерета.

Преследуемый отряд, замедляя ход, въехал во двор трактира. Остановились, убедились, что погони больше нет, и первым делом воины занялись осмотром друг друга и оказанием помощи пострадавшим. Один даже тяжелым оказался, получив стрелу в левое плечо. Трое получили легкие ранения. Не возникло сомнений, что они так легко отделались благодаря шлемам с бармицей, круглым щитам и отменным кольчугам.

Раненых бросились перевязывать шесть женщин, выскочившие из дилижанса. Следом выбрались два солидных, осанистых старика в позолоченных камзолах и роскошно одетая молодая дама в шляпке с густой вуалью.

Один из стариков, безошибочно определив, кто здесь старший, двинулся к баннерету. Ни представиться, ни имени рыцаря спросить, ни элементарно поприветствовать рыцарей он даже не подумал. Сразу начал с нападок:

— Что творится на дорогах?! И почему разъезды и дозоры не уничтожают толпы разбойников?! Я буду жаловаться вашему королю! Нас чуть не убили эти подлые монголы!

Что интересно, его произношение несколько отличалось от местного говора. Райкалин с удивлением осознал, что скандалист изъясняется на более понятном ему русском языке, чем тот, на котором говорят местные.

Молнар с невозмутимым видом демонстративно посмотрел вокруг себя и только потом вежливо

заговорил:

— Не имею чести быть с вами знаком, сударь, но не соизволите ли мне подсказать: с кем это вы сейчас так бурно и экспансивно беседовали?

Старик слегка смутился, но тут же вскинул подбородок, выпятил живот и представился:

— Личный посланник князя Алексея Берлюты граф Зареслав Левадский. И прошу меня извинить, что в горячке событий не сразу представился. Рад приветствовать рыцаря... — Он сделал вопросительную паузу.

— Баннерета, — поправил его Айзек. — Баннерет Молнар, к вашим услугам. Но сразу хочу сказать, что патрулирование дорог не входит в наши обязанности. Тем более что подобных... монголов, как вы выразились, я вижу впервые в жизни. Ничего подобного раньше на наших дорогах не встречалось.

— Но все равно вы окажете содействие Роду, приказав уничтожить этих тараканов! — заявил граф. — В последнее время они буквально наводнили наши южные княжества, грабят, убивают, уводят в полон. А как только собираются войска для их тотального уничтожения, монголы отступают на пространства Греческого царства, находя там спокойные места и вновь копя силы для наглых вылазок. И если вы их сразу не уничтожите, потом не сможете вывести эту заразу. Она хуже всякой саранчи!

— А что случилось-то? Почему они на вас напали? — спросил Айзек, внимательно присматриваясь к увеличившейся толпе монголов на дороге.

— Там дальше перекресток, — пустился в объяснения Зареслав Левадский. — Мы подъехали к нему с востока. А эти твари стояли лагерем между дорогами на запад и на север. Заметив нас, они вскочили на коней и явно с лихими намерениями помчались в нашу сторону. Хорошо, что нам известно об этом трактире и мы сразу же помчались к нему.

К двум десяткам монголов на дороге прибавилось тем временем еще столько же. Все они продолжали гарцевать на своих конях и о чем-то спорили. Видимо, вид богатой добычи некоторым из них совсем затмил разум. А может, была и еще какая-то причина, по которой они не спешили отступить.

Но баннерет, хоть и отказался от чести называться командиром патруля, подхватив щит, вышел вперед и крикнул своим зычным голосом:

— Кто такие?! Пусть старший подъедет ко мне для отчета!

Монголы прекрасно его услышали со ста метров, но повели себя странно. Часть стала выкрикивать в ответ нечто весьма похожее на оскорбления. А часть развернулась и двинулась прочь от трактира. Заметив маневр своих товарищей, кто-то из крикунов перешел на злобный визг, ткнул рукой в сторону дилижанса и первым пустил в ход свой лук. Его тут же поддержали еще несколько человек.

Но их стрелы не представляли особой угрозы для рыцарей. Баннерет с ленцой отразил парочку и крикнул себе за спину:

— Пли!

Лучники его отряда отправили в полет свои тяжелые бронебойные стрелы. Те сразу нанесли

урон ближайшей группе монголов, два человека свалились, три раненые лошади взвились на дыбы, еще две шарахнулись в стороны, заваливаясь наземь. Началась неразбериха, которую еще больше усилили последующие залпы лучников.

Когда добрый десяток нарушителей спокойствия оказался на земле, оставшиеся, унося нескольких раненых на луках своих седел, развернулись и бросились к повороту, за которым своевременно укрылась первая группа.

Тут же последовала новая команда Молнара:

— Двумя клиньями — вперед! Лучники — цепью!

Чуть раньше этого Петри подал Шестоперу здоровенный щит и шлем, а Ольгерд — копьё, метра три с половиной длиной. После команды все рыцари сбились в два треугольника. Как ни странно, к ним в тылы пристроилось по пять-шесть человек из посетителей трактира, среди которых было с десяток воинов из местных, а в цепь с лучниками встало около пятнадцати обладателей луков. Даже если монголы устроили засаду за поворотом, пытаясь выманить на нее возможную погоню, с такой силой им и сотней вояк не управиться.

Сто метров прошли быстрым шагом, а там и до самого поворота продвинулись, глядя на перспективу уходящей дороги. С километр она просматривалась, а дальше вновь терялась за поворотом. Ни одного всадника не увидели, зато медленно приближалась вереница из четырех крестьянских подвод. То есть агрессивные азиаты к простым людям даже пальцем не прикоснулись.

Пока стояли да присматривались к двум небольшим рожицам, гадая, куда могли скрыться гости из дальних степей, оруженосцы по команде Молнара водрузили шесть трупов и восемь павших лошадей на повозки и волокуши, позаимствованные для этих целей у каких-то торговцев, и все это было доставлено к здешнему, так сказать, форту.

А там разбираться долго баннерет не стал. Быстро отобрал все относительно ценное из конской сбруи, оружия и кошелёй убитых, свалил все это в мешки и распределил по заводным лошадям. Досталось три мешка и на долю команды Шестопера. Думать о том, что делать с трупами и вообще как реагировать на появление такой толпы иноземных разбойников, он предоставил трактирщику и одному из воинов, который оказался десятником из штатной дружины местного воеводы.

— По коням! — скомандовал Молнар. — Лучники в голову колонны! Найт, Вишня и Нинбург — в арьергард! Выступаем!

Ему наперерез, чуть ли не сбивая с ног, бросился посланник князя Берлюты.

— Баннерет! Куда же вы?! А как же мы?

— А что с вами не так? — уже сидя на коне, несколько фальшиво озадачился Молнар.

— Вы не могли бы нас сопроводить хотя бы до Вищина?

— Если хотите, можете к нам пристроиться. Но мы двигаемся медленно, со скоростью пешехода. Потому и задержаться здесь долго не можем. Время поджимает, хотим в достойных условиях ночевать в поселке Белое.

— Мы на все согласны!

— Тогда догоняйте! — милостиво разрешил Молнар, выезжая на дорогу. — Ваше место будет сразу за последней тройкой наших рыцарей.

Понятно, что не царское место он выделил для графа и его спутников, но кто они ему? Важней свой личный состав сберечь и коней запасных не потерять вместе с небольшим обозом.

Только миновали поворот, как по дороге стали попадаться крестьянские телеги. Опрос свидетелей прошел в движении, так никто и не остановился. Рассказанное Зареславом Левадским подтвердилось.

Когда по восточной дороге запыхавший дилижанс, подводы как раз проехали перекресток. Карета русичей привлекла также внимание чужаков, которые разбили лагерь недалеко от дороги. Когда дилижанс добрался до перекрестка, монголы вскочили на лошадей и попытались атаковать. Дилижанс и сопровождающие его воины резко свернули влево и помчались к трактуру. Монголы — за ними. Двумя группами. А не так давно обратно в свой лагерь поскакала одна группа и следом за ней заметно поредевшая другая.

В сторону крестьян никто из них даже не посмотрел. Что в общем-то, по мнению Райкалина, было весьма странно. Граф Левадский утверждал, что монголы сильно досаждают русичам в их южных княжествах, буквально зверствуют. Тогда почему они здесь крестьянским добром не поживились? В повозках было много корзин и мешков, наполненных именно провизией. Да крестьяне и сами не скрывали, что везут все это в тот самый тракфир-форт, что остался за спиной рыцарей.

Что за странная избирательность? И это при том, что на отряд русских витязей все равно попытались напасть? Напрашивался вывод, что на перекрестке ждали именно посланника князя. С какой целью?

«Оно тебе надо? — сам себя отчитал Василий. — Информацию, общую информацию лучше собирай!»

Оставалось лишь улучшить момент, чтобы инициировать новый полезный для него разговор. Однако коррективы в этот план внес Молнар, приказавший:

— Смотреть в оба! Забрала опустить! Быть готовыми ко всему!

С ведром на голове, имеющим всего две щели, особо не поговоришь. Так что пришлось бдеть, как было велено. Тем более что дилижанс с охраной как раз нагнал отряд. Шестопер, оглянувшись, с удивлением заметил, что витязей по-прежнему двенадцать. Хотя их тяжелораненый никак бы не смог ехать верхом. Чуть позже выяснилось, что в шлемах и в мужских кольчугах на конях скачут три женщины. А раненые — внутри вместительной кареты.

От лагеря монголов на перекрестке остались лишь залитые водой костры, кучи лошадиного навоза да пропитанные кровью тряпки. Отряд опять не сделал остановки, предоставив двум штатным следопытам сделать свою работу. Те вскоре доложили баннерету:

— Все ушли на запад. Хотя могут на своих скакунах обойти нас лесом и организовать засаду.

— Тогда берите лошадей, трех опытных оруженосцев на выбор и выдвигайтесь разъездом вперед. Метров на сто, больше не надо. — Когда те бросились выполнять, Молнар разрешил рыцарям: — Дышать!

Несколько человек вообще шлемы сняли. Остальные подняли забрала. Теперь ничто не мешало

говорить, и Райкалин немедленно воспользовался возможностью.

Глава восьмая

ВОСТОЧНОЕ ВЕРОЛОМСТВО

— Мне кажется, монголы спешат к нашему королю с предложением военного союза, — громко сказал он, привлекая к себе внимание. — И тому есть главная причина.

Кто-то иронично хмыкнул, кто-то буркнул:

— С какого перепугу нашему Хорфагеру нужен подобный союз?

— Те, кто лелеет и распространяет рабство, нам никак не друзья! — добавил твердо еще кто-то.

— Он ему не нужен, как не нужен и королевству, — согласился Василий. — Но беда в том, что захватившие весь Китай монголы теперь просто вынуждены обратить свой жадный взгляд на запад. Иначе воинственный угар, страсть к наживе, своеобразная тяга к воинской славе выжжет их изнутри. Но если русские князья объединятся и выберут правильную тактику, то легко выиграют основные сражения со степняками. А то и до самой Монголии и по землям Китая врага гнать станут.

Едущий впереди Молнар, скрипнув латами, развернулся и внимательно всмотрелся в глаза Шестопера. Слово в чем-то нехорошем заподозрил. Райкалин решил впредь не упоминать в своей речи о стратегии и тактике военных действий.

Посыпались комментарии:

— Ну и стяг русским в руки!

— Пусть хоть всех монголов вырежут, нам-то что?

— И при чем тут какой-то союз?

Пришлось добавить своему голосу громкости, чтобы все расслышали:

— Да все очень просто. Привозят послы с Дальнего Востока богатые дары, которые преподносят не только нашему королю Ярославу и вельможам из его ближайшего окружения. Потом еще дарят, усиливая при этом лесть и посулы великих богатств в будущем. Потом еще и еще. Дары доходят и до наших союзников в империи бриттов. А там проходит год, два, и вот уже фундамент для нового союза готов, дружба окрепла, вельможи привыкли к дармовым деньгам и все скопом наваливаются на сомневающегося короля. А тот и думает: «Хм! А ведь в самом деле отличная идея ударить по Руси с двух сторон!» И что начинается? Начинается великая война, в которой русские князья окажутся между двух огней.

Василий сделал паузу, давая рыцарям время на осмысление услышанного. И опять был неприятно удивлен пристальным взглядом обернувшегося повторно баннерета.

Вопросы и рассуждения начались минут через пять.

— Ничего против русских не имею, но если нам станет лучше, то... что в этом плохого?

— Ну да! Война есть война! На то мы и рыцари, чтобы воевать.

— Или лучше отсиживаться в городах да изредка гонять разбойников на дорогах? — рассмеялся кто-то. И сам же ответил со смехом: — Лучше пасть в великой битве, чем умереть на постаревшей жене!

Только Айзек, на это раз не оборачиваясь, громко спросил:

— А чем Великому Литовско-Новгородскому королевству грозит падение Тартарии?

Василий мысленно поблагодарил командира за своевременный вопрос.

— Да тем и грозит, — продолжил он, облизнув уже побаливающие от крика губы, — что все в мире взаимосвязано. Все пребывает в шатком равновесии, нарушать которое нельзя ни в коем случае. И мы можем стать следующими на очереди. Пока мы будем воевать с русскими князьями и скифскими царями, азиаты точно таким же способом сведут дружбу с Римской империей. И когда мы останемся обескровленными после тяжелой победы, нам в спину ударят католики. И не факт, что православные воины Греческого царства к ним не присоединятся.

Вновь сделал короткую паузу, дав осмыслить очевидную угрозу, и задал свои вопросы:

— Вот потому меня интересует: как поступит наш король в данном случае? Что он за человек? Если кто знал или видел его лично, пусть выскажется, это будет очень познавательно.

Оказалось, что каждый имеет мнение по заданным вопросам. Даже если не видел короля и толком о нем ничего, как о человеке, не знал. Зато знали много о вельможах, об окружении короля и о присущей человеку жадности. Особенно тому человеку, который рвется к власти всеми возможными и невозможными способами.

Много наговорили за несколько часов, очень много. В том числе и о личности короля не совсем лицеприятно высказались, и о характере упомянули, и о некоторых привычках с пристрастиями. В общем, некий портрет в сознании Райкалина возник. Если бы при нем зашла речь на эту тему, мог бы уже и сам поддержать разговор.

Ну и много интересного узнал о родном королевстве.

«Или оно мне не родное? — внезапно возникло опасение. — Вдруг я из бриттов, русичей или даже венгров? Кстати, надо будет затронуть тему чудесной Венгрии. А то я так и не пойму, почему ее нет на карте и почему радушных венгров так не любят. Впрочем, глядя на Найта...»

Вспомнив о должнике и предстоящем поединке с ним, Василий задумался о ближайшем будущем. Да и возможности выпрашивать больше не было. Стало вечереть, а там и поселок показался. Пожалуй, даже небольшое городище, огороженное простой, скорей всего глиняной, с вкраплением камня стеной. Дома каменные, в большинстве покрытые красной черепицей. Три башни в центре и четырехэтажная цитадель между ними выложены снаружи черным мрамором. Хотя скорей это и не цитадель как таковая, а некий замок или дворец. Рамы на окнах темно-синего цвета, стены большинства домов — серые. Густые зеленые кроны между домами. И ни одного светлого пятнышка. Почему тогда поселок назван Белым?

Никто не спросил, промолчал и Василий. Оказавшись внутри городища, все сразу расслабились и стали расползаться кто куда. Мигом забыли о командире, едва выслушав короткий приказ: «На рассвете — у Северных ворот!» Похоже, бывали здесь не единожды, и каждый имел пригретое место для постоя.

Замешкавшегося Шестопера выручили оруженосцы, спросившие:

— Едем, как обычно, в корчму в конце вон той улицы?

— Да. Вы поезжайте, я догоню, — с деланным равнодушием ответил Райкалин. — И сразу закажите толковый ужин.

— Лучше тут не стой, — чуть помявшись, посоветовал Ольгерд. — Мы слышали, как Найт грозился уже сегодня тебя проучить. Может прийти в корчму после того, как сам устроится. А может прямо на улице свару затеять...

— Мы, конечно, в тебе не сомневаемся... — добавил многозначительно Петри и так же многозначительно умолк.

За него договорил более непосредственный крепыш:

— Главное, чтобы потом тебя не обвинили в разжигании свары. Старайся не оставаться без свидетелей.

— Не волнуйтесь, я недолго, только спрошу у графа, где они останутся. — А когда парни тронулись, крикнул им вслед, как бы в сомнении: — Но у нас теперь шесть лошадей!

— Подумаешь! — беззаботно отозвался Петри. — При корчме конюшня на тридцать мест.

Не успели оруженосцы скрыться за поворотом, как дилижанс остановился, а из окошка выглянул озадаченный посланник князя Берлюты.

— Доблестный рыцарь, — обратился он к Василию, — а не подскажете, куда это все так быстро разъехались?

— У каждого свое место постоя. А у вас?

— Но мы же здесь впервые! Проводник только и знает дороги и некоторые места постоя на них. Мы же сегодня намеревались ночевать в ином городе. Так что, уважаемый, э-э-э?... — Он сделал паузу.

— Грин, — представился рыцарь. — Грин Шестопер.

— Уважаемый Грин! Не подскажете, где бы и нам остановиться, обиходить раненых и вкусно поесть?

— Легко! Езжайте за мной! — И стал погонять увальня Грома изо всех сил, стараясь не потерять из виду своих помощников.

Но в любом случае не заблудился бы. Массивное двухэтажное здание фасадом выходило на улицу, вправо и влево тянулись заборы с воротами, ведущими на конюшенный и каретный дворы.

Оруженосцы как раз въезжали в ворота, когда заметили своего господина во главе отряда русских витязей и громаду дилижанса за их спинами. Сообразив, что это означает, они в два голоса заорали в сторону дома:

— Хозяин! Принимай еще постояльцев! Много!

— Пусть готовят ужин еще на двадцать человек!

Принять такое количество постояльцев было делом весьма хлопотным, но прибыльным. Поэтому кроме хозяина встречать гостей высыпали во двор даже женщины и дети. Нисколько не боясь огромных, порой очень злобных битюгов, они бросились снимать с них седла, чистить, поить и задавать корм. Увидев раненых, тут же послали за целителем. В общем, суматоха поднялась впечатляющая. Ну и Василий вовремя вспомнил о себе любимом.

— Петри! — перехватил он парня, несущего в дом сразу два мешка. — А наши комнаты ты успел занять?

— Первым делом! — похвастался тот. — Как чувствовал, что наплыв постояльцев будет! И баню успел заказать, наша очередь первая!

И помчался дальше. Рыцарь еле успел за ним, иначе потерялся бы в лабиринте нескольких переходов и узких коридоров. На месте осмотрелся, мысленно похвалил за приятный простор в комнатах. Выглянул из окна на улицу, полюбовался предзакатным городком. Затем прошел в комнату оруженосцев, окна которой выходили во двор. Комфорт и чистота комнат приятно радовали, намного лучше, чем в крестьянской избе. А наличие бани вкупе со свежим, приятно пахнущим постельным бельем на кроватях подсказывало, что здесь такой гадости, как клопы или вши, не водится.

Тем временем в коридоре стало шумно. Похоже, именно в это крыло хозяин заселил большую часть русских, что в общем-то было на руку Райкалину: очень хотелось пообщаться с земляками из здешнего мира. Чтобы беспрепятственно за всем наблюдать и чтобы никто ему не мешал, он отошел в сторонку, оказавшись в самом неосвещенном месте.

Мимо него прошли две русские амазонки, облаченные в кольчуги, они занесли в угловую комнату какой-то скарб и снова ушли, но вскоре вернулись — сопровождая ту самую даму из дилижанса, в богатых одеждах и с вуалью на лице. И вдруг дама споткнулась и несуразно грохнулась на пол. Еще и больно ударилась о доски, ойкнув с досады, а потом и зашипев от неприятного ощущения. Шляпа слетела с ее головы, открывая изумительно красивое, совершенно юное лицо.

Амазонки не успели толком среагировать, а Райкалин уже выскочил из тени и стал бережно поднимать упавшую.

— Сударыня, вы не ушиблись?

Сочувственный тон вогнал девушку в краску. Она взяла шляпу, которую ей подала одна из дев, но не стала надевать, поняв, что прятаться уже бесполезно. Взглянула на мужчину вызывающе.

— Вы ведь тот рыцарь? Грин? — полуутвердительно спросила она. — Тогда должны уважать чужие обеты и хранить чужие тайны!

— Да я всегда... готов... — несколько растерялся Василий.

— Тогда поклянитесь, что никому не расскажете, что видели мое лицо! Иначе мой обет будет нарушен и мне только останется покончить собой.

— Да ради святой Макоши! Конечно, клянусь! Но...

Она нахмурилась, наверное, решила, что рыцарь собрался выдвинуть некое встречное условие. Быстро надела шляпу, опустила вуаль, но Василию показалось, что, даже спрятанный за

сеточкой, ее взгляд прожигает. Пришлось срочно смягчить свою просьбу, добавив в нее толику невинной фантазии:

— Вы прибыли к нам из Великой Скифии. Там сейчас моя суженая, и я за нее сильно переживаю. А тут еще эти монголы, на вас напавшие! Поэтому очень хотелось бы послушать, как вы там живете, все ли у вас мирно...

Видно было, как девушка успокаивается, плечи ее чуть опустились, поза стала расслабленной. Да и амазонки рядом с ней чуть отступили в сторону. Когда она заговорила, ее тон был совсем иным, понимающим и очень сочувствующим:

— Но вы, сударь, прекрасно говорите на нашем наречии. Где вы научились?

— Так моя возлюбленная меня и обучила. — Очередная ложь слетела с языка легко, без усилий. Еще и печаль в голосе зазвучала воистину вселенская: — И мне еще долгих полгода томиться в разлуке с ней...

— О, не грустите так, — пробормотала девушка, чуть подавшись вперед в порыве сострадания. — Разлука только укрепляет чувства, делает их долговечнее.

— Вы так думаете?.. И вы мне расскажете о Руси?

— Конечно! Только мне нельзя открывать свое лицо, — спохватилась она. — Впрочем, вы его и так уже видели.

— И не надо открывать! — горячо заверил он, прекрасно зная по опыту, что можно любую красавицу заинтриговать, проигнорировав ее неземную красоту. — Вы мне только рассказывайте, ничего не скрывая, обо всех трудностях земли вашей, обо всех порядках и традициях, о том, как любят у вас и как живут в семейной усадле! — И якобы в сомнении добавил: — Если, конечно, вы знаете о том, что меня интересует... и разбираетесь в таком понятии, как любовь...

Ну и какая женщина, пусть даже юная, усомнится в своем знании основ окружающего ее бытия? Тем более любви?! Вот она и ответила, даже чуточку возмутившись:

— Великолепно разбираюсь!

— О! Тогда у меня к вам еще одна просьба, умоляю не отказать в такой малости, как...

— Как? — нетерпеливо оборвала она возникшую паузу.

— Как написать любовное послание для моей суженой. И на вашем, русском языке. Это будет для нее такой подарок! И мне обязательно надо предупредить ее о секрете диадемы, которую я ей подарил.

— Ладно, — она была сильно заинтригована, — напишу. Приходите после ужина в мою комнату. Только сразу предупреждаю: при мне неотлучно будут обе мои... подруги.

— Прекрасно! А то моя любимая жутко ревнива и могла бы мне не простить пребывания в одной комнате с посторонней женщиной.

Вроде каждое слово прозвучало с должной интонацией и с придыханием в нужных местах. Ну и взгляд — страдальческий. И руки, нервно сцепленные в замок. Классика! Даже сам

Константин Сергеевич Станиславский воскликнул бы после просмотра этой сцены: «Верю!»

Наверное...

Русская красавица поверила. И поспешила в свою комнату, страшно довольная тем, что вскоре заглянет в сердечную тайну молодого рыцаря, услышит про секрет некоей диадемы и даже сможет поучить опечаленного влюбленного уменью ждать, верить и надеяться.

Василий тоже отправился в свою комнату. Он пребывал в некоем дурмане, эйфории от собственной наглости. И у него явно что-то случилось со зрением. Он видел совсем не то, что находилось перед ним. Он даже поэкспериментировал: закрыл глаза, открыл — та же картинка. Уставился в окно, потом выглянул на улицу — везде одно и то же: прелестное лицо незнакомки и ее бездонные глаза, заглядывающие в самую душу.

Попытался представить ее шляпку с вуалью, но вновь увидел лицо девушки. Попытался вспомнить кровь и разрубленного пополам власнеча — куда там! Вчерашний утренний костер и кучи трупов? Бесполезно! События сегодняшнего дня? Напрасно! На переднем плане неизменно оказывалась одна и та же героиня.

«Да она ведьма! — осенило Василия. — Потому-то и прячет собственное лицо от всех, что любой после одного только ее взгляда сойдет с ума! М-да... Вот это я влип!»

Глава девятая

И САМ ЗАПУТАЛСЯ В СЕТЯХ СВОИХ!

В бане Василий пытался подумать о чем-то другом, но пришло в голову только одно, проистекающее все из того же общения с девушкой: «Откуда тут, в Средние века, такая куртуазность общения? И говорят все слишком странно, а при желании и высоким слогом. Обращения на „вы“ как такового нет, существует только „ты“. Но при всем при этом определенной интонацией, даже при моем произношении шепелявом, я четко умудряюсь сказать человеку уважительное „вы“ и тут же простецки тыкаю другому человеку. Как так получается? Слово одно — а значение и смысл совершенно разные? Или тут еще и на ментальном уровне что-то присутствует в общении?.. Чудеса...»

Из задумчивости его вывели восклицания красных, распаренных оруженосцев:

— Грин, что с тобой сегодня?!

— То ты больше пяти минут в парной не высиживал, сбегал, а сегодня чуть ли не полчаса уже здесь торчишь да в одну точку пялишься!

— И ладно бы сидел переживал, а то с какой-то странной улыбочкой...

— Ага! Как блаженный!

Они не могли знать, что Райкалин любил часами сидеть что в русской парной, что в финской сауне. А здесь-то и жара толкового не было. Но хвастаться своей выносливостью он не стал и пробормотал в ответ:

— А куда спешить-то? Ужин только часа через полтора подадут, как я слышал.

— Ну да! Только вот наше общее время уже через пятнадцать минут истекает. А сюда, в

парную, вон через ту дверь с женской половины сейчас дамы придут. Нас хозяин заранее предупредил.

— Хм! Дамы, говоришь? — ухмыльнулся Шестопер. — Так пусть уже заходят, они нам не помешают.

Вроде ничего смешного не сказал, а ребята согнулись в истерическом хохоте. Минут пять ржали без остановки, не забывая в то же время перейти в мойную, намылиться и начать смывать пену теплой водой.

— Чем это я вас рассмешил? — наконец не выдержал Василий.

— Да вспомнили, как ты в Осмолке сразу с тремя девицами парился в баньке. И как потом отец этих девок за тобой с колом гонялся!.. Ха-ха-ха! — пояснил улыбающийся до ушей Ольгерд.

Пришлось и Василию гукнуть пару раз, имитируя смех, и многозначительно скривиться. Мол, разве такое забудешь! А мысленно поставил галочку в соответствующем пункте личной анкеты. Хоть и прослыл трусом, а с девицами постоять в партере любил.

В мойной было сравнительно светло от двух керосиновых ламп, и он постарался тщательно осмотреть свое тело. С главным умыслом: определить его истинный возраст. Ибо перед разговором с незнакомкой следовало убедиться, что этому телу не шестнадцать или семнадцать лет.

Во-первых, он убедился, что тело именно его, принадлежавшее Василию Райкалину. Но не в двадцать первом веке принадлежавшее, а еще в двадцатом. То есть оно соответствовало почти двадцати годам или даже ровно двадцати. Потому что шрам на ноге, полученный в девятнадцать с половиной лет, имелся в наличии, а вот другой, украсивший левую руку чуть выше локтя в двадцать лет и два месяца, отсутствовал. Не было также ни одного шрама из полученных позже этого возраста.

Во-вторых, он критически осмотрел мышечный каркас, который неожиданно оказался более соответствующим возрасту в двадцать пять, а то и в двадцать шесть земных лет. То есть как раз на пике своего лучшего физического совершенства. Вопрос возник вполне логичный: с чего такое расхождение? Хотя вообще вторая жизнь, возрождение в ином теле и совершенно иной мир вокруг уже отрицали любую логику и ниспровергали здравый смысл.

В-третьих, насторожили взгляды, которые на него с недоумением бросали оруженосцы. Нет, нет, ничего такого, чем хвасталась толерантная Европа двадцать первого века! Парни поглядывали на плечи и бицепсы.

Одеваясь, Райкалин не выдержал и недовольно фыркнул, обращаясь к Ольгерду:

— Чего глядишь на меня, как на барышню?

Блондин нисколечко не смутился, отвечая вполне искренне, с юношеским простодушием:

— Да ты какой-то квадратный стал. Такое впечатление, что у тебя мышцы опухли и вздулись.

— А-а-а... — Василий постарался расслабиться, уменьшиться в объеме, попутно придумывая подходящую отговорку: — Так ведь и в самом деле жутко болят. Вчера меня и в сетях колотили, и ногами пинали. До сих пор дотронуться больно.

— Почему тогда ни одного синяка не видно? — продемонстрировал наблюдательность и чернявый оруженосец.

— Потому что кожу не рвало при ударах, не деформировало резко в стороны. Видимо, все удары пришлось вглубь, вот мускулам больше всего и досталось.

Парни попытались осмыслить услышанное, но в конце концов недоуменно переглянулись и продолжили одеваться. А рыцарь беспокоился: «Не может такого быть, чтобы мои тамошние шрамы идеально совпадали со здешними. Так что лучше всего в ближайшее время выбирать бани с плохим освещением. А то эти проныры меня еще и в этом разоблачат. И так чувствую себя Штирлицем в ставке фюрера. Одно неверное слово — и „Попались, товарищ Исаев!..“ . Вроде и общество терпимое, с максимально допустимой личной свободой; да и костров инквизиции нет, а все равно терять над собой контроль нельзя. И так пришлось резко менять привычное всем окружающим поведение. Один скандал с Найтом чего стоит... Тот же Айзек Молнар на меня слишком заинтересованно поглядывал. А тут еще эта девица!.. Мм...»

В комнату вошел граф Левадский со своим ровесником, в сопровождении четырех воинов. Но, рассмотрев, что рыцарь уже полностью одет, граф деликатно позвал его в коридор.

— Буквально на два слова... — Убедившись, что они одни, он негромко произнес: — Мне доложили, что вы общались с опекаемой мною особой.

— А-а, это которая в шляпке? — Василий постарался говорить нейтральным тоном. — Да, она мне обещала помочь написать письмо моей возлюбленной... — И закончил восторженно: — Я по ней так скучаю!

— Хм! — замялся собеседник. — Запретить я вам не могу, но со всей искренностью и участием хотел бы посоветовать: не общайтесь с этой дамой.

— Почему? — наивно хлопнул глазами рыцарь.

— Потому что она... ведьма! Причем очень и очень опасная. Один неосторожный взгляд ей в лицо грозит человеку неисчислимыми бедами. А уж если она сама посмотрит на кого-нибудь, то чаще всего этот человек вскоре трагически погибает.

— Да разве такое бывает?

— О-о! Еще как бывает... Но хуже всего, если она даже нечаянно прикоснется к мужчине. Тот в течение суток умирает в страшных мучениях.

— Страх-то какой!

— Вот и я о том же...

— Куда же вы ее тогда везете? — догадался спросить Василий. — На чью беду или на чью смерть?

— Хотим оставить ее при дворе короля Ярослава. Он сам об этом попросил князя Алексея Берлюту, да и мы заранее озаботились, узнав о визите монгольских послов.

— Ага, получается, они потому и напали на вас, что прознали о ведьме?

— Получается, что прознали...

— Надо же! — хмыкнул Шестопер и с завидной беспечностью добавил: — Ну так этим монголам и надо! И спасибо, что меня предупредили! Никаких лишних разговоров не буду с этой старухой вести. Пусть только напишет мне письмо под диктовку, и сразу с ней распрощаюсь.

— Надеюсь на ваше благоразумие, уважаемый Грин! — с чувством завершил разговор граф и ушел в раздевалку.

Тут же и оруженосцы вышли, только покосившись на господина, но не задав ни единого вопроса о сути таинственной беседы.

По пути в свою комнату Райкалин размышлял с завидным оптимизмом: «Темнишь ты, дядя граф! Ой темнишь! И доложили тебе не обо всем: про упавшую шляпку не сказали ни слова. Видимо, телохранительницы этой слишком юной ведьмы опасались наказания. Но что дает это лично мне? Плюсы или минусы в предстоящем свидании? Если верить во все здешние чудеса и колдовство, то мне надо забыть о встрече, перебраться в другую комнату, помолиться на ночь и больше никогда не вспоминать о страшной ведьме. А вот если включить логику да опереться на житейский опыт, то Левадский нагло лжет. Или озвучивает заранее продуманную легенду. Скорей всего девочка предназначена кому-то для согрева постели. Вполне возможно, что и самому королю. Или принцу? Как я понял, их там штук пять при дворе... Монголы везут золото и драгоценные камни, а русские всегда славились своими женщинами и часто рождались с иными монархами, именно отдавая красавиц-дочерей им в жены. Это не в пример действеннее, чем дары. Правильно в народе говорят: ночная кукушка всяко дневную перекукует. Так что в итоге я имею прекрасную возможность немного развеяться в любовной интрижке. От прелестной милашки не убудет, если она заглянет в мою комнату на часок!»

Конечно, даже ему самому подобные мысли казались циничными и низкими. Если вообще не признать их откровенно грязными. Но таким образом Райкалин пытался себя мобилизовать к сопротивлению красоте. Потому что очень опасался, что может позорно пасть к ногам юной красавицы да так и умереть там с вырванным собственноручно сердцем.

Прожитые годы и огромный опыт не допускали такого. Да и не верилось Василию, что какая-то там высокая любовь существует. Наверное, забыл с возрастом, что такое всепоглощающая страсть и одурманенные чувства. Поэтому и позволял пошлость в мыслях, насмехаясь над собой и над самой встречей:

«Видимо, все дело в доставшемся мне теле. Оно слишком молодое и вырабатывает гормоны, как дойная корова молоко. Ему просто хочется бурного и постоянного секса, и по этой причине оно готово влюбляться в любую встречную-поперечную обладательницу стройной фигурки. А уж если еще и смазливая мордашка идет в комплекте, тело готово таять от желания и вопить: „Она! Единственная! Желанная! Любимая!..“ Тьфу ты! — Он с удивлением прислушался к себе. — Чего это я весь горю и задыхаюсь?.. Запоздало из меня банный дух выходит...»

И еще кое-что свидетельствовало в пользу того, что граф солгал. Если некая группа вооруженных людей во главе с важным вельможей тайно везет в столицу опасную бомбу замедленного действия, то какой смысл об этом рассказывать первому встречному? Никакой тайны тогда не останется, никакой пользы от ведьмы не будет. Или надеются на рыцарское слово? Ха! Настолько наивным и доверчивым посланник князя Берлюты не должен быть по умолчанию!

У себя в комнате Грин запоздало ужаснулся, что сорок минут в одиночестве просто не вынесет морально. И даже обрадовался, расслышав попискивание из сумки: «Забыл про домового! Еще

с голода зверушка помрет. Или не зверушка? — уже держа лягушку на ладони, размышлял Василий. — А чем она докажет, что разумна?.. Сказала бы что-то! Молчишь? Крови жаждешь? Да ладно, пей, чай, от меня не убудет...»

Зеленоватый блин тут же накрыл его пальцы, пощипал их, а потом кольнуло сразу две подушечки — среднего и безымянного пальцев. Вывод? Смерчень либо растет, либо компенсирует пропущенный обед. Ну и остальные вопросы оформились длинным списком.

Если это домовый, то почему он не вылезает из сумки сам? Почему вообще не осматривает помещения? И смерчень ли это вообще? Может, случайно нечто из стены выросло, а он и прихватил?.. Да нет, вроде такая же лягушка на ощупь, которую метал в колдуна... Если раньше он летал, то почему сейчас этого не делает? Может, ему нужна команда голосом? Так это не сложно попробовать. Тем более что кричать не придется.

— Эй! Давай взлетай! Ну!.. Да не в комок скатывайся, а в воздух поднимись! Чего пицишь? Нормально со мной говори, я комариного писка не понимаю. А?.. Как же ты раньше-то летал?.. Или ты поломался?.. Или ранен?.. Или съел чего вредное?.. А что, кровью того старикашки и в самом деле можно было отравиться. Эй? Чего молчим?

Но все вопросы так и остались без ответа. Существо вроде и попискивало, но это даже на азбуку Морзе не походило. Догадка о болезни домового или об его отравлении была весьма похожа на правду. Наверное, надо покормить страдальца чем-то посущественней капельки крови. Благо мешок с харчами лежал среди иных вещей в комнате рыцаря, поэтому вскоре перед лягушонком лежали хлебные крошки, кусочки мяса, сыра и разных овощей. Туда же Василий ковырнул ножом и кусочек яблока, твердого, еще урожая прошлого года.

Вот на этот кусочек смерчень и польстился: коснулся, словно принюхиваясь, а потом втянул в себя. После чего совсем перестал попискивать и словно впал в дрему. На добавку не среагировал.

«Тоже проблема! У кого спросить, чем эту зверушку надо кормить? Каким образом с ним общаться? Где хранить при перевозках? Или подобное можно в литературе специальной вычитать? А есть ли вообще здесь книжные магазины? Вряд ли... Скорей надо искать книги на рынках больших городов. И похоже, этот Вицин, куда мы направляемся, как раз из таких».

Минут пять он пристально рассматривал зеленоватый комок, пытаясь понять, где у него глаза, уши и откуда он пицит, но, так ничего и не высмотрев, отправил домового обратно в сумку.

Взгляд наткнулся на мешок с трофеями. Теми самыми, что собрали с убитых монголов, вкуче с конской сбруей и седельными сумками. Добычу просто сбрасывали не глядя в мешки и также не присматриваясь распределили мешки на запасных лошадей. Молнар принял решение провести осмотр трофеев и подсчет возможной прибыли для членов отряда уже по прибытии в Вицин.

Поражало полное доверие командира к рыцарям и оруженосцам. По сути любой мог покопаться в вещах и пригреть для себя сверх своей доли нечто поблескивающее золотом или сверкающее камешками.

«Может, и мне не стоит касаться общих трофеев? — задумался Райкалин. — Конечно, воровать не стану, простое любопытство, но вдруг кто войдет неожиданно?»

Для удобства постояльцев изнутри комнаты закрывались на массивные засовы, и это вкуче с необходимостью чем-то срочно себя занять разрешило последние сомнения. Расстелив на

широком подоконнике какую-то тряпицу, Василий стал выкладывать на нее вещи, порой с бурым налетом засохшей крови. Все три мешка пересмотрел.

Три седельные сумки, несмотря на свой полезный объем, оказались полны всякого, хоть и приличного по новизне барахла. Единственное, что порадовало, это мешочек кураги. Абрикосы хоть и были слишком пересушенными и твердыми, зато годились для употребления даже человеку без нескольких передних зубов. Ведь можно держать курагу во рту, постепенно размачивая слюной, а потом размягченную до крайности легко жевать боковыми зубами. Да и смерчень мог позариться на сладкий сухофрукт.

Райкалин положил две штучки позолотистей в сумку, рядом с лягушонком. Съест — хорошо, а нет, да и ладно. Мешочек сухофруктов без зазрения совести отложил к своим вещам. И мысль не мелькнула, что так нехорошо поступать, нечестно. Раненому нужней — железное оправдание.

Затем в одном из боковых карманов сумки он случайно нащупал колечко. Маленькое, невзрачное, скорей всего серебряное. Даже на мизинец не налезло. Присмотревшись, разглядел на поверхности сложную вязь и чисто из духа противоречия сунул колечко в потайной карман на поясе.

«Буду считать это своим личным трофеем! Даром я, что ли, в этих мешках грязных копался?»

Обнаружить еще что-то ценное он не мечтал, однако в одном из двух поясов отыскалась действительно важная вещь. Можно сказать, уникальный верительный документ: пайцза. Этакая золотая пластина шесть на одиннадцать сантиметров, с дыркой для шнура. С одной стороны был выгравирован лев внизу и кречет возле дырки — между ними некий витиеватый символ-печать. С другой стороны надпись в три строки, видимо на уйгурском. Но в любом случае предьявитель такой пайцзы имел огромные полномочия.

Память услужливо воссоздала сцену нападения монголов на придорожный трактир. Там сильно буйствовал и кричал один монгол. Он первым начал стрелять в рыцарей, своим примером заражая остальных. Но он же первый и пал после залпа королевских лучников. Похоже, этот пояс как раз и принадлежал тому самому буяну.

В другом кармашке отыскалось два листа бумаги, похоже, что письма, и тоже на уйгурском. Аккуратно сложенные и упакованные в непромокаемый пузырь какого-то животного или рыбы, послания могли предназначаться только кому-то из своих, иначе говоря, давно засланным шпионам.

Над этими находками пришлось задуматься всерьез. Почему-то очень хотелось их прикарманить, интуиция настойчиво шептала, что они пригодятся. Но разум категорически отвергал полезность подобной находки. А благоразумие с осторожностью подсказывали: как бы хуже не было!

В самом деле, любой обыск в вещах или случайная их потеря — и недоброжелатели с ходу объявят его шпионом и предателем. Сам только недавно распинался, как коварно и подло действуют азиаты, стремящиеся к своей цели, завоеванию всей Евразии. А тут вдруг всплывет такой компромат. Да тот же Найт первым орать станет о казни или сожжении на костре и будет в общем-то прав. Такая пайцза — она у монголов непререкаемый авторитет, а тут, в центре Европы, — смертный приговор.

Не сейчас, нет! Пока еще о таких пластинках тут ничего не знают, и в лучшем случае она пойдет по цене золотого лома. А вот позже такой вещью светить никто не вздумает. Ну и не

факт, что тот же баннерет Молнар уже нечто особое о монголах не ведаёт. Уж слишком он радостно и бодро отдал лучникам команду «Пли!» Вполне возможно, что он уже имеет определенные инструкции от служб внутренней и внешней безопасности королевства. Так что брать себе находку не стоило.

А все рано чувство неправильности происходящего только усиливалось. Отдавать документы в руки чиновников Вищина почему-то не хотелось. Но мало ли чего хочется, если категорически нельзя?!

И тогда пришло на ум альтернативное решение, казалось бы, неразрешимой проблемы. Следовало спрятать найденное здесь, непосредственно в комнате или где-нибудь в ином месте постоянного двора. В случае надобности вернуться сюда будет несложно, часа три рысью от Вищина, если на хорошем коне да налегке.

Осталось только придумать: куда?

Глава десятая

СОРЕВНОВАНИЕ В ОСТРОСЛОВИИ

Уложив все трофеи обратно в мешки, Райкалин прихватил документы покойного монгола и отправился на поиски самого укромного, но в то же время легкодоступного места. По той же причине он и в комнате не стал ничего осматривать. Вдруг пайцза понадобится срочно, а здесь окажутся постояльцы?

Сложность заключалась в том, что уже стемнело и в коридоре царил почти полный мрак. Только на лестничной площадке горел светильник в виде плоски с фитилем, давая весьма неверный отблеск на второй этаж. Все постояльцы передвигались, имея при себе свечу или керосиновую лампу. Ну а хозяева могли ориентироваться с закрытыми глазами.

Василию пришлось взять из комнаты лампу, прежде чем начать исследовать пол коридора, окно в торце да дверные наличники. Пайцза и письма плоские, в какую угодно щель пролезут. А если кто поинтересуется, чего он тут потерял, то всегда можно отделаться фразой, что монету уронил.

Повезло в неожиданном месте. Небольшой кусок плитуса скрывал щель между полом и стеной. Даже не отрывая этот кусок, можно было чуть оттянуть его широким, прочным ножом и затолкать находку в щель. Да еще и место находилось у окна в углу, за здоровенной кадкой с местным подобием фикуса. Судя по островку пыли, сюда и уборщица не всегда заглядывала. Но прежде чем встать на колени и заняться делом, Райкалин прислушался. Постоялый двор гудел обилием голосов, топотом, восклицаниями и прочими бытовыми шумами. Но коридор был пуст, до ужина оставалось еще полчаса.

Дальше пришлось действовать быстро. Упал на пол, поставил лампу рядом и стал ножом отжимать плитус. Только начал засовывать пайцзу с письмами в получившуюся щель, как заметил, что открывается дверь угловой комнаты. Вскокивать на ноги — только внимание к себе привлечь, поэтому рыцарь сообразил попросту задуть свою лампу и замер, пригнувшись, за кадкой.

Тем более что еще кто-то, но уже без лампы, шел по лестнице. А вот из угловой комнаты вышла одна из девиц, сопровождавших ведьму, и с лампой в руке двинулась к лестнице. Заметив, кто поднимается, она сердито зашипела:

— Ну и где ты шляешься?! Стол заняли?

— Конечно. Сладика там осталась караулить. И там так весело...

— Нашла время! Госпожа хочет, чтобы ты ей уложила волосы в самую изысканную прическу! Быстрей...

— Странно! — ворчала та, двигаясь к двери. — Зачем Зареславе прическа, если она все время в шляпке?..

— Тсс! Не твое дело!..

Они скрылись в комнате. Василий с кряхтением завершил свою работу, чуть не прищемив пальцы, подхватил лампу и на ощупь поспешил в комнату. Там уселся в темноте, пытаясь унять биение сердца и обдумывая услышанное: «Сам факт наведения дополнительной красоты говорит о явной заинтересованности со стороны ведьмы. Моя разбитая морда ее не отпугнула, чего я больше всего опасался. Иначе говоря, „лямур мы можем закрутить, и нам кровать не помешает!“. Хе-хе... А какое у нее прекрасное имя! Зареслава! Поющая славу заре, если я не ошибаюсь. Хм... А ведь имя графа — Зареслав. Странно... Вдруг они родственники? А то и самые прямые, отец и дочь? В семьях частенько сходные имена любят давать. Ну да не о том речь!.. Чем это мне может грозить?.. Да ничем. Если граф солгал и она на самом деле его дочь, то пусть на себя и пеняет. Мало того, я перед ним всегда могу оправдаться, что он оказался прав: Зареслава ведьма, навела на меня морок, и я ничего не помню, что она со мной творила!..»

Придумав такие отговорки, он вдруг решил тоже поспешить в зал, чтобы занять стол как можно ближе к женщинам. Тем более что его заинтриговала фраза о каком-то веселье, царящем внизу в преддверии ужина.

Конечно, кое-что подавалось посетителям, особенно тем, кто зашел с улицы, прямо с пылу с жару. Да и холодных закусок, салатов, пива и вина хватало. Солидно ужинали уже и те постояльцы, которые прибыли в городище чуть раньше рыцарей. А вот на новых двадцать четыре гостя сейчас в поте лица пахали все кухонные работники.

Но это не значило, что те были обязаны сидеть по своим комнатам. Приходи, садись, ешь что готово, промочи горло вином или согревайся горячим отваром. Да следи, чтобы для твоих товарищей посуду расставили. И не какие-то там грубые миски и ложки «у каждого с собой», а вполне приличные, пусть толстостенные тарелки и поблескивающие ложки из бронзы. Для Средних веков — высший сервис.

Одна из амазонок сидела в самом углу зала. Судя по семи тарелкам на столе, она заняла этот стол для женской части отряда. Второй стол, побольше, как бы перекрывавший подход к угловому, оккупировали два витязя из Великой Скифии. Тут тоже все было понятно. А два небольших столика на двоих, втиснувшиеся между ними, тоже оказались заняты. За одним с кубком вина восседал ровесник графа. А вот за вторым, веселя девицу, скорей всего именно упомянутую Сладикку, восседал и балагурил не кто иной, как Коннеш Найт. Его напарником оказался сидящий спиной к залу Илтон Нинбург. Тот самый бритт, о котором ходила мрачная слава бретера и уважительная — знатока всех рыцарских законов.

Ну и чуть ли не сразу стало понятно, с какой целью здесь оказался неприятель-должник, наверняка так и не успевший помыться. Найт излишне громко, явно апеллируя ко всем посетителям, рассказывал анекдоты о рыцарях. Вернее, о тех из них, которые вели себя трусливо в любых ситуациях.

И что интересно и смыкалось с иной реальностью: здесь тоже в каждом анекдоте фигурировала принцесса, дракон или оба вместе. Только дракона чаще величали трехглавым змеем. Но хуже всего, что шутник называл рыцаря-труса конкретным именем:

— А то был случай с другим Грином, чтоб такой трус не пошел на перерождение! Враги стали его искать в башне и загнали на самый верх. Следовало либо сражаться, либо хотя бы спрятаться. Так тот Грин ничего лучше не придумал, как спрятаться, выпрыгнув в окно!

Девушка весело хихикала, витязи хохотали, старик улыбался в усы, кое-кто из гостей тоже хихикал с повышенным интересом. Только рыцарь бритт сидел угрюмо, поглядывая лишь в свою огромную кружку. Ну а рассказчик старался, только губы успевал пивом смачивать:

— Или еще один, короткий: пошел рыцарь Грин в лес за грибами и пять лет выйти оттуда не может. Его грибы не отпускают!

Этот анекдот, видимо, был старым, смеялась только русская девушка. Венгр выдержал паузу и, словно только что увидел усевшегося в дальнем углу Шестопера, воскликнул:

— А вот и мой прославленный друг по имени Грин! Которого мне придется вскоре убить на потешном поединке. Хорошо, что ты пришел послушать веселые истории о трусах. Небось и сам знаешь сотни таких жизненных историй, а?

Василий усмехнулся: «С кем это он собрался соревноваться в остроумии? С человеком из двадцать первого века? Ну-ну! Зря ты такое оружие выбрал, чтобы подбить меня на потасовку, зря!»

— Что-то, Коннеш, ты путаешь, — спокойно произнес он. — Умереть на поединке придется тебе. Но не раньше, чем завтра вечером, потому что я свято чту приказы баннерета. Ну и по поводу историй... Ни разу не слышал подобных баек, где указывалось бы на имя Грин. Разве что помню о том Грине, который лихо спас принцессу, сидящую в плену у дракона. Хотите послушать?

Все хотели и услышали, как дракон собрался есть принцессу-девушечку. А хитрый рыцарь к девушке успел пробраться раньше и спас ее, сделав женщиной.

Смеялись все, даже стоящий за стойкой хозяин постоялого двора. Василий рассказал еще несколько анекдотов, восхваляющих мужскую смекалку, доблесть и бесстрашие прославленного героя по имени Грин.

Потом пришло время унизить явно растерянного таким поворотом событий соперника, тем более что на пороге обеденного зала показались сплоченной группой дамы, среди которых одна была в шляпке. За ними маячили Петри и Ольгерд.

— Про доблестного Грина я знаю много интересного. Но еще ведаю множество анекдотов о несуразном, тупом венгерском рыцаре Конне. Начну с такого: умирал рыцарь Конн в пустыне от жажды да вдруг наткнулся на озеро с чистой водой. Только на берегу сидел змей трехглавый, на которого и бросился глупый рыцарь, ничего не спросив, ничего не узнав. И когда упал обессиленный да смертельно израненный, змей его и спрашивает: «А чего тебе, недоумок, здесь надо было?» — «Пить сильно хотел!» — ответил Конн. «Ну так и пил бы себе на здоровье, кто тебе мешал-то?»

Этот анекдот слушатели встретили благосклонно, хотя такого успеха, как предыдущий, он не имел. Что еще помогало, так это негативное отношение к Найту большинства посетителей.

Кажется, и здесь венгров недолюбливали, и раскрытие национальности, хоть и выглядело подлым, нечестным трюком, принесло отличные результаты. Теперь к балагуру относились с настороженностью и недоверием.

Дождавшись, когда усядутся женщины, а также пришедшие чуть позже их граф и пятеро сопровождающих его витязей, Василий рассказал очередную байку:

— Приехал с Востока рыцарь Конн в столицу и тут же помчался к королю на доклад. «Ваше величество, — говорит, — прославляя ваше имя, я убил на Востоке сотню ваших врагов!» Король на него кричит: «Спятил ты, что ли?! У меня нет никаких врагов на Востоке!» — «Да ладно вам так переживать, — отвечает Конн, — теперь уже точно есть! И много!»

Слушатели долго смеялись, смакуя мораль, повторяя на все лады понравившиеся последние фразы. Взбешенный Найт несколько раз порывался вскочить, явно намереваясь прямо в зале если не устроить жуткую драку, то закатить порядочный скандал, используя Шестопера как громоотвод для своего гнева. Но его силой останавливал каждый раз Илтон Нинбург и что-то ожесточенно шептал на ухо. Судя по всему, бретер посоветовал товарищу ждать случая и не нарываться на драку по своей инициативе. В итоге оба остались за столом.

«Что мне выгоднее? — задумался Райкалин. — Продолжая насмешки, вынудить соперника к атаке? Тогда я могу похвастаться доблестью и силенкой перед Зареславой. Хотя и не факт, что для меня все закончится в потасовке благополучно. Что-то я стал излишне самонадеян... А с другой стороны, чем быстрее и спокойней закончится ужин, тем быстрее я окажусь рядом с прелестницей. Точно! Решено! Включаю форсированное поглощение пищи!»

Василий и его оруженосцы первыми закончили ужинать. Теперь оставалось покинуть зал, не провоцируя венгра на неадекватные действия. Тем более что драться не хотелось, а вот в предвкушении общения с девицей сердце начинало сбоить и дыхание спирало, хоть Василий и старался себя охлаждать самыми циничными и пошлыми размышлениями.

Нормальный выход из создавшейся ситуации виделся сразу: надо сделать ложное движение, соперник поведется, и тут же уйти в сторону, воплощая собственные планы в жизнь. Начал с тихого предупреждения парням:

— Я сейчас выйду на улицу. Не вздумайте идти за мной или искать. На самом деле я перелезу через забор во двор и преспокойно по другой лестнице вернусь в свою комнату. Разве что меня долго не будет, ну тогда откройте окно в моей комнате и осмотрите улицу. Вот ключ.

После чего встал и устремился к выходу, на ходу оповестив своих оруженосцев:

— Прогуляюсь к башням и обратно!

Получилось достаточно громко, чтобы услышал кто надо. Да и замерший настороженно Найт стал после этого подниматься из-за стола.

Выйдя на крыльцо, довольно хорошо освещенное горящим факелом, Райкалин решил не тянуть резину и бросился к тому забору, что справа. Это его и спасло. Только сделал прыжок с крыльца, как в деревянный навес над ним вонзилась с глухим стуком стрела. Видимо, лучник не ожидал резкого движения жертвы и сбил для себя прицел.

Вторым прыжком все осознавший рыцарь бросился резко влево, в спасительную тень стоящего напротив дома. Благодаря этому маневру вторая стрела, которую стрелок пустил намного левее от себя, угодила в забор. После чего киллер попросту струсил, поняв, что увертливая

цель не для него, а дистанция сокращается очень быстро. Развернулся, сразу выделяясь силуэтом на углу улицы, и умчался в ночь.

Василий и это изменение в обстановке учел моментально. Вновь ринулся к забору гостиницы и лихо его перемахнул, несмотря на высоту в два с половиной метра. Опасался лишь приземлиться во дворе на карету, телегу или еще какую напасть. Мало того что шум получится изрядный, так еще и ноги можно было поломать.

Работники постоялого двора сейчас все до единого, сбиваясь с ног, обслуживают за ужином гостей. Ну а коль сторож тут окажется... тогда и будет видно.

Повезло — приземлился удачно, присел, затаился. Никто не крикнул и шум не поднял.

На крыльцо кто-то вышел. Василий услышал недовольный голос Найта:

— Что тут...

Но его резко оборвал бритт:

— Тсс! Замри! — И после паузы: — Кто-то убегает в ту сторону. У тебя единственный шанс его сейчас догнать!

Судя по топоту, они оба сорвались на бег, преследуя лучника. Василий хмыкнул, удивляясь такой поспешности бретера. Если он в сговоре с Найтом и в курсе, что тот нанял киллера, то почему послал венгра именно в ту сторону, куда убежал лучник? И почему побежал сам? Да и Найт мог бы догадаться, что это позорно сбегает с места событий его сообщник, лучник. Почему ему это не пришло в голову?

Но в любом случае факт использования наемного убийцы замалчивать и оставлять безнаказанным не стоило. А чтобы иметь хоть какие-то доказательства подлого покушения на себя, Василий снова перемахнул через забор и стал разыскивать стрелы. Та, что угодила по касательной в забор, отыскалась быстро, а вот чтобы достать первую стрелу, вонзившуюся между досок навеса, пришлось повозиться. Наконечник извлечь не удалось, зато отломил половину стрелы с оперением.

Со второго этажа послышался голос Петри:

— Грин, это ты там возишься?

— Да я это, я!

— С тобой все в порядке?

— Да, сейчас возвращаюсь.

— А то оба рыцаря весьма скоро вышли следом за тобой, — переживал парень, — что многим в зале не понравилось. Только никто за ними следом не отправился. И весьма удивились, когда мы с Ольгердом как ни в чем не бывало поднялись на второй этаж. Если что, то мы тут с луком.

— Вряд ли придется пустить его в ход. Но меня дождитесь.

Демонстративно держа в левой руке обломки стрел, Василий отправился в обеденный зал. Возмущаться начал еще от двери:

— Эй, хозяин! Что это у вас на улице творится? Не успел выйти, как меня пытались настигнуть вот этими стрелами!

Хозяин скривился в недоумении, всем видом показывая, что он ни сном ни духом.

— Уважаемый Шестопер! Но ведь за вами следом вышли ваши друзья. Вы их что, не видели? — громко сказал со своего места граф Левадский.

— Конечно, видел! Они помчались за тем самым подлым лучником, может, и поймают негодяя. А я остался собрать стрелы, как вещественное доказательство. Не знаю, получится ли следствие провести...

Подойдя к стойке, он попытался рассчитаться за постой и ужин с хозяином постоялого двора. Но тот, угодливо улыбаясь, объяснил:

— За вас уже рассчитался вот этот господин. В том числе и за ранний завтрак.

К стойке приблизился посланник князя Берлюты и замахал руками, отвергая попытки возразить против такой щедрости:

— Пустое, рыцарь Шестопер! Какие могут быть между нами счеты. Это я вас пытался отблагодарить за помощь днем и за то, что подсказали удобное место для ночлега. И раненых наших весьма удачно целитель подлечил, так что и завтра мы бы хотели продолжить путь вместе с вашим отрядом.

— Ну... это не я решаю, а баннерет, — напомнил Райкалин, решив дальше не кочевряжиться. Вроде рыцарю не пристало долго благодарить за угощение. — Спасибо! И спокойного отдыха!

Поклонившись графу, он поспешил в свои скромные апартаменты.

Глава одиннадцатая

ВСЕГО ЛИШЬ ШАГ — И ВОТ ОНА, ПОБЕДА!

Поблагодарив оруженосцев за оперативность и понимание обстановки, Василий отправил их спать:

— Отсыпайтесь! Вам и вставать раньше, грузить поклажу с трофеями. Только оставьте мне бумагу и письменные принадлежности.

Уже ничему не удивляясь, оруженосцы достали из личного баула рыцаря листы бумаги, бутылочку с чернилами, перья, выложили это все на стол и убрались в свою комнату. А рыцарь погасил лампу, настезь открыл дверь и уселся так, чтобы видеть всех проходящих по коридору постояльцев.

Долго ждать не пришлось. Минут через десять послышались женские шаги, а там и прикрытая вуалью красotka появилась, направлявшаяся в свой номер. Сопровождали ее две девицы, не то служанки, не то наперсницы, не то телохранительницы.

— Уважаемая! — обратился к ней Райкалин, выходя из своей комнаты. — Не надеялся, что вы так быстро отужинаете. Но раз уж мы столь удачно встретились, может, сразу меня просветите о жизни в Тартарии?

Она помолчала, словно раздумывая, в какой форме отказать. Но тем приятнее прозвучали ее

слова:

— Охотно! Проходите в мою комнату.

Угловые апартаменты оказались раза в полтора больше, чем доставшиеся рыцарю. Помимо отдельной спальни имелась как бы гостиная, с двумя узкими кроватями у стен и овальным столом в центре. Именно за этим столом они вдвоем и устроились.

Амазонки уселись каждая на свою кровать, лампы поставили возле себя на тумбочки. Одна открыла большую, наверняка весьма тяжелую книгу, вторая занялась шитьем. Их присутствие почти не ощущалось, поэтому Василий очень быстро и весьма уверенно вошел в нужный образ: стал с придыханием описывать свою возлюбленную. Затем разыграл искреннее волнение и стал наводящими вопросами подталкивать девушку из Великой Скифии к повествованию.

К слову сказать, она не слишком-то и нуждалась в понуканиях. Сама с удовольствием описывала, объясняла и даже дала сравнительный анализ различий жизни в Великом Литовско-Новгородском королевстве и Великой Руси. Оказывается, она уже бывала два раза в королевстве, но в более юном возрасте.

Райкалину было интересно слушать, а вот девицам довольно быстро наскучило. Несомненно, обе устали во время путешествия, а то и накануне мало спали. Вначале они зевали украдкой, но быстро перестали таиться и зевали так, будто вознамерились заразить гостя желанием поспать. А потом вообще привалились к подушкам и уже через пять минут крепко спали, даже не предупредив свою госпожу об этом и не спрашивая разрешения.

Заметив это, Василий, задавая вопросы, непроизвольно перешел на шепот, чему Зареслава весьма удивилась. Поняв, в чем дело, вначале осерчала, но потом махнула рукой:

— Ладно, пусть спят. Но теперь ты расскажешь о себе и о своей суженой.

— А может, вначале письмо напишем? О себе я могу и завтра в пути рассказать, а вот письмо уже утром хозяин харчевни отправит по почте. И во время написания ты узнаешь о моей любимой почти все.

— На чем писать будем?

— У меня в комнате уже все приготовлено! — внешне деловито, но с замиранием сердца перешел опытный ловелас к самой главной части своего плана. — Может, я надиктую в моей комнате? Чтобы девушек не разбудить своим басом? А то при воспоминании о желанной Зареславе я начинаю нервничать, теряю контроль над голосом и говорю чрезмерно громко.

— Как ее зовут? — поразилась девушка, услышав собственное имя.

— О! Ее зовут Зареславой! Самое прекрасное, самое светлое и чистое имя во всей вселенной. Достаточно мне вспомнить это волшебное имя, как несравненный лик моей возлюбленной, весь ее завораживающий образ возникает передо мной!..

— Тсс! — остановила она рыцаря, который перешел на пафосный тон и повысил голос. Оглянувшись на заворочавшихся девушек, она добавила: — В самом деле разбудишь. А им, бедняжкам, в последние два дня тяжело пришлось.

— Ладно, тогда и в самом деле пошли ко мне, — сделал великое одолжение Грин Шестопер, словно это его уговаривали. — Только тихонечко...

Зареслава колебалась недолго и все-таки пошла в комнату к рыцарю, посчитав, что опасаться безумно влюбленного в другую девушку не стоит.

«Что и требовалось доказать! — мысленно потирал руки Василий, радуясь, что в коридоре они ни с кем не столкнулись. — Теперь главное — не испугаться!»

Войдя в комнату, он зажег обе лампы, попутно распорядившись:

— Садись к столу и выбирай перья. Иними ты эту шляпку, она же тебе мешает!

— Но мне ведь нельзя...

— Ерунда, я тебя уже и так видел, — отмахнулся Райкалин от запрета, как от назойливой мухи. — Снимай и пиши: «Моя горячо, беззаветно любимая Зареслава!..»

Красотка вздохнула, сняла шляпку, аккуратно положив ее на свободный стул рядом. Но при этом из-под ресниц следила за реакцией мужчины. Конечно, будь у него воля слабей, он сразу бы бросился к красавице, обнимая, тиская и поглаживая все, до чего дотянутся нетерпеливые руки. Но он сделал вид, что уже витает в облаках, сочиняя чуть ли не оду своей суженой.

Только и позволил себе сделать комплимент:

— О! Какая чудесная прическа! Она совершенна! Точно такую же всегда делала Зареслава! Мм... Ну чего же вы сидите? Пишите, умоляю вас, пишите!

Девушка вроде как успокоилась окончательно и приступила к написанию любовного послания. Василий постарался реализовать все свои наработки эпистолярного жанра. И высшую прозу применил, и лучшую поэзию к месту вставил. Иначе говоря, за полчаса с хвостиком надиктовал несомненный шедевр.

Конечно, данное Средневековье сильно отличалось по культуре от мира, который он покинул. Но в любом случае равных Райкалину здесь не было и его можно было смело назвать Шекспиром, Пушкиным, Байроном, Гете нынешнего времени. Уж настолько красочно расписал, что адресату письма позавидовала бы любая женщина обоих миров.

Мало того, автору письма удалось немножко ущипнуть и от гениальности Джованни Боккаччо с его «Декамероном». Потому что умело вставил несколько страстных абзацев, начинающихся словами «А помнишь, как мы с тобой целовались в (на)...».

Старательно пишущая под диктовку Зареслава не могла видеть, что рыцарь рассматривает ее исподтишка и краску стыда и восторга на щеках красавицы воспринимает как признание своего эпистолярного красноречия. А это придавало еще больше вдохновения каждому слову. Да и образец поклонения того стоил. Ведь свое письмо Шестопер практически отправлял в нужные розовые ушки. А то, что нежные женские пальчики записывали каждое слово, являлось дополнительным, изумительным способом воздействия-обучения. Его еще чаще называют «Повторенье — мать ученья!».

Ну и в конце концов наступил момент, когда Райкалин почувствовал: пора! Девушка уже дышала прерывисто, переживая очередное письменное воспоминание и наверняка ощущая себя на месте возлюбленной рыцаря. Теперь только и оставалось, что плавно перейти из вымышленного мира в реальность.

Прохаживаясь по комнате, словно подыскивая нужные слова, Шестопер сел на стул,

переложив шляпу на угол стола. Потом с восторгом описал вслух неповторимость рук девушки, бархатистость ее кожи и тот волшебный трепет, который накрывает его, когда он смотрит на эти руки. А потом, словно только что заметил, перехватил левую ладошку Зареславы и поразился:

— Вот! Точно такая рука! Точно такие же тонкие, аристократические пальчики! — И с восторгом прижал упомянутые пальчики к своей щеке.

Конечно, следовало ручку целовать, но еще не зажившие губы, а также нехватка передних зубов могли напрочь испортить все очарование ответственного момента. Это являлось самым слабым, самым сомнительным местом во всей затее соблазнения. Ведь поцелуй для женщины еще важнее, чем для мужчины. А тут следовало невероятно извернуться, чтобы все проделать без этого уникального средства единения. Так что девичьей кистью следовало, наоборот, рот прикрыть и окончательно перейти на страстный шепот.

Постарался. Прикрыл. И добился того, что вжившаяся в образ девушка в самом деле почувствовала себя на месте той самой возлюбленной, которой были адресованы все эти великолепные строки. Она спонтанно подалась к Василию и, отбросив перо, нежно погладила и вторую его щеку.

— Ты такой одинокий... — прошептала она не то спрашивая, не то утверждая.

— Я так долго тебя ждал! — шептал он в ответ.

— Какая великая сила любви...

— Я так по тебе соскучился, божественная!..

И они устремились навстречу друг другу.

Глава двенадцатая

НИКТО НЕ ПОБЕДИЛ, НО НЕ БЫЛО И ПРОИГРАВШИХ

Ничего не снилось. Ничего не вспоминалось. Пустота. Тьма. Полное неосознание самого себя.

И вдруг резкий толчок в плечо, и недовольный, но очень знакомый голос потребовал от Райкалина:

— Ну сколько можно валяться в кровати?! Эй! Ты меня слышишь?

Пришлось открыть глаза и ответить, лишь бы отстали и больше не толкали:

— Слышу, слышу... Отвали! Э-э-э?.. Петри? Тебе чего?

— Что значит «чего»? — возмутился парень. — Мы тебя уже третий раз будим! Все уже на лошадей погрузили, оседлали, собрались, завтрак внизу стынет, а ты лежишь бревном и только мычишь в ответ. Проснулся?

— Я? Мычу? — пытался сообразить Василий, одновременно делая попытки встать. — Помоги... Ох!.. Да что это со мной?..

Сесть он с помощью Петри сел, а вот собственное состояние было хуже некуда. Голова кружилась, казалось, вот-вот отвалится. Руки и ноги тряслись, как у старика. Внутренности

будто хоровод устроили, вызывая натуральную тошноту. Да и в глазах рябило, словно после удара молотком по лбу.

Видя такое состояние господина, оруженосец кликнул товарища. Вдвоем они попытались привести Шестопера в порядок, пичкая каким-то зельем на травах, дав попить чая из мяты и приложив мокрое полотенце на лоб. Ну и приговаривали все время, пытаюсь понять, что происходит:

— Ну спишь ты — и ладно. Вроде успеваем... Не стали сразу наседать...

— Вначале показалось, что ты напился изрядно, как тогда, во время спора со светлым власнечем, помнишь?

— Но ни бутылок не нашли, ни запаха винного от тебя нет.

— Подумали, что устал, коль бумага на столе вся исписанная... Долго спать не ложился, это мы догадались...

— А потом так и свалился в кровать, не раздеваясь.

— Собрать бумаги в шкатулку? — предложил Ольгерд. — Сейчас, я аккуратно...

Упоминание о письме вдруг остро высветило все события позднего вечера. Диктовка, потом начавшееся сближение тел, потом...

А вот потом память ничего толкового не подсказывала. И хуже всего, что, осмотрев себя, Василий понял: ничего из одежды он не снимал. Так и спал всю ночь в несколько парадно-застольной, но все-таки одежде воина-рыцаря. Хорошо хоть не в доспехах!

Но именно походные доспехи и принялись бойко надевать на рыцаря оруженосцы, пока тот приходил в себя и пытался размять непослушные члены.

«Да что это со мной?! И почему ничего не помню о близости с Зареславой? Точнее, почему этой близости не случилось?.. Что там граф Левадский молот о ведьме и прикосновении к ней? Неужели такое и в самом деле бывает? Не верю! Комиссару дивизию в тыл! Но факты-то налицо, а? Получается, я потерял сознание в такой важный момент?! И как последний лошара свалился на кровать?! Ну-у-у!.. Вот это позор!»

Что интересно, всю вину за случившийся конфуз он полностью приписал именно себе. И только себе! Объясняя обморок, или что там было, истинной классикой из своего прежнего мира: «Перенервничал, исстрадался, коснулся-возбудился, потерял сознание. Очнулся — пора вставать!»

О том, что граф Левадский ничуть не преувеличивал способности ведьмы, старался вообще не думать. Предпочитал опираться на свой опыт и знание женской психологии: «Я ее сделал! Она уже была моя. Она тоже горела желанием, и ее ничто не сдерживало. Так что будь Зареслава хоть трижды ведьмой, она бы меня никак не могла обидеть или наказать колдовством. Точно, не могла!.. Потом... Ну потом, когда приходит осознание содеянного, могла, конечно, на меня обидеться... И то не факт. Я ведь не собирался делать ей ничего плохого...»

Самого себя убедил. Все по полочкам разложил. Теперь оставалось только переговорить с девушкой и хоть как-то себя реабилитировать в ее глазах. А как это сделать и где? Верно! Лишь во время уже начавшегося завтрака! Потому что днем она будет ехать в дилижансе, а вечером,

уже в Вишине, может оказаться вне всякой досягаемости для простого рыцаря.

Вот Шестопер и поспешил вниз, лишь чудом не забыв прихватить свою сумку, в которой проживал трофейный смерчень.

Шел пошатываясь, с обеих сторон поддерживаемый оруженосцами. Если бы не они, точно бы по лестнице вниз загремел. А так добрался до обеденного зала, осмотрелся и зигзагами двинулся к столу, за которым сидела Зареслава и сопровождающие ее девицы. Увидев Василия, она перестала есть и настороженно замерла, а девицы напряглись и, похоже, приготвилились прикрывать своими телами госпожу.

Райкалин постарался говорить четко и учтиво:

— Сударыня! Огромное спасибо за помощь в написании письма, оно уже сегодня будет отправлено адресату. И даю рыцарское слово, что моя возлюбленная при нашей следующей встрече увидит все, на что я способен. Слабость мне не присуща, а дух мой крепок как никогда! И больше меня мое тело никогда не подведет!

Постороннему обещание могло показаться несколько двусмысленным. Но не настолько, чтобы подозревать молодых людей в грехопадении или в попытках заняться чем-то излишне пикантным.

Но сама Зареслава прекрасно поняла, о чем идет речь. Потому что благосклонно кивнула и вновь приступила к завтраку. Телохранильницы заметно расслабились. А вот граф, сидевший за тем же столиком, что и вчера, смотрел на рыцаря так, словно пытался пробуровать на нем дырки.

«Чего он уставился на меня, словно на ожившего покойника? Странно...» — вяло удивился Василий, но зарубку в памяти себе сделал.

За завтраком он почти ничего не съел: организм просто не принимал пищу. И компот из сухофруктов показался отвратительным. Но так как его пили остальные постояльцы, да с немалым удовольствием, скандал рыцарь затевать не стал. Но с хозяином заведения постарался пообщаться, надеясь, что пустяшный разговор будет со стороны квалифицирован как передача письма для отправки почтой. Пока следовало держаться выбранной линии поведения.

На самом деле Райкалин задумал отправить это письмо вслед за дилижансом уже из Вишина. С таким расчетом, чтобы девушка получила его во время первой остановки или вечером, в городе, стоящем на пути в столицу. Оставалось лишь сделать с чьей-то помощью небольшую приписку в самом начале: «Это письмо ты написала для самой себя. Теперь ты знаешь о моей любви к тебе!»

Пусть это выглядит по-мальчишески наивно, но... Как еще поставить в известность о своих пылких чувствах неприступную, обещанную иному женщину? Как оставить у нее в сердце память о себе?

Взбираясь на коня, чуть не свалился наземь. Хорошо, что парни опять подстраховали. Но их беспокойство только возросло.

— Да что с тобой сегодня такое?! — воскликнул Ольгерд.

Пришлось выкручиваться:

— Похоже, мое позавчерашнее избиение начинает сказываться только сейчас...

— Вчера через заборы прыгал кузнечиком, — поддержал товарища Петри, — а нынче еле дышишь? Не забыл, что у тебя вечером, скорей всего, поединок с Найтом?

— Ерунда, откажусь, сошлюсь на плохое самочувствие. Имею право...

— Да, право имеешь. Но только представь, какую историю постарается раздуть из этого венгр, всем рассказывая, что ты притворился больным от страха перед ним.

— Тоже не страшно. Есть такая поговорка: собака лает — караван идет, — криво ухмыльнулся Шестопер. — Тем более что вскоре у Найта будет одной проблемой больше. Как только улучу минуту, доложу баннерету о вчерашней попытке меня убить, покажу обломки стрел, объясню, как все происходило. Если Молнар инициирует разбирательство, то венгру будет не до раздувания сплетен о моем мнимом страхе. И это... ты, Ольгерд, поезжай впереди... А то у меня что-то в глазах рябит, еще не на ту улицу поверну...

Несмотря на слабость, вовремя сообразил, что города не знает. Как добраться до Северных ворот, да еще в предутренней дымке, понятия не имеет. Плохое самочувствие оказалось лучшим оправданием.

Прибыли вовремя. Пристроились в колонну, по вчерашнему раскладу. А там и Молнар появился на своем битюге, сразу проехал в колонну и крикнул стражам у ворот:

— Открывайте! Иначе стоя заснете!

Стражники ворчали, что еще слишком рано, все спят, а не прутся ни свет ни заря в неведомые дали. Но за воротами стояло уже с десятков крестьянских подвод, на которых привезли в Белый съестные припасы. Возницы тоже стали поругивать стражников, что так долго возились с открытием ворот. Но мирно брюзжали, по-семейному. Видимо, подобная утренняя перепалка давно стала ритуалом, оповещающим о начале дня.

Дорога показалась Василию унылой и скучной. Движение было весьма оживленным, но рассматривать кареты, телеги, всадников и пеших странников ему очень скоро надоело. Даже проехавший навстречу отряд рыцарей в количестве пятнадцати человек лишь ненадолго развеял скуку. Но хуже всего, что голова продолжала болеть, неведомая хворь выкручивала кости в суставах, а скудный завтрак так и просился обратно наружу. Райкалин больше думал о том, как не сверзиться с Грома, но когда через три часа объявили короткий привал, все равно отправился к баннерету. Рассказал о вчерашнем происшествии, отдал обломки стрел и предупредил, что сильно занемог. Напоследок добавил:

— Верю, что мне полегчает. Но мало ли что... Если вдруг отстану от всех, то найду где отлежаться. А в Вицин не завтра, так послезавтра все равно доберусь.

— Ну да, мы из-за тебя останавливаться не будем! — неизвестно на что и на кого рассердился Айзек Молнар, рассматривая обломки стрел. — В любой деревеньке на постой встанешь, прокормят.

Следующие три часа Василий провел в странной дреме, попросту примотав свои руки ремнем к луке седла. Умудрился не упасть. Но на четвертом часу состояние стало резко улучшаться. Организм все-таки справился с болезнью или с неведомой инфекцией. И когда сделали привал на обед, даже аппетит какой-никакой прорезался.

Но есть Шестопер не стал. Улегся прямо на одеяло, вытянулся и попросил оруженосцев:

— Пусть меня никто не беспокоит, мне надо выспаться. Чувствую, что это помогает. И гоните всех в шею, говорите, что я чем-то отравился.

Сказал и отключился. И опять без сна, без дремы и перехода от яви к мороку. Но на этот раз парни будили его не в пример лучше и быстрее. Толкнули пару раз, затем на лицо опустили мокрое полотенце. Рыцарь сразу взбодрился и даже встал с земли без посторонней помощи.

— Дали команду «по коням», — сообщил Петри и кивнул куда-то в сторону, — а эта девица все полтора часа рядом крутится, все к тебе подойти пытается.

В двадцати метрах стояла одна из русских амазонок и выжидающе пялилась на рыцаря. Тот выдохнул:

— Ладно, путь подойдет. — И, когда та оказалась рядом, поинтересовался: — Что надо сударыне?

— Вот, госпожа передала. — Девица очень старалась, чтобы небольшой пузырек из стекла никто, кроме Грина, не увидел. — Это очень хорошее и редкое лекарство. Очень помогает от любой напасти или хвори. Еще лучше оно помогает при внезапных обмороках. Надо принимать по глотку примерно раз в час.

Брать неведомую микстуру Василий не спешил. Средние века все-таки, темнота! Какое здесь может быть толковое лекарство? Настоянное на коготках летучих выползней и на экскрементах пещерного кузнечика? Спасибо, не надо!

Вслух же поинтересовался:

— О каком обмороке речь?

Девица покраснела, напряглась и неумело соврала:

— Ничего не знаю. Только передаю слова, сказанные госпожой, и одно из лучших лекарств из ее личных запасов.

— А почему тогда ты пытаешься передать мне этот флакон незаметно?

— Да потому, что его содержимое стоит многократно больше, чем твой конь! — прищурила глаза амазонка и, кажется, несильно преувеличила. — Если граф увидит, что оно досталось тебе, его хватит удар. Так что старайся пить лекарство тайком от всех.

— Хорошо, спасибо, я буду придерживаться рекомендаций твоей госпожи. Передай ей от меня особую благодарность в виде вот этого скромного колечка, ценного для меня как память о любимой.

Раскланиваясь друг с другом, высокие стороны незаметно обменялись подарками. И уже через минуту колонна тронулась в путь. Оглянувшись, Райкалин увидел, что девица запрыгнула в дилижанс уже на ходу. Тоже повод для раздумий:

«Почти два часа она терпеливо ждала. Что говорит о том, что лекарство и в самом деле ценное. Да и какой смысл Зареславе меня травить? Никакого! Допустим, начну я пить, умру, упаду с коня... Все просто и ясно, кто виноват. Пусть и не видели сам момент передачи флакона в мои

руки, девица — первая подозреваемая. Ах да, еще и Найт имеется... Хорошо, что в хвосте колонны плетется! Не видеть бы его рожу никогда! Мм... о чем это я? Ах да: пить или не пить?..»

Короткий спор здравого смысла и поднявшей голову любовной страсти завершился победой страсти. Она просто вопила, что юная прелестница не способна ни на какую подлость или коварство. И сама несчастна, потому что едет в чужой город, в чужой край насильно, по приказу.

В общем, стараясь делать это незаметно, Шестопер аккуратно открыл флакон, принялся к содержимому и сделал первый глоток. Долго чмокал губами, все пытаясь определить, как классифицировать оригинальный вкус микстуры. Смесь ароматов миндаля, полыни и меда сокрушалась горечью ромашки, мускатного ореха и еще чего-то неуловимого. Вполне возможно, что компонентов могло быть десятков, а то и за сотню. Хотя при таком количестве ценность ингредиентов взаимно уничтожаема.

Зато страсть торжествовала в самом главном: это — не яд! Не настолько уж противное лекарство! И скорей всего — именно лекарство. Потому что подходит по вкусу, консистенции и... от нее! Да и общее состояние организма стало улучшаться после первого же глотка.

Появились дельные мысли: «Опять забыл про своего домового! С таким владельцем он долго не протянет, помрет с голоду!»

Василий сунул руку в сумку и успокоенно выдохнул. Лягушка довольно резво зашевелилась, повисла на пальцах, а там и капельку полагающейся крови получила. Что порадовало еще больше: отсутствие на дне сумки двух долек кураги. Выпасть они не могли, значит, зверушка угощение распробовала и съела. Не факт, что с удовольствием, но все-таки! Держать при себе вегетарианца гораздо предпочтительнее, чем хищника.

«А что, может, со временем окончательно на фрукты перейдешь? — пытался Василий установить мысленный контакт с неведомым созданием. Но то молчало, как партизан, опять сформировавшись в комок и делая вид, что спит. — Понятно. Тоже приболел? Что-то нам с тобой, брат, не везет. То бьют нас, то кормят чем попало... То иных радостей жизни лишают... А то и откровенно убить жаждут! Слышал небось о моем предстоящем поединке?.. Кстати! Надо будет сейчас поспрашивать, словно невзначай, как в этом Вищине дело обстоит с дуэлями. Где и как проводят, кто секунданты...»

Подумать успел. А вот вопросы сформулировать и задать — нет. Потому что стало вначале дурно, потом опять тошно. Отступившая было болезнь вновь вернулась.

Хорошо, что память не отшибло: лекарство полагалось пить по глотку в час. Еле дождался примерного срока, глотнул повторно. Отпустило... на пятнадцать минут. Затем — опять наплыв неприятных ощущений. Так и провел последние пять часов пути, соизмеряя их с пятью глотками.

Даже виды широкой реки, называемой и здесь Днепром, ничем не порадовали. Хотя в другом состоянии он бы с восторгом рассматривал пейзажи, открывающиеся с правого берега. А вот дорога стала не в пример лучше, она была уложена плитами, на стыках залитых смолой, замешанной на какой-то измельченной сыпучей крошке. Даже до одурманенного недомоганием мозга дошло: не может таких дорог быть в Средние века. Дураки и дороги славянских просторов — главное бедствие прежнего мира — казались ему неуничтожимым фактором суровой действительности.

Но тут они были. И нисколько не мерещились.

Седьмой глоток рыцарь сделал, когда отряд уже ехал по городским улицам. Потому и сумел чуток рассмотреть как сам город, так и его обитателей. Тоже нашлось чему удивляться. Что больше всего поразило, так это улицы и высокие тротуары, застеленные аккуратно подогнанными друг к другу плитами. Такое в двадцать первом веке было сложно устроить, а тут все лежало ровненько, прямо загляденье. О таких вещах, как сточные канавы, грязь, вонь и лежащие отбросы на улицах, в городе и понятия не имели. Значит, канализация присутствовала отличная. Да и решетки стоков стали попадаться, стоило их только поискать глазами. И дома в два, три, а то и четыре этажа оказались в большинстве своем не каменные, а сложенные из кирпича, с арочными сводами над дверными и оконными проемами. Это говорило о совсем иной концепции строительства, явно опередившей здешнее время.

Позже стало понятно, почему никто из членов отряда не разбредается в стороны, как это было во время ночевки в Белом. Все рыцари, а также русские витязи въехали во внутренний двор городской цитадели (тоже, кстати, идеально ровно устеленный плитами), и только там раздался зычный бас Молнара:

— Разбирайтесь по своим комнатам, как обычно! А я — сразу на доклад к князю! И будьте готовы в течение часа явиться к князю как свидетели. До моего особого распоряжения никому в город не отлучаться и ни в какие потасовки не вступать. Считайте это время продолжением похода.

И Грин Шестопер, заметив, что спешащий к нему недоброжелатель Коннеш Найт остановился на полпути, с особым облегчением разрешил оруженосцам проводить себя к трехэтажным казармам. Ну очень, очень ему в тот момент не хотелось даже ругаться. Словно неведомая хворь все силы выпила из организма. У него было всего два желания: слегка подзакусить с дороги и спать, спать, спать...

Даже воспоминания о нежной коже Зареславы совершенно не волновали.

Глава тринадцатая

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ВАМПИР

Войдя в казарму, Райкалин понял, что он на постоянной воинской службе либо у самого короля, либо у местного князя. Потому что так называемые казарменные апартаменты были закреплены за каждым рыцарем и его оруженосцами постоянно. А чтобы кто-то случайно не спутал многочисленные двери-близнецы, тянущиеся по обеим сторонам длинного коридора, каждую украшало имя рыцаря и его герб, нарисованный в силу личных художественных талантов. Чаще всего герб изображался схематически.

А уж что было нарисовано у самого Шестопера, он так с ходу и не разобрал. Стоять же и присматриваться показалось неуместным. Сделал себе заметку найти и посмотреть свой воинский штандарт.

Кстати, его комната оказалась самой последней по правому ряду, на втором этаже. Далековато от входа, но хорошо хоть не на третьем! Иначе носить оруженосцам вещи не переносить.

Но по этому поводу хозяйственный Петри заметил, когда они шли по коридору:

— Если князь со своим маршалом и с воеводами поступят честно, можем на десять порядков сместиться ближе к выходу. Было бы здорово!

— Честно! — хмыкнул Ольгерд. — Комнату на выбор нам, может, и дадут, а вот при разделе оставшегося имущества могут попросту забыть. — С укором оглянулся на пошатывающегося, побледневшего от приступа слабости Грина и уверенно добавил: — Точно забудут!

Василий нашел в себе силы возмутиться:

— А я тут при чем?

Блондин уже начал возиться с двумя замками их комнаты, поэтому ответил на вопрос господина его чернявый товарищ:

— Ты же рыцарь, а не мы! Только ты имеешь право говорить и с маршалом, и с самим князем. И вправе потребовать законного раздела имущества погибших товарищей по отряду.

Теперь Райкалин понял, о каком имуществе идет речь. Только еще требовалось уразуметь, как его следовало делить «по закону». Поэтому постарался проворчать с раздражением:

— Да ладно вам! Чего там делить-то?..

Оба парня на него чуть ли ругаться не начали:

— Ничего себе щедрость!

— Да в комнатах покойных рыцарей чего только нет!

— А оставшимся в живых четверть полагается! Если повезет, то тебе и коня продавать не придется, с лихвой на новые зубы хватит.

— И нам на новые доспехи хватит...

Они уже вошли в казарменные апартаменты, и оруженосцы быстро стали снимать с себя лишнюю одежду. Им предстояло поднять наверх и разместить все вещи. А потом еще и шесть здоровенных коней устроить в конюшне и помочь с ними управиться малолетним конюхам.

А рыцарь стоял в задумчивости. Все решила фраза о зубах. Василий резко почувствовал себя лучше и решил выяснить всю подноготную предстоящего раздела имущества. Но продолжал говорить медленно, через силу, словно его ничего не взволновало:

— Это же надо спорить, ругаться... И у меня в голове словно песок хрустит, ничего не соображаю...

— Так тебе только и надо, что дать нам полное право ведать твоими хозяйственными делами, — влез с советами Петри. — Если, конечно, настолько доверяешь...

— Конечно, доверяю! — ни мгновения не сомневался Шестопер. — И даю вам это право. Где надо вам свою печать удостоверяющую поставить? — И со смешком уточнил: — На лбу?

Парни оценили шутку, коротко хохотнули. Ольгерд заметил, что господин стоит и ждет ответа, припомнил, в каком тот состоянии, и терпеливо пояснил:

— Достаточно тебе заявить об этом маршалу, воеводе или нескольким рыцарям. Твоего слова при свидетелях — достаточно.

— Ну да, ну да... А когда начнут вскрывать комнаты и делить имущество?

— Да не раньше чем завтра утром.

— Хоть выплюсь... — Райкалин с трудом стал раздеваться, крикнув своим доверенным помощникам чуть ли не в спину: — И как бы мне отыскать побыстрее светлого волхва Гонту? Хочется о починке зубов договориться.

Вернулся от двери лишь Ольгерд, озадаченно чешущий в затылке:

— Но это ты уж сам к нему в башню должен идти, нам по рангу не положено возле него даже появляться. Да и злой он обычно, как волк голодный, даром что светлым кличут...

— Да-а? Но я ведь болен, как мне по башням сейчас ходить-то? Нельзя, что ли, его ко мне позвать, как целителя?

— Так для этого знахарь при казарме есть.

— Ну и?..

— Вот если он решит, что тебе помощь самого великого Гонты нужна, может к нему пойти и пригласить прямо сюда. Но за это он сразу берет шесть золотых — один для себя, пять для светлого волхва.

— А бешеному водолазу — комиссара на закуску! — рассвирепел Василий. — У этого знахаря ничего не склеится?! Золотой ему?! Да еще и волхву пять?! За какие такие услуги? Или они не обязаны рыцарей лечить бесплатно?

Ольгерд выпучил глаза на рыцаря, не понимая, чему тот так экспрессивно возмущается. И в меру своего понимания здешних порядков попытался напомнить:

— И знахарю положено, и даже Гонте, лечить бесплатно. Как бы... Только вот великий волхв лишь после отдельного приказа князя готов шевелиться. И такая традиция испокон веков сложилась.

— Ага! Традиция, говоришь? Ладно, будем ломать! Немедленно вызови ко мне сюда знахаря, а дальше я уже буду смотреть по обстоятельствам.

Оруженосец пожал плечами, буркнул: «Принято к исполнению!» и умчался. Василий стал разоблачаться, присматриваясь к обстановке казенного помещения.

Символическая арка делила длинную комнату пополам. В первой половине стояло только две кровати, с ящиками-рундуками под ними. Видимо, ящики были для личных вещей оруженосцев. Все остальное пространство стен было заставлено и увешано полками, где полагалось хранить латы, одежду, сбрую, походное снаряжение и оружие. Только вот девственная пустота этих полок наталкивала на выводы, что у рыцаря Шестопера с личным имуществом и трофеями не густо. Точнее — вообще ничего нет, кроме того, что с собой.

Как еще только лошади имелись с надлежащей сбруей?

Вторая половина, предназначенная для рыцаря, выглядела несколько комфортней. Кровать на ладонь шире. Стол и два стула у окна. В углу нечто напоминающее встроенный шкаф. И два сундука, запертых на огромные висячие замки. Обыскав себя, Василий ни одного ключа не нашел.

И досадливо скривился: опять придется перед помощниками выглядеть странным, потерявшим память идиотом. Долго ли парни будут все несуразности в поведении рыцаря списывать на его травмы и болезнь? Не доложат ли местной инквизиции о замеченных изменениях в поведении, характере и прочем? Вокруг вроде натуральное язычество, полная терпимость к иной вере, но мало ли как те же волхвы к Шестоперу отнесутся. Самая элементарная проверка, несколько вопросов о его прошлом, и даже барану станет понятно, что Грин — это совсем и не Грин. А все неувязки на потерю памяти не спишешь.

Пока раздевался и размышлял — вновь поплохело. Но пить снадобье из флакона не стал. Там осталось всего глотка на два, их следовало приберечь либо на крайний случай, либо, если здоровье пойдет на поправку, для тщательных исследований. Когда, как и кто будет лекарство исследовать — не важно, было бы что исследовать.

Так что подарок от Зареславы отправился под подушку, а сам рыцарь, раздевшись до белья, улегся на кровать. Правда, начал пробиваться повышенный аппетит, но тут уж все равно вся надежда лишь на оруженосцев. Как-нибудь не дадут умереть с голоду своему господину-товарищу. Да и вовремя вспомнил о кураге. Две штуки закинул в сумку для смерченя, десяток затолкал все под ту же подушку и приготовился ждать.

С кровати хорошо просматривалась входная дверь, в которую Петри раз за разом вносил очередные мешки, сумки и баулы. К нему на третьей ходке и Ольгерд присоединился, доложив о выполнении приказа:

— Знахарь сейчас придет. Хотя вначале принялся меня дотошно расспрашивать о симптомах твоей болезни. Тогда я сказал, что ты очень зол и очень болен. Он удивился, но стал собираться.

Похоже, штатный лекарь не ходил, а ползал. Потому что явился минут через тридцать. Не поздоровавшись и ничего не спрашивая, взял стул, сел рядом с кроватью и равнодушно устался на больного. Довольно крепкий, массивный, явно отъевшийся на казенных харчах, с круглым лицом, он мог показаться вполне симпатичным, располагающим к себе мужиком, если бы не упомянутое равнодушие во всем его облике.

Минуту Василий лежал спокойно. Вторую — уже изрядно нервничая. На третьей стал впадать в бешенство. На четвертой резко успокоился, подумав: «Совсем забыл, где я! Это же наверняка тоже колдун. И зачем ему меня ощупывать, осматривать и опрашивать, коль он попросту просматривает в моей ауре все полоски жизни, выискивая среди них чернь заболевания! Чудеса...»

На пятой минуте в проеме арки застыл на короткое время Ольгерд. Присмотрелся к немой сценке, удивленно развел руками, а потом сообразил, что не так. И весьма выразительно показал рыцарю, чего ждет равнодушно восседающий знахарь. Наверное, во всех мирах поглаживание большим пальцем подушечек указательного и среднего обозначает одно и то же: «Дай ему денег! Заплати! Сунь ему взятку! Подмажь!..» и так далее.

Райкалин медленно сел на кровати, поманил оруженосца к себе пальцем одной руки, а указательным пальцем второй руки ткнул в грудь жирующего в безнаказанности лекаря и вкрадчиво прошепелявил:

— И сколько я должен заплатить этому уважаемому господину, чтобы он меня осмотрел?

Ольгерд явно струхнул и заволновался. Сам тон и постановка вопроса не ввели его в заблуждение, скорее наоборот. И он скорее пролепетал, чем нормально высказался о

существующих здесь расценках:

— Обычно за вызов дают пятьдесят серебряшек. При визите к знахарю — двадцать или тридцать...

— О-о-о! Как тут все запущено! — Шестопер откинул одеяло и опустил ноги вниз, словно пожелал тщательно рассмотреть шевелящиеся пальцы. — А вот напомни мне, мой доблестный оруженосец, какое наказание мне последует от князя, если я сейчас вот этот жирный мешок дерьма растерзаю собственными руками?

— Ну-у-у... — с просыпающимся пониманием протянул блондин. — Если был урон рыцарской чести, то всего лишь виру придется в казну заплатить, в размере одного золотого.

Грин поднял голову, уставившись на начавшего хмуриться знахаря:

— И?.. Что мы имеем в результате?..

Так как тип продолжал молчать, несмотря на складки, прорезавшие его лоб, терпение у Василия иссякло. Он и раньше подобных тварей, взяточников и крохоборов, ненавидел всеми фибрами своей души. А тут все накипело, наслоилось, совпало с болезнью и с жутким настроением. Так что удар пяткой прямо в лоб сидящего был сделан мастерски. Тело лекаря отлетело назад, ударилось о стенку и по закону всемирного тяготения обязано было упасть на пол. Но не успело! Потому что озверевший «больной» уже так пинал упитанное тело пришедшего по вызову спасателя, что то по большей части болталось в воздухе.

Здорово получалось. Наверное, любой футболист-виртуоз искренне мог позавидовать такому умению поддерживать громадное существо в воздухе. С мячом такое трудно сделать, а тут... Мало того, избиваемое тело умудрялось как-то жутко, по-бабьи визжать почти непрерывно.

Скорей всего Василий убил бы местного функционера от медицины. Спасли того оруженосцы. Сам Ольгерд не посмел бы отталкивать рыцаря от жертвы, но подоспевший Петри рывкнул на товарища, они вдвоем навалились на Шестопера и с огромным трудом завалили на кровать. Но если до этого он бил врача молча, то, лишенный этой возможности, тоже перешел на рев:

— Тварь! С меня, рыцаря, требовать деньги?! Урою! На кишках твоих же повешу! Ублюдок мерзостный! Смерть! Только смерть тебя вылечит! На перерождение, урод! Может, повторно станешь нормальным и честным человеком! Подлый кусок черного дерьма!

Он и дальше продолжал кричать и рваться, пока не понял, что комната забита людьми, его крепко прижимают к кровати сразу несколько рыцарей, а к его сознанию пытается прорваться баннерет Молнар:

— ...сколько можно?! Успокойся наконец, Грин!!! Все! Все уже кончилось! Хорош орать! Хватит!.. Уф... — Он сам перешел на нормальный тон, ошеломленно покачивая головой: — Ну ты и вытворил...

Василий внимательно осмотрел столпившихся вокруг его кровати и охрипшим, чуть сорванным голосом поинтересовался:

— А вам всем чего надо? Никому не мешаю, убиваю ублюдка, осмелившегося вымогать у рыцаря деньги за лечение... Или вы мне прибежали помочь?.. Хм! Тогда странно, почему сами его до сих пор не зашибли?

Помявшись, Айзек ответил:

— Ну-у-у... это как бы некие частности, основанные на чисто добровольных пожертвованиях...

Илтон Нинбург, придерживающий «больного» за плечи, резко отпустил его и отодвинулся, проворчав:

— Частиности? Ха! Да пусть тогда Грин в самом деле добьет этого шакала! Имеет полное право! И знахарь он никудышный, и охамел, как последняя сволочь.

— Но что скажет князь на такое самоуправство? Да и сам Гонта за своего ученика обязательно заступится... И кто нас будет лечить?

— А что, нет в граде иного знахаря? — подал голос рыцарь Вишня, отпустив руку Грина. — Да любой иной будет счастлив получать жалованье гарнизонного лекаря и жить на всем готовом. А эта падаль зажравшаяся еще и подношения себе требует.

Из-под стены раздался слабый стон только что упомянутой падали, и кто-то нервно хохотнул. Похоже, симпатии или сочувствия избитый тип ни у кого не вызывал, потому что и все остальные ехидно заулыбались, предвкушая дальнейшие споры и разбирательства. Нарыв давно уже беспокоил всех, а вот вскрыть его, да с таким вот скандалом, никто не решался.

Об этом и подумал баннерет, оглашая свое мнение о произошедшем:

— Другого знахаря, конечно, отыщут, и несомненно порядочного, но вот скандал получится громкий. Но с другой стороны... другим неповадно будет плохо лечить, да еще и подношения за это требовать.

— Это кто тут требует подношения?! — раздался от двери зычный бас, и все непроизвольно вздрогнули.

Когда рыцари расступились, взгляду Василия открылся согбенный мужичонка среднего роста, с незапоминающимся чертами лица. Можно сказать, старик, но седина почти не просматривалась в его коротких курчавых волосах. А вот массивный, высотой за два метра посох у него в руках впечатлял не меньше, чем оперный бас мужичонки.

Да и обращение к нему развеяло все сомнения в крутости вновь прибывшего на шум персонажа.

— Речь идет о нашем штатном лекаре, уважаемый Гонта! — стал объяснять угрюмо насупившийся Молнар. — Он осмелился потребовать с рыцаря деньги, даже не приступив еще к лечению. Это сразу два тяжких проступка, тянущих на наказание смертным боем.

— Деньги, говоришь? — пробасил светлый волхв, приближаясь короткими шажками к кровати. — И есть этому свидетели?

— Достаточно отыщется. Да и рыцарского слова вполне хватит.

— Что, прямо вот так взял, пришел сюда и потребовал деньги? — откровенно юродствовал местный чудотворец, косясь на лежащего под стеной ученика и ставленника.

Из чего Райкалину стало понятно: волхв такая же сволочь, как и его ученик. И скорей всего приложит все свои силы, умения и авторитет, чтобы замять скандал. А то и наоборот, обратить

его острие на молодого Шестопера.

Поэтому решил идти дальше напрапалую:

— Если гнида приходит к больному, садится рядом на стул и равнодушно пялится на страждущего долгое время — это уже преступление. И я готов дать слово, что недоразумение, называемое знахарем, своим поведением вымогало у меня взятку. Мало того, я своими ушами слышал, что за посредничество в вызове светлого волхва он берет с больного шесть золотых. Один золотой этот ублюдок оставлял себе, а пять, по его объяснениям, отдавал все тому же вышестоящему начальству.

Старикашка — его возраст по причине многочисленных морщин стал понятен Василию при близком рассмотрении — сделал еще шаг и замер возле кровати.

— А ты кто такой смелый и наглый? — Еще и на посох свой оперся двумя руками, но так, словно собирался пустить тяжеленный кусок древесины в ход.

Встречный вопрос был задан тем же тоном:

— А ты кто такой, что посмел войти к рыцарю в комнату без его разрешения и не представившись?

Волхв перестал дышать. Остальные замерли. Даже стоны и бульканье под стеной стихли. Повисла тишина, которая бывает только перед грозой или страшной бурей. С минуту казалось, что сейчас светлый волхв либо испепелит лежащего на кровати человека взглядом, либо начнет убивать его своей несуразной деревянной оглоблей.

Тем удивительнее было услышать извиняющийся тон Гонты:

— Мне казалось, что все меня хорошо знают и уважают... Хм! Но с тобой мы и в самом деле незнакомы...

— Если кажется, надо почаще молиться Велесу или Перуну, — огрызнулся Грин Шестопер. — В их власти подправить зрение и избавить от галлюцинаций. Тогда как в обитель воина, да еще и обладателя рыцарского титула...

— Да знаю я, знаю! — оборвал его капризным тоном старикашка и пожурил: — Все-таки ты еще слишком молод, чтобы мне нотации читать и учить правилам хорошего тона. Тем более что я сюда не казнить тебя прибежал, а от смерти спасать. Этот знахарь мог на тебя и колдовство напустить, а то и вообще в вурдалака превратить. С него стало бы!

— Вздумай он на меня колдовать, я бы ему сразу голову свернул, — пробурчал рыцарь. — И все равно за вымогательство денег это чучело надо казнить.

— Ладно, разберемся с ним...

— Неужели? И с теми разберетесь, кому он львиную часть взяток заносил? — как можно более невинным тоном спросил Василий. И тут же словно спохватился: — Ах да! С этой жалобой я напрямую к князю отправлюсь, как только поправлюсь.

— Конечно, отправляйся! — Тон волхва был полон ехидства и сарказма. — Когда поправишься...

— Но в любом случае, — продолжил Грин, подкладывая себе подушку под спину, пользуясь тем, что его давно никто не держит, — своих функций этот боров, как специалист, не выполнил, а самочувствие у меня очень паршивое, так что давайте решать, кто меня лечить будет. Может, вы сами, уважаемый, свое мастерство покажете?

Все и так стояли почти не дыша. Кое-кто с отвисшей челюстью. Кое-кто с выпученными, как у краба, глазами. Но сейчас вновь напряглись, ожидая ответов от великого, как его называли, светлого волхва. В сознании не укладывалось, как можно доверить свое здоровье только что нажитому врагу? И очередную паузу нарушали только постановывания избитого знахаря.

Оказался в недоумении и Гонта:

— А ты не боишься, что я тоже лечить не умею? Вдруг такое случится, что ты уже через полчаса умрешь? Да и в любом случае, вдруг твои дни сочтены и ты проживешь не более часа? Как я ни старайся, а ты взял и умер! Еще кто-то потом заподозрит, что я виноват...

— Почему кто-то? — возмутился больной. — И почему заподозрит? Все будут уверены, что моя смерть ваших рук дело. Даже если вы сейчас развернетесь и демонстративно уйдете. И уж какая-нибудь добрая, честная душа за меня отомстит. А отмщенному мученику десятикратно приятней потом идти на последующее перерождение.

Старец хмыкнул и кивнул.

— Хорошо. Рискну! — И обратился к присутствующим: — Все подите прочь. Этого, — он брезгливо глянул на избитого, — тоже унесите! Да сразу в холодную его!

— Помрет ведь, — заметил нейтральным тоном баннерет Молнар.

— Туда ему и дорога, если сам себя не подлечит! — Волхв в последний момент удержался, чтобы от злости не сплюнуть на пол. — Это ж надо, какую я гниду на груди пригрел! — Пока рыцари, подхватив тело, без всякой осторожности протискивались с ним в двери, главный целитель княжества продолжал распинаться, апеллируя к баннерету: — Нет, ты слышал, Айзек?! Этот пес поганый для меня брал пять золотых!.. А?! Ну не наглость при этом мне отдавать только два?! За такое раньше в кипящей смоле варили!

Рыцари замерли в дверях, оглянувшись на старика, который вдруг радостно заржал. Словно он только что здорово всех разыграл и оставил в дураках. Что удивительно и странно, не удержался от смеха и Молнар. Правда, он тут же постарался вновь сделать морду кирпичом и даже рявкнул, чтобы быстрее все выметались из помещения да не мешали доктору спасти пациента. Сам вышел последним, незаметно подмигнув Грину и плотно закрыв за собой дверь.

«К чему бы это?..» — мелькнула мысль.

А старец, развернувшись всем корпусом к Шестоперу, многозначительно и грозно стукнул своим посохом об пол. И по заблестевшим вновь глазам нельзя было предугадать его дальнейшие действия. То ли лечить собрался, то ли добить, чтобы больной больше не мучился.

Глава четырнадцатая

ВЫЯСНЕНИЕ ПОЗИЦИЙ

Волхв бережно поставил свой посох в угол комнаты, поднял с пола стул и уселся на него с кряхтением.

— Устал, — пояснил он. — Весь день на ногах и бегом... Вот ты знаешь, сколько мне лет?

— Знаю, — буркнул Райкалин, которому опять стало плохо, накатила волна слабости. — Уже пятьсот тринадцатый пошел.

Цифру он назвал от фонаря, стараясь обидеть волхва совсем уж древним, несуразным возрастом. Удалось! Невзрачное лицо старика скривилось в гримасе, затем он озадаченно покачал головой и неожиданно хохотнул с неуместным самодовольством.

— Не знаешь! — Показалось, что сейчас он раскроет сей секрет, но он лишь фыркнул: — И не надо тебе знать! И так над стариком издеваешься, на потеху перед всем рыцарством выставил. Что, не мог сразу ко мне прийти?

Василий отчаянно пытался понять, к чему волхв ведет, но тщетно. Ладно бы орал, ругался, угрожал, а тут вдруг такой добренький стал, покладистый, хоть к ране прикладывай. Почему? Усыпляет бдительность! Зачем усыпляет? А чтобы...

Дальше логика хромала на обе ноги. Пришлось цепляться за жизненную конкретику:

— Если вы целитель, то почему не приступаете к лечению? Или почему хотя бы осмотр не проведете? Или у вас с учеником просто разная методика: он просто сидел и пялился на меня, требуя денег, а вы еще при этом зубы заговариваете?

— Да тебе там и заговаривать нечего, — с презрением фыркнул дед. — А будешь неуважительно со старшими разговаривать, я тебе сейчас посохом и остальные зубы выбью. Это во-первых.

— У меня еще силы остались пяткой ударить, — пригрозил рыцарь на всякий случай.

— А во-вторых, осмотр я уже провел и теперь вот думаю, чем тебя лечить. И стоит ли? — Заметив гримасу на лице пациента, волхв охотно пояснил: — Да я не в том смысле, чтобы тебя умертвить своим бездействием. Просто получается, что ты и сам, без моей помощи выкарабкаешься. А если начну лечить, то могу только хуже сделать.

Райкалин чувствовал себя мерзко, если не хуже, чем пять минут назад. Поэтому голословные утверждения, что он сам излечится, его только насторожили. Но сразу возвращаться к угрозам не стал. Начал с наводящих вопросов:

— Как можно выяснить, чем человек болен, не осматривая его и не притрагиваясь к нему?

— Целители моего ранга могут и не такое.

— А тот ваш ученик...

— Забудь о нем! Никчемность и бездарность.

— И что же у меня за болезнь такая? — спросил Василий о самом главном.

Старик тяжело вздохнул, потом все-таки протянул свои сухонькие ладошки, перехватывая руку Грина у запястья. Посидел так с минуту, покивал смешно головой и только потом стал аккуратно облекать свои выводы в слова:

— Понимаешь, в тебе кроется сразу две непонятные загадки, которые мне не зубам. Первая: ты уже умер. Вторая: ты должен был умереть еще раз. Накануне вечером... или ночью... или

утром, еще до обеда...

— Не понял, еще раз — или все-таки три раза? — уточнил Василий. — Раз уж вы меня даже опрашивать не стали о симптомах и событиях последних суток, значит, и без этого все знаете. Так что не тяните и все рассказывайте по порядку!

Старик резко оживился:

— Ага! Значит, ты не отрицаешь свою первую смерть сравнительно недавно?

— Э-э! Так нечестно! Все мы когда-то умирали, и не раз, и не десять, а потом шли на перерождение, оказываясь душой в ином теле. Так что не надо меня пичкать теориями о великом бессмертии каждого из нас. Разговор идет о моей нынешней болезни, и больше ни о чем!

Выпалив это, Райкалин спохватился и пообещал себе впредь следить за каждым своим словом. Возможно, прозвучала лишь общая доктрина местной теологии, что все когда-то уже умирали, но уж слишком мистическим и неслучайным показалось совпадение. И если у волхва появились подозрения об истинном переселении души из иного мира в этот, тот постарается это выяснить.

А если не станет выяснять?..

Не стал, заговорил о болезни. Точнее, о состоянии пациента.

— Вчера вечером твою жизненную энергию кто-то выпил без остатка. Всю! До капельки! — Волхв сделал паузу, играя в гляделки с окаменевшим рыцарем. Потом продолжил несколько пафосным, торжественным тоном: — Ты каким-то чудом дожил до утра. И даже проснулся... Не скрою, такие чудеса случались в обозримой истории. Но! Ты должен был умереть при попытке встать на ноги. А что случилось на самом деле?.. Не отвечай, это я так, рассуждаю вслух... Ты отправился в путь, игнорируя состояние своего организма, а может, и вопреки ему. Такого я не припомню... Только и мне не все секреты мира известны. Но уж в пути ты просто обязан был скончаться от остановки сердца, кровоизлияния в мозг, разлития желчи или иной какой страшной напасти...

Гонта пожал плечами и развел руками в полном недоумении. И так несколько раз, словно спрашивая: «Как ты выжил?! Как спасся?!»

И Райкалин не выдержал:

— Как, как... Пил лекарство!

Волхв тотчас почти навис над ним своим тщедушным тельцем.

— Какое лекарство?!

— Мм... могу рассказать о его вкусе, — пообещал пациент. — Но только после того, как услышу объяснения: кто выпил мою жизненную энергию, как, почему, чем это мне грозит в будущем и как избежать подобного.

Гонта ехидно ухмыльнулся, отбросил руку больного и откинулся на спинку стула.

— Может, тебе еще рассказать, где спрятаны сокровища князя Балоша?!

— В первую очередь! — выпалил Василий. И охотно пояснил: — А то надоела бедность, сил просто нет.

— Вона как... — задумался великий светлый волхв. — Жадность тебя одолевает?

— Почему бы и нет? Как говорится, идеи нам близки — жадным лучшие куски! Вы вон тоже, на ровном месте с бедных рыцарей по шесть золотых драли, наживаясь на их ранениях и болячках. Так почему бы и мне не помечтать о богатстве?

— Да ладно, укажу место, — загрустил притворно дед. — Самое что ни на есть точное хочешь? Тракт, ведущий от Вищина к столице, знаешь? — Получив кивок, не скрывая ехидства, сообщил: — Вот там и ищи!

— Спасибо! Разбогатею, обязательно отблагодарю за оригинальную подсказку. Ну а теперь попрошу подробности обо мне.

— Ладно, за описание лекарства все расскажу, — согласился Гонта. — Слушай...

Довольно подробно, как талантливый профессор перед студентами, он поведал, что к чему. Жизненную энергию могли выпить только представители особых категорий колдунов, которые не столько стояли выше по своей силе, чем волхвы, власнечи или ведьмы широкого профиля, сколько имели очень узкую специализацию. К этим представителям относились черные арапы — власнечи из Африки, называемые фарти. Очень редкие друиды из бриттов, называемые ярые. А также ведьмы исключительно женского пола, которых в славянском мире и в империи бриттов называют вампирами.

Удивившийся Василий не постеснялся прервать лекцию, заметив, что, по его мнению, вампиры — это человекоподобные существа, пьющие кровь у своих жертв. На что получил презрительное:

— Фу! Где ты только нахватался таких глупостей? Такое лишь в сказках можно услышать, и то там говорится о нетопырях.

Иначе говоря, в данном мире название подобное имелось, от сути далеко не отходило, а вот в том, что касалось поглощаемой материи, разница была огромная. Правда, не для самой жертвы. Той после прямого контакта с фарти, с ярым или с вампиром так или иначе наступал каюк.

Поглощение жизненной энергии происходило посредством двойного прикосновения. Вначале жертва должна была добровольно коснуться вампира, потом и сам вампир касался открытого участка тела жертвы. При этом он получал мощный импульс невероятной силы, который ему давал возможности двое, а то и трое суток действовать в экстремальном режиме. Без сна, без пищи и даже без воды. Еще и мускульная сила при этом возрастала вдвое, а может быть, и втрое — точных данных не было.

На вопрос «как?» ответ был прост:

— Если это не было сделано во сне, под полным гипнозом, то ты и сам знаешь, как все случилось. Почему? Тоже сам ищи ответ. Скорей всего месть, попытка устранения, борьба за наследство, ревность, несчастная любовь... и так далее. Думай. А что касается твоего будущего...

О подобных случаях волхв не знал и даже не слышал. Поэтому он очень настойчиво стал

упрашивать рыцаря на какое-то время стать объектом постоянных исследований и ежедневного осмотра. Тогда и появится четкая рекомендация: как избежать подобного в дальнейшем. Судя по предварительным выводам, рыцарю повезло оказаться на пересечении воздействия неких иных колдовских сил. Подобное стечение обстоятельств бывало крайне редко, а те, кто за ними наблюдал и исследовал, не спешили поделиться раскрытыми тайнами.

Иначе говоря, с научной точки зрения Шестопер оказался бесценным объектом для исследований. И Гонта сулил любые мыслимые и немыслимые блага, чтобы чудом избежавший смерти оказался под его бдительным присмотром хотя бы парочку ближайших недель. Он обещал выбить освобождение как от рейдов по лесам, кишаших татями и дезертирами, так и от дежурств в самой крепости и от сопровождения знати в столицу и обратно (свободных рыцарей частенько отряжали для подобного эскорта).

Предложение волхва заинтересовало Василия. Было бы очень здорово посидеть в одном месте, выучить местную грамоту и счет, освоиться в истории и географии, да и с личной физической подготовкой толком разобраться. А проводя все дни в седле, о подобном самообразовании или совершенствовании и мечтать не стоило.

Можно было соглашаться сразу. Но не глупо ли это, поддаться на уговоры, ничего не выторговав для себя взамен? Опыт прожитых лет, хозяйственная жилка, недавние лишения и громадный всеядный хомяк в сознании не позволили брякнуть банальное «Да!» или «Да ладно, мне не жалко!». Это если игнорировать вопли на всю Ивановскую вышеупомянутого хомяка: «Золота! Много золота проси!»

Увы, не все измеряется в денежном эквиваленте. И недаром прозвучал вопрос о жадности. Поэтому Райкалин начал издали:

— Весь мой отряд рыцарей под командованием баннерета Варширока погиб. Мечь, конечно, состоялась, но боюсь, что новые товарищи по отряду не поймут моего желания остаться в городе.

— Меньшее из зол! Утрясем этот вопрос — комар носа не подточит! — забубнил старик. Хотя ни словом не напомнил, что рыцарь и так имеет право взять отпуск без оплаты на любой срок и ехать куда глаза глядят. — И болезнь мы твою честь по чести зафиксируем, и князь нужные приказы отдаст, чтобы жалованье твое не упало. Есть что-то еще?

— Хм! Да я вроде ничего еще и не просил... — наивно похлопал глазами Василий. — Да и следующий неприятный для меня момент в ваших силах устранить играючи. Касается он... — Посмотрел в потолок, словно там читая невидимый список и выбирая из него. — Отсутствия зубов у меня. Видите, что со мной сотворили?

И доверчиво раскрыл рот. Старик сразу все понял, но продолжил прикидываться идиотом:

— Вижу, вижу! Беда-то какая! И?.. Что еще? — Он явно не собирался делать высшего качества работу со скидкой, а тем более бесплатно.

Но он ведь наверняка еще не знал, что у рыцаря появились запасные лошади, куча трофеев и разные мелочи на продажу. А сам рыцарь не торопился в этом признаваться. Особенно в том, что готов хоть Грома отдать, лишь бы зубы выросли уже к утру. И дня мытарств не прошло, как надоело глотать кашку и хлебать супчик.

Поэтому он перешел на трагичный шепот:

— С деньгами у меня полный крах. Поэтому отправлюсь вначале в столицу на недельку, там заработаю на зубы, выращу их и сразу же вернусь под вашу целительскую опеку.

— Да чего в столицу-то?! — с досадой вырвалось у старика.

— Так там ведь в три раза дешевле.

— Ложь! Всего вдвое, и качество хуже.

— Ничего, — мечтательно прошепелявил Грин. — Я найду самого лучшего целителя.

Местный кудесник не выдержал и начал торг:

— Для тебя сделаю за полцены! При этом любой подтвердит: лучше меня и в столице тебе никто не поможет.

— Да? Вы тоже умеете? — с недоверием протянул рыцарь. Тогда почему даром, по дружбе не сделаете? Неужто секрет моего лекарства того не стоит?

Старик ощерился как хищник, показывая довольно белые, идеальной красоты зубы. Показалось, что сейчас перейдет на ругань, но он силой воли выдавил из себя согласие:

— Хорошо. Выращу я тебе зубы.

— Сейчас!

— Мм... Никак не получится, мне нужны мои колдовские ингредиенты и специальные порошки. Только часа через два успею все подготовить.

— Ну вот, — обрадовался Шестопер, — можете ведь, когда дружбу ставите во главу угла! Хе-хе! Э-э-э... а теперь, собственно, мои конкретные условия за согласие стать вашей подопытной мышкой.

Гонта демонстративно оглянулся на свой посох, протянул руку, и массивная деревяшка словно сама прыгнула в ладонь. Больше не говоря ни слова, волхв сердито уставился на пациента, всем своим видом пытаясь внушить страх. Однако Райкалин ничуть не испугался, потому что успел почувствовать, что все его условия будут приняты. Тем более он ничего необычного просить не собирался.

— Первое: мне нужен беспрепятственный допуск в княжескую библиотеку. Хочу улучшить собственное образование и освежить старые знания.

— Зачем тебе? — прозвучал недоуменный вопрос. — Ты же рыцарь!

— Пока — рыцарь. Зато к старости хочу стать маршалом. А что мне в этом поможет, как не знания и умение ими пользоваться?

— Хм! Интересные у тебя планы... А ведь ты даже не барон.

— Баронство дело наживное. Будут деньги, можно будет и графство купить.

Старик не выдержал и громко, издевательски рассмеялся. После чего с придыханием, словно после бега, поинтересовался:

— Где же ты столько денег возьмешь?

— Да вы же сами мне подсказку дали, где сокровища князя Балоша Скорого искать! — обиделся Грин. — Но из-за насмешки над рыцарем теперь уже не получите щедрое вознаграждение.

— Каюсь, — притворно опечалился волхв. — И отныне буду каждый день умываться горькими слезами по упущенным богатствам... Но! Ушло так ушло, пропало так пропало.

— Мне нравятся ваши твердые жизненные принципы: выполнять обещанное. В этом вы близки по духу к нашему рыцарству!

— Да что ты говоришь! О, как лестно...

— Поэтому сразу оглашу свое «во-вторых». Касается оно редких знаний о власнечах, ведьмах, домовых и прочих чудесах нашего мира, о которых толком и в книгах ничего нет. По мере изучения некоторых книг я буду формулировать вопросы, а вы потом в личной беседе поделитесь со мной своими знаниями.

Заметив, что собеседник задумался в сомнении, рыцарь поспешил его успокоить:

— Нет-нет! Ничего тайного, что недоступно иным вашим коллегам, я и знать не хочу. Мои знания будут касаться только того, что в любом случае можно вычитать в книгах. Просто у меня на это уйдут дни и недели, а вам будет достаточно сказать всего несколько фраз.

Минут пять волхв сидел в какой-то прострации, глядя куда-то сквозь пациента. Вспомнив, что он так проводит диагностику, и поняв, что сейчас идет проверка неких предварительных выводов, Василий стал двигаться, махать руками, тем самым, так сказать, сбивая прицел сканирующего рентгена. Получилось, как ни странно. Глаза старика вначале стали косить, а потом он с досадой запричитал:

— Ну и чего ты дергаешься?! Шило у тебя в одном месте или что? Все равно ведь я уже убедился, что ты не так давно был трупом. Следы этого еще несколько дней на тебе останутся. Так что не спорь со мной и ничего не скрывай. Ответь только на один вопрос: ты временно умер и оказался в белом, как молоко, тумане? А потом был выбит оттуда жуткой болью и вновь оказался в своем теле?..

Райкалину очень хотелось сказать «Да!». Потому что здешние колдуны явно знали о состоянии, называемом клинической смертью, и даже доподлинно установили, что в это время случается с душой человека. Ответь он старику положительно, и тот больше ни о чем допытываться не станет. Никогда.

А с другой стороны, ведь что-то еще этому старому пеньку известно! Нечто жутко таинственное и интригующее, от чего произвольные мурашки пробежали по спине и всему телу. Ну и предчувствие возопило: «Вопрос непростой! Может оказаться ловушкой!» В самом деле, этот Гонга знает цвет тумана. А может, не боль отправляет душу обратно в тело, а громкая сирена? Или неземное блаженство?

Поэтому врать не стоит. Василий не придумал ничего лучше, чем скривиться и ответить вопросом на вопрос:

— Или?..

Лицо великого светлого волхва расплылось в счастливой улыбке. И у него скорей вырвалось, чем прозвучало осознанно:

— Я так и знал!.. Просто никогда раньше такого не видел, и не с чем было сравнить.

— Что именно не видел? — сразу напрягся Райкалин, уже жалея о своем «или?..».

— Ты все равно не поймешь! — заявил взявший себя в руки старик. Но на волне своей радости не удержался от хвастовства: — В твоей ауре оставались сплетенные кольца салатного цвета. Словно звенья кольчуги. По имеющимся у меня описаниям, они всегда висают на теле, если в него вселится иная душа.

Он не добавил «из иного мира», что Василию показалось очень важным. Иначе говоря, имелось несколько вариантов переселения. Как из этого мира, так и из другого. Возможен был и такой вариант: мир этот же, а время — иное.

Замолкший Гонта уже наверняка мысленно прикидывал открывающиеся перед ним возможности. Если в теле рыцаря душа из данного мира — ничего особенного от сотрудничества с нею не добьешься. Так, маленькие секреты большой деревни. В лучшем случае — тайны Рима, православных греков из Константинополя или коварные секреты великих ханов Монголии.

Этот же мир — но в прошлом: самый худший вариант.

Из будущего — огромные перспективы.

Совсем иной мир — совсем иные перспективы. Но тоже радужные и многообещающие.

И лежащий в кровати Шестопер лишь сейчас осознал: главная торговля только начинается. И самым важным результатом этой торговли может стать его жизнь.

Глава пятнадцатая

УДИВИТЕЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Со своим первым вопросом светлый волхв выложил неубиваемый при начавшемся торге козырь:

— Что ты готов мне отдать за возможность короткого возвращения на место своей последней смерти?

Только через минуту Василий осознал, что позорно опростоволосился, потерял над собой контроль. По его лицу было понятно и без слов: «Все! Все готов отдать!»

Оставалось лишь как можно быстрее выкрикнуть эти слова и подсунуть собеседнику пустышку — лекарство. Ну разве что выиграть хоть чуточку времени на раздумья, переспрашивая, как делают люди, не верящие своему счастью.

— Неужели такое возможно?! — выдохнул он с округлившимися глазами.

— Да. Но ты не ответил на мой вопрос!

— Да все что угодно готов отдать! — Отвечая, Василий использовал наработки, помогающие обмануть хваленые детекторы лжи. Успел перефразировать вопрос старика на «Что ты готов

отдать за свою жизнь?». Понятно, что разумный человек будет готов на любые условия, не идущие вразрез с его личными жизненными принципами.

О нарушении таких принципов вопрос не стоял, так что получилось весьма искренне. Что, учитывая особые таланты великого волхва, должно оказаться краеугольным в начавшемся торге. Кого попало великим не назовут, и сейчас он явно не раскрывал перед рыцарем все свои карты и тем более свои паранормальные способности.

В прозвучавшие заверения он тоже поверил. Вроде бы...

— А конкретнее? — последовало строгое требование озвучить свою цену.

— Ладно! — выдохнул Василий, словно собрался прыгать в прорубь. — Готов отдать самое ценное! То есть не описание лекарства, а... — Сделал интригующую паузу и выпалил: — А само лекарство!

Оно ему и в самом деле вряд ли понадобится, если прозвучало утверждение, что организм пошел на поправку и сам выкарабкается. Да и разве спасут по большому счету всего два глотка?

Только вот ушлый колдун не стал скрывать недовольства:

— Только лекарство? И больше ничего?

— Разве этого мало?! — поразился Шестопер. И с кристальной искренностью добавил: — Но у меня ничего больше нет!

— Ты, наверное, плохо представляешь, о чем идет речь, — пустился в уговоры волхв. — Средство, которое называется «Мечь», стоит баснословных денег. Не меньше чем... — Он тоже умел делать драматические паузы. — Пятьсот золотых!

— Дорого! — сочувственно покивал головой пациент. — Но если уж все мерить деньгами, то за ложку моего лекарства дадут не меньше. А в столице, просто уверен, еще и сверху приплатят.

Старец задышал неровно, сжимая свой посох и не желая признавать патовую ситуацию. И сорвался на перепалку:

— Ты мне и так обещал отдать рецепт лекарства! По дружбе!

— Не-а! Не рецепт, а описание. Потому что рецепта я и сам не знаю.

— Обманщик!

— Ни слова не соврал, честное рыцарское!

— Аферист и вымогатель!

— Побойтесь Велеса, уважаемый! Вы ведь тоже не спешите со мной откровенничать и раскрывать все свои секреты. Например, ни слова не сказали о некоторых противопоказаниях во время применения средства «Мечь». А?

Райкалин просто ткнул пальцем в небо, пытаясь чем-то смутить оппонента, и, что самое удивительное, попал! Хоть капельку, но Гонта смутился и начал оправдываться:

— Мне просто некогда было рассказывать. Но я бы это сделал обязательно... пусть и чуть позже. Потому что мои силы, знания и авторитет позволяют быть честным до конца.

— Лестно свести знакомство с таким кристально честным человеком, — без всякой иронии заявил Шестофер. — Но я очень хочу услышать о противопоказаниях.

— Слово-то какое подобрал, — шевельнул бровями старик. — Противопоказания... Надо будет самому его пустить в обиход. А запретов для применения ни для кого нет. Могут хоть дети с десятилетнего возраста использовать. Все зависит от силы воли, от внутреннего стержня человека и его настойчивости. Если тютя и размазня, индивидуум никогда не возвращается в свое тело, погибает где-то там, вместе со своим временно созданным телесным фантомом. А конкретно...

Вроде ничего не утаил, все рассказал. Баснословно дорогое средство выглядит как литр густого киселя, в изначальном создании которого принимали участие бритты. Точнее говоря, их великие древние друиды. Именно они и назвали человека, ненадолго возвращающегося к месту своей смерти, хоппером. Слово «хоппер» в переводе означало «человек, прыгающий в свое прошлое и сам совершающий правосудие».

Так что пожелавшему стать хоппером следовало упомянутый литр киселя выпить-съесть на ночь и ложиться сразу же спать. Примерно в течение часа после погружения в сон человек вдруг оказывается в момент своей последней смерти недалеко от своего умирающего-погибающего-убиваемого тела. Причем оказывается вначале в виде бестелесного фантома над точкой смерти, а потом в течение минуты должен выбрать точку возникновения своего уже полноценного, из натуральной плоти, но тоже фантома. Потому что телесный прообраз будет существовать ровно пять часов. Не больше и не меньше.

Радиус перемещения-переноса фантома из плоти — примерно пятьдесят метров. И состояние — одежда, броня, оружие, прочие аксессуары — строго идентичное тому, что имеется на теле умирающего. А сила, умения, знания, паранормальные возможности — все остается в полной боевой готовности.

Узнав о состоянии, Василий несколько опечалился: «Меня выбросили из окна голого! Значит, я таким же вернусь? Тьфу ты, напасть какая! — Но, обдумав параметры радиуса перемещения, сразу воспрянул духом. — Да в пределах досягаемости пятидесяти метров можно такие бонусы отхватить, что я затем пол-Брянска в руины превращу! Форев! Банзай! Да я за такое средство деду атомную бомбу сбациаю! Стоп! Размечтался... и забылся! Если проболтаюсь о своих возможностях — могут здесь и в клетку на цепь посадить. Будут регулярно кормить киселем „Мечь“ и доить, словно корову, выцеживая ценные сведения. Вечно доить! Поэтому рот на замок! Ничего, кроме лекарства, у меня нет! А легенду своей смерти...»

Старик как раз поинтересовался:

— Как тебя там убили?

— Подло, в спину, — печально вздохнул Райкалин. — Одна тварь топором ударила... И было бы за что! Всего за полтора золотых...

Собеседник сочувственно покивал, почмокал губами и выдал банальную сентенцию:

— Никогда не знаешь, когда отправишься на перерождение... — После чего вновь преобразился в ушлого, даже заметно сердитого колдуна. — Только вот в твоём рассказе наличествует грубое расхождение, которое дает понять, что ты мне лжешь!

— Вы о чем? — фыркнул Грин с возмущением, хотя уже примерно догадывался.

— Если ты не знаешь рецепта, то где ты взял лекарство?

— Да это проще всего! — беззаботно махнул рукой рыцарь, стараясь в несколько предложений вместить и свою новую, наспех придуманную легенду: — Я четко знал два места, где в наше время один волхв упрятал это самое лекарство. Поэтому сразу, в первые часы своего появления здесь, проверил их. Благо, что умер я там же, где и повторно ожил, только лет триста назад. Один тайник оказался пустым, а во втором флакон был в целости и сохранности. И когда я сегодня утром почувствовал жуткое недомогание, то стал пить лекарство по глотку в час.

По кислой физиономии Гонты стало понятно, что он поверил. Пусть в общем, не вникая в частности и детали, но поверил. И теперь мысленно хоронил свои мечты о дойной корове, от которой можно получать всякие устройства и приспособления будущего или готовые тайны иного колдовского могущества.

Наконец он вышел из задумчивости и протянул руку.

— Ладно, договорились! Давай лекарство.

— Вначале — зубы и «Мечь».

— Не дури. Мое слово кремень.

— Рыцарское слово — крепче стали. А вот камень крошится...

— А сталь — плавится или ломается, — упорствовал старик.

— Но мы в неравных условиях, — не стал скрывать опасения рыцарь. — У меня есть только лекарство. У вас — все. Даже после потери ингредиентов да порошков по выращиванию зубов или после использования баснословного по цене киселя вы все равно останетесь со знаниями, авторитетом и умениями, что позволит вам сделать новые ингредиенты. Тогда как я при потере флакона лишуюсь всего. В том числе новых зубов и возможности отомстить своему убийце.

— Но разве мое слово...

— Я в него верю! — не совсем вежливо перебил Василий. — Но представим такой трагический момент. Вы сейчас выходите из казармы, и на вас совершают покушение ваши враги. Вас убивают, допустим, молнией, лекарство сгорает. Что мне тогда остается делать в этом чужом, враждебном для меня мире?

— Врагов у меня нет, — ухмыльнулся старик. — Но гипотетически... допускаю, ты можешь оказаться прав. Поэтому я согласен на твои условия. Тем более что флакон я уже увидел, количество лекарства в нем замерил...

Рыцарь запоздало перехватил взгляд волхва: бутылочка лежала у него под боком. Видимо, когда поправлял подушку, устраивая ее под спину, подарок Зареславы и выкатился на открытое место. Покрутив его в руке, переложил с другой стороны тела.

— Тогда тем более...

— Только не вздумай выпить! — последовала угроза. — Держись! Часа через полтора я вернусь

и принесу тебе нечто бодрящее из своих запасов.

— А сразу нельзя? — Райкалин почувствовал очередной приступ недомогания. — Допустим, через оруженосца моего передать, а?

Волхв присмотрелся к состоянию больного, задействовав свои колдовские сканеры и рентгены, и сжалился:

— Ладно, передам. Ну и пусть тебя за это время подкормят хорошенько. Сутки придется голодать, даже пить не сможешь... И не кривись! Зубы вырастить — это не выбить их с одного удара! — И, вставая, опираясь на свой посох, разрешил: — Зови своих головорезов...

Парни наверняка подслушивали под дверью и, как только рыцарь крикнул, осторожно заглянули в комнату.

— Петри, — распорядился Шестопер, — сопроводишь уважаемого Гонту, получишь лекарство для меня.

Тот поклонился, потом еще раз, пропуская старца, да и пристроился ему в кильватер.

— А ты, Ольгерд, мне поесть принеси. Много! Сам знаешь чего и какой консистенции.

Только парень уходить не спешил, а стал докладывать, оглядываясь на закрытую дверь:

— Тут недавно эти русские девицы приходили. Две в броне и одна в шляпке. Но узнали, что здесь великий светлый волхв, сразу ретировались, сказали, придут позже. Потом Коннеш Найт приходил, злой как собака бешеная. Но тоже сразу сник, узнав, с кем ты тут беседуешь. Постоял минуту, повздыхал, да так и ушел, ничего не сказав.

— Хорошо, спасибо. Беги за съестным.

Оруженосец убежал, а Райкалин вспомнил о проживающем в сумке лягушонке-домовом. Погладил его, отдал капельку крови и на всякий случай накидал в сумку штук десять кураги. Пусть создание не ущемляет себя в пище, если она ему понравится.

Ну и попутно, продолжая возиться со смерченем, окунулся в размышления. Причем, что самому показалось странным, думал не о мести, которая, возможно, вскоре свершится в его прежнем мире, а о Зареславе: «Так вот она какая, вампир жизненных сил! Кто бы мог представить подобное? А чего представлять, сам виноват! Граф Левадский честно предупреждал, что нельзя с этой ведьмой связываться. Все, кто ее касается, умирают. Получается, что я выжил чудом... Да и вины именно Зареславы в моем состоянии нет. Наверное... Она же не специально меня коснулась?..»

Если верить объяснениям волхва (а не верить не было причины), прежде чем умереть, жертва была обязана добровольно коснуться вампира. После чего тот уже своим встречным касанием выпивал жизненную силу досуха. И как получилось в действительности?

Он сам, как идиот, схватил девичью ладошку и стал прижиматься к ней щекой. А одуроченная письмом, вся в эмоциях, юная красавица совершенно бесконтрольно ответила встречным касанием.

Вот тогда все и случилось. Рыцарь упал чуть ли не бездыханным. И что оставалось делать ведьме, понявшей, что она нечаянно учудила? Кричать и звать на помощь? Глупо и бесполезно!

Рыдать над умирающим и рвать на себе волосы? Совсем никакого резона! Слезами в таком случае уже никому не поможешь. Поэтому ведьма срочно позвала своих служанок... А может, и не звала служанок? Скорей всего ей личной, удвоившейся силы хватило для водружения бессознательного рыцаря на кровать. После чего она в раскаянии покинула комнату.

Или не в раскаянии? Лекарство-то сразу не принесла! Хотя... если человек без сознания и при смерти, то ему никакое лекарство не поможет. А вот утром, заметив, что мужчина слаб и всеми силами борется с недомоганием, Зареслава пошла на крайность, выкрыв из своего приданого бесценное лекарство и сумев передать его через свою наперсницу. Или через подругу. А может, через родственницу? Не важно! Главное, что передала — и все-таки спасла нечаянно пострадавшего.

«Вот же меня угораздило влипнуть в историю! — поразился Василий. — И как теперь себя дальше с ней вести? Вдруг придет вскоре?.. А у меня тут такой бардак! Да и я в каком виде!»

Как ни наказала его жизнь, как ни вопил здравый рассудок об осторожности, все равно мужское начало требовало продолжения интрижки. Даже находило для этого доводы: «Сразу-то не умер? Значит, впоследствии вообще можно некий иммунитет против ее касаний выработать. Или еще что-нибудь придумать. Да и у самого вампира должен быть некий предохранительный клапан. Не может ведь она умерщвлять каждого, кого коснулась в ответном жесте!»

Вроде логично. Но все равно страшно.

Но некий порядок, по крайней мере на своей половине, навел. Осталось только самому чуток прихорошиться. Василий полез в шкаф. Тот оказался практически пуст, если не считать висящего в нем парадного камзола. Он явно достался по наследству, и его носило не одно поколение рыцарей. Слишком много заштопанных мест и ничем не прикрытых потертостей на сгибах.

Хорошо, что вернулся запыхавшийся Петри, удивившийся с порога:

— А камзол тебе зачем?

— Дамы обещали зайти. А я в таком виде...

— Так надень халат. Он вполне достойный для подобной ситуации.

Если бы Шестопер еще знал, где упомянутый халат находится! Так что пришлось выкручиваться:

— Даже не знаю... Он ведь наверняка мятый...

— Скажешь тоже! Он же шелковый, из Китая! — Возмущенный оруженосец бросился к сундуку, вынул из зазора между ним и стеной ключ, открыл замок и откинул крышку. — Ну вот! Гляди, чего ему не хватает?

Василий мысленно хмыкнул, укоряя себя, что не догадался поискать ключ в таком легком месте. А вслух он оправдался надуманными мечтами:

— Хотелось чего еще получше...

— Ну, знаешь ли! Не с твоим достатком о роскоши думать! — укорил Петри товарища-

господина, заодно помогая ему облачиться в халат. — Ты вон нам жалованье за два месяца задолжал...

«О-о! Вот это рыцарь! — напустился Василий на доставшееся ему тело. — Позор! Не платить жалованье оруженосцам?! Да еще и забирать у них последние деньги, чтобы проиграть в кости?! В самом деле, редкостный мерзавец был этот... М-да... Нехорошо так себя ругать...»

А ведь спросить, какова сумма долга, тоже некрасиво и неудобно. Чего доброго, ребята подумают, что специально забыл и отдавать не собирался. Следовало сделать это хитро, узнав окольными путями, а вначале отвлечь иным вопросом:

— Лекарства принес?

— Да. Вот мешочек с порошком. Как только станет плохо, берешь прямо из мешочка ложку — и в рот. Потом запивать большим количеством воды! — передал Петри рекомендации и тут же не удержался от восторженных воспоминаний: — А внутри башня волхва — чудеса сплошные! Чего там только нет! Даже костяк убиенного дракона! А еще...

— Потом расскажешь, — прервал его Грин, устремляясь к кувшину с водой и собираясь опробовать принесенное снадобье.

Словно по заказу и Ольгерд явился в апартаменты с большой и глубокой корзиной, полной снеди.

— Лучше вот над чем подумайте: какое вы жалованье хотели бы от меня получать? Решил я его немножко повысить... в меру, конечно, так что не наглейте. Мои возможности вы и так хорошо знаете. Но обещаю, что в ближайшие дни наше благосостояние будет только расти.

Прятели переглянулись, и более непосредственный Ольгерд выпалил:

— Хорошо бы получать пять... — Наткнулся на укоряющий взгляд Петри и поправился: — Но мы будем рады и четверем золотым в месяц.

«Значит, получали раньше три или три с половиной, — пришел к выводу Василий. Итого: двенадцать или четырнадцать долга да плюс восемь — предстоящая оплата. В сумме двадцать два! Кошмар! Где я столько возьму?! Точно придется коня продавать. И трофеи... Еще бы узнать, откуда мне и сколько поступает содержания? И что князь за службу должен. Та еще проблема!»

Постарался скрыть озабоченность, кивнул:

— Договорились. Завтра начну решать эти вопросы. А теперь расскажите, чего это все сбежались ко мне и что потом говорили, обсуждая избиение знахаря?

Сам же приступил к ужину, начав с доставленного от волхва лекарства.

Парни рассказали много, и весьма детально. При этом не скрывали восторга, что потерявшему совесть знахарю так здорово досталось. Еще и в холодную угодил. Даже гордились: мол, все остальные помалкивали в тряпочку и платили, а наш рыцарь, как только его коснулось, не побоялся скандал раздуть. И своим правом наказания любого казенного служащего воспользовался, несмотря на то что сам болен. Теперь об этом весь гарнизон Вицина судачит.

А толпа рыцарей оказалась в коридоре не случайно. Решили просто проверить целостность

замков на дверях комнат тех товарищей, которые погибли в Тарки. В той самой веси, где и появился Райкалин в этом мире.

У одной из комнат их поджидал Ольгерд, который скромно так заявил, что тоже будет участвовать в описи и разделе имущества павших рыцарей и их оруженосцев. Яростней всех возмутился Жанай. Мало того что орать начал, так еще и на Ольгерда чуть с кулаками не полез. Ну и в этот момент избиваемый знахарь завизжал, призывая на помощь.

А вскрытие комнат и опись имущества назначены на завтрашнее утро. Мало того, Петри краем уха услышал, что следствие о покушении на Шестопера ведется полным ходом. Всех лучников отряда допросят в присутствии особых княжеских дознавателей. Причина: стрелы оказались с клеймами именно отряда баннерета Молнара. Следовательно, наемным убийцей, стоявшим в засаде возле постоянного двора в Белом, мог быть кто-то из своих. А среди особых княжеских дознавателей обязательно находился власнеч, умеющий отличать ложь от правды.

Узнав основные новости, Грин поощрил парней к дальнейшей болтовне, сказав:

— Гонта у меня поинтересовался, все ли рыцари довольны жалованьем и системой оплаты. А мне интересно ваше мнение услышать. Уж вы-то лучше знаете, чем ваши коллеги дышат да что про рыцарей бают.

Уже через пятнадцать минут он знал, кто сколько получает, когда и как, сколько идет прибавка за выслугу и за боевые походы. Сколько выделяется на прислугу, включая оруженосцев, оплату за постой и корм лошадям. И сколько жадноватые рыцари недоплачивают своим доблестным, все тянущим на своем горбу оруженосцам. Чаше платили два золотых. Редко — три, как Шестопер. Некоторые умудрялись платить вообще полтора и при этом практически издевались над молодыми ребятами, гоняя их в хвост и в гриву. Тогда как от князя каждому рыцарю выделялось четырнадцать золотых в месяц на содержание двух оруженосцев. Огромные деньги, если учитывать, что самому рыцарю платили только восемнадцать. И вполне естественно, что каждый оруженосец мечтал о вожде ленных пяти золотых в месяц. Увы и ах, такого содержания достаивались лишь те, кто служил у рыцарей, имеющих титул не ниже барона.

С некоторым прискорбием Василий подсчитал, что очередная выплата ему будет произведена лишь через десять дней. Это время как-то следовало продержаться на плаву. В том числе хоть как-то поддержать материально своих помощников.

В дверь постучали. Ольгерд метнулся открывать, о чем-то пошептался с пришедшими, а потом церемонно доложил:

— Господин Шестопер, к вам с визитом дамы из миссии посланника князя Берлюты!

— Проси их через минуту, — милостиво позволил упомянутый господин.

А сам кинулся помогать Петри убирать со стола. Вид, конечно, был не в пример худший, чем был в комнате постоянного двора в Белом, но хоть какой-то порядок навели. Шестопер полусидя-полулежа устроился на кровати, прикрылся до пояса одеялом и кивнул оруженосцу. Тот галантно открыл дверь, пропустил гостью, которая через плечо бросила своим сопровождающим:

— Побудьте в коридоре! — Затем ткнула пальчиком в оруженосцев, показывая, к кому обращается. — Мне надо переговорить с господином рыцарем наедине.

— Да-да, конечно! — Парни бочком выскользнули в коридор и закрыли дверь.

Девушка сняла с головы шляпку, уставилась на Грина своими бездонными глазами и прошептала:

— Поговорим?..

Глава шестнадцатая

НЕРАВНОЦЕННЫЙ ОБМЕН

Рыцарь тоже жаждал разговора. И даже больше чем просто поговорить мечтал. Глядя на прекрасное личико, он вдруг почувствовал разгорающуюся страсть и весьма фривольное желание.

Но сумел совладать со своей мимикой, придавая ей только вежливую заинтересованность:

— Здравствуйте, сударыня... э-э-э... к сожалению, так и не успел узнать ваше имя... — Не дождавсь подсказки, сделал приглашающий жест рукой. — Присаживайтесь, где вам удобно. И прошу меня извинить, что не встаю навстречу даме, чуточку занемог.

Такой прием несколько удивил гостью, но она в долгу не осталась. Приблизившись к кровати, негромко, но сердито начала скандалить:

— Вы что себе позволяете?! А еще рыцарем считаетесь!

— Извините... я вас чем-то обидел? — растерялся Райкалин.

— Как вы посмели ко мне притронуться?! — негодовала она.

— Когда я себе такое позволил?! Вы на меня наговариваете! — бросился он в ответную атаку, почувствовав некую неискренность дамы.

— Да когда я писала ваше письмо под диктовку!

— Неправда! Я про вас вообще забыл! Вообще не видел!

Они переругивались вполголоса, стараясь, чтобы за дверью ничего не расслышали.

— Как не видели? — уже не скрывая, обиделась ведьма.

— Да вот так! Я только сегодня утром увидел готовое письмо, решил дописать пару строк и вспомнил, что вы и в самом деле его писали под мою диктовку. И отлично вспомнил, как в своих мечтах оказался рядом с возлюбленной, прижался к ее нежной коже и она меня погладила по щеке. После чего скорей всего провалился в nirvanу сна и даже не заметил вашего ухода. Поэтому и попытался утром вас поблагодарить за помощь, но при всех постеснялся спросить, когда вы ушли. Подобные слова могли дойти до ушек моей единственной и быть неверно ею истолкованы.

Она в возмущении всплеснула руками:

— Ах как он беспокоится о своем моральном облике!

— Кто беспокоится? — прикинулся непонимающим Василий.

— Вы, доблестный рыцарь, вы! И неужели вы больше ничего не помните из процесса написания письма?

Он немного подумал, растерянно пожал плечами и отрицательно замотал головой. Это ведьму явно не удовлетворило.

— Тогда почему вы сегодня в таком разбитом состоянии? Или это болезнь?

— Увы, это был бы самый простой вариант. Есть еще второй, что вчера в корчме я съел что-то несвежее, явно испорченное, и вот результат. Но еще хуже... — Он бросил настороженный взгляд на дверь и перешел на шепот: — Так как вы посторонний человек, то с вами я могу поделиться. Только никому ни слова! Договорились? Так вот, есть вполне обоснованные подозрения, что меня хотели отравить!..

— Да бросьте... — Она в растерянности все-таки присела на стул.

— Точно! Вчера в меня и стреляли, и отраву в пищу подсыпали. Причем явно кто-то из ближнего круга: либо рыцари, либо...

Про оруженосцев он не договорил, ограничившись очередным многозначительным взглядом на дверь. После чего максимально сосредоточился на наблюдении за реакцией Зареславы. А та, можно сказать, грудью бросилась на защиту невинных:

— Нет! Парни ни в чем не виноваты! Не смейте плохо думать о них!

— Хм! Вы так их выгораживаете, словно знаете истинного отравителя... Может, это кто-то из вашей миссии?

— Да вы что?! Как вы смеете думать такое на наших витязей?! — Она даже на ноги вскочила и непроизвольно повысила голос.

Вот тут-то он и спросил:

— Или вы сами порчу навели?

— Порчу?! — Она задохнулась от гнева, а потом пришло понимание, что сейчас откроется самая неприглядная сущность ее поступков. Растерянно опять села на стул, шепча еле слышно: — С чего вы взяли?

— Ну а что мне подумать? Вы вон даже имя свое скрываете, а так поступают только враги или злоумышленники. И это при том, что я вам открыл самое святое в своей душе, свою любовь к Зареславе! И, придя сюда, вы твердили, что я вас пытался коснуться. Затем вы подсылаете ко мне свою служанку, которая мне передает незаметно от всех вторую порцию яда. Хорошо, что я пузырек даже нюхать не стал, а выкинул сразу в придорожную канаву.

Девушку после этих слов затрясло, словно в лихорадке.

— Но вы же пили! Мы видели, что вы к чему-то прикладывались!

— Слава всем богам, что у меня с собой имелась микстура для очищения желудка. Только ею и спасся. — После чего грозно сдвинул брови и перешел на тихое рычание: — И что это вы так задрожали? Готовы покаяться и признать свою вину?

Спросить сейчас Райкалина, для чего он ведет такой мутный разговор, чего добивается, он

толком не смог бы ответить. Наверное, по причине авантюристичности своей натуры, по вине беспокойно бьющегося сердца, возжелавшего любовного флирта, ну и от острого желания хоть немножко сбить спесь с этой ведьмы.

Ведь к гадалке не ходи, пришла она справиться о самочувствии нечаянно пострадавшего рыцаря. Зачем тогда начала с нападок и обвинений? Особая форма флирта?

Богатый опыт общения с женщинами подсказывал Василию, что попытка встречного обвинения самая действенная в таких случаях. Конечно, не всегда она годится. К примеру, опытная куртизанка сразу бы мужчину раскусила и моментально сменила бы тактику. А юная ведьмочка еще только училась манипулировать своими поклонниками. Могла поддаться увлечению, сломаться от шантажа и попасть в простенькую ловушку.

Что сейчас и случилось. Осталось ее только немножко дожать:

— Мой командир отряда уже приходил ко мне, интересовался, кого я подозреваю в первую очередь. И теперь мне уже стало все ясно!

— Не надо! Все было не так... — прошептала она бескровными губами. — Все получилось чисто случайно...

— Тогда немедленно расскажите мне все. Начиная со своего имени и заканчивая составом яда, которым вы меня отравили.

Она тяжело вздохнула, взяла себя в руки и решила:

— Хорошо. Только выслушайте все спокойно, без ненужных эмоций. — Дождавшись кивка, продолжила: — Зовут меня, по странному совпадению, точно так же, как и вашу возлюбленную, Зареславой... И не смотрите на меня так, словно я Змей Горыныч! Могу позвать служанок, они подтвердят!

Конечно, Райкалин вознамерился вопить о лжи и попытке прикрыться именем дорогой ему девушки. Но, услышав о сказочном драконе Руси, еле удержался от неуместного смеха. Поэтому только и смог, что осуждающе, с укором помотать головой.

Слегка воодушевленная такой реакцией красавица продолжила:

— Можно сказать, что я родилась с проклятием и не смогла бы выжить, не пользуясь покровительством сильных мира сего. Но хуже всего, что я никогда не смогу прикоснуться к любимому мужчине, обнять его, приласкать. Потому что мой дар энергетического вампира убивает любого человека, который окажется в моих объятиях.

Дальше она пересказала Василию то, что ему и так было известно со слов великого светлого волхва. Затем подробно описала все пережитые вчера вечером эмоции. Она, конечно, была начеку и ни за что не коснулась бы Грина по своей воле. Но он так красочно описывал свои чувства, настолько возвышенно взывал к любимой о близости, настолько пылко изображал их объятия и страстные поцелуи, что в какой-то момент неопытная девушка представила себя на чужом месте. Перевоплотилась духовно в образ той, другой Зареславы. Полностью утратила контроль над собой и на спонтанное, как она теперь понимала, прикосновение рыцаря, совершенное в порыве воспоминаний, ответила тем же.

Закончила свои признания, чуть не плача:

— Всю ночь я рыдала, обвиняя себя в убийстве. А во время завтрака едва в обморок не упала, когда увидела вас в обеденном зале. Даже ничего при этом не расслышала из ваших слов, ко мне обращенных. Потом служанки пытались мне донести нечто сумбурное, непонятное, каждая по-своему. И я решила выкрасть ценнейшее лекарство, которое только и могло вам как-то помочь. А вы его выбросили... Оно стоит, как два баронства.

— Я же не знал. — Рыцарь чувствовал себя последним идиотом, не понимая, как теперь опровергнуть собственную ложь. — И если это настолько важно, я постараюсь вернуть вам стоимость этого лекарства. Сколько у вас стоит одно баронство?

Она глянула на него как на привидение, но ответила:

— Смотря какое... От трехсот до пятисот золотых...

Умножать на два Василий не разучился: «Вот старый хрыч, обманул с обменом! Его киселек всего пятьсот стоит, а лекарство вдвое потянет... И он еще жался мне зубы бесплатно сделать?!»

Однако продолжение флирта с ведьмой занимало его больше. Спрашивается: зачем так рисковать? Ведь и так почти при смерти, чуть не умер три раза, как волхв утверждал, а все равно одно глупое желание все крепло и крепло. Дико, до судорог хотелось опять подержать в своих руках девичью ладошку, а потом хоть на мгновение прижаться к ней губами.

Вот на исполнение этого желания теперь и работала мужская смекалка, хитрость, настойчивость, опыт и все остальное.

— Надо же, как вам не повезло в жизни! — воскликнул он с глубоким сочувствием, глядя на юную красавицу, как на покойницу. — Это вам и в самом деле ни любви познать, ни пылких, страстных объятий, ни горячих поцелуев...

Он скорей утверждал, чем спрашивал, но ответ получил:

— Да, это почти невозможно...

— В самом деле! — уцепился он за слово «почти». — Это вы правильно заметили! Почти! То есть если мужчина будет вас обнимать аккуратно и осторожно, вы познаете его ласки, но с ним ничего не случится! Верно?

Не понимающая его радости девушка вытерла слезы и попыталась уточнить:

— Это как?

— Ну вы утверждали, что я взял вашу руку и прижал к губам... Но ведь при этом со мной ничего не случилось!

— Ну да...

— Вот! Вам только и надо, что жестко контролировать свою руку. И заранее потренироваться с кем-то.

— С кем? Кто на такое пойдет по собственной дурости? — недоумевала она.

— Да хоть я! Тем более что меня уже, наверное, ничем нельзя убить. Смотри! — Он ухватился рукой за стул, легко подтянув его к кровати вплотную. — Теперь сиди и не шевелись... Нет, ты

нервничаешь, мало ли что! Подложи свою правую руку под себя... вот так, прижми бедром! А теперь я беру твою левую руку... Видишь, ничего не случилось! Теперь представляю свою возлюбленную Зареславу и... начинаю целовать ее нежную кожу...

Все-таки мужской напор вкупе со страстью и некоторыми желаниями ломает все преграды! Ведьма с оторопью смотрела, как рыцарь все с большим и большим пылом целует ее руку. А сам Райкалин словно пребывал в раю. Губы еще сильно побаливали, плохо слушались и мешали своей опухлостью. Приходилось их подпирать изнутри языком. Но блаженство показалось совсем неистовым, когда язык нечаянно и кожу женской ручки лизнул. И в таком блаженстве пролетела целая минута.

Потом раздался вопросительный стон: Зареслава немного пришла в себя, стала понимать, что творится. Наверное, догадалась, что ее попросту нагло, обманом используют для каких-то непонятных целей. И будь у нее правая рука свободна, похоже, могла и ударить рыцаря со всей силы. Но она оказалась прижата собственным телом, а когда все-таки освободилась и замахнулась, Грина спасло постороннее вмешательство. Дверь резко открылась, и на пороге появился недовольный Гонта.

— Никто меня не остановит! — Видимо, в коридоре его попытались задержать оруженосцы и русские амазонки. Но когда он увидел открывшуюся ему сценку, то ничего, кроме изумленного рычания, выдать из себя не мог.

Полусидящий больной в упоении лобзает ручку раскрасневшейся красавицы, а она в замахе готовится его ударить.

Но не ударила, видимо, испугалась посторонних. Зато резко вырвала левую руку, подхватила шляпку, надевая ее на ходу, и с неумолимостью торнадо бросилась к двери. Хорошо, что старик вовремя посторонился, иначе одним пострадавшим знахарем было бы больше.

С минуту волхв пялился вслед девице, потом с еще большим ошеломлением развернулся и уставился на осоловевшего рыцаря. И не то с восхищением, не то с диким возмущением воскликнул:

— Ну ты даешь, Шестопер! Тебе что, жить надоело?!

Тот лишь и сумел пробормотать:

— Да живой я, живой!.. Мы тут всего лишь небольшой эксперимент проводили.

И тяжело вздохнул, сожалея о неуместной, забытой напрочь помехе и о том, что придется вновь врать, выдумывая приличное объяснение случившемуся.

Глава семнадцатая

КОШМАРЫ И ЧУДЕСА ЛЕЧЕНИЯ

Волхв сердито захлопнул дверь ногой и, пройдя на вторую половину, вновь отставил свой посох в угол. После чего подтянул стол к кровати, придерживая кувшин с водой от падения. Начав выкладывать на стол разные мешочки и скляночки, не удержался от ворчания:

— Кажется, я зря с тобой вожусь... Все равно долго не проживешь... Это же надо до такого додуматься?.. Хе!

— Но я же говорю...

— Лучше помолчи! Несерьезный ты парень оказался, разгильдяй и бабник! Не стоило ее звать!

— Она сама ко мне пришла...

— Хватит врать! Никогда ведьма не осмелится прийти повторно к мужчине, если он ее не позовет или не передаст личный подарок.

— Э-э-э? Да я!.. — хотел было настаивать на своем Василий, но вспомнил о маленьком серебряном колечке и осекся. В самом деле ведь передал. А какого лешего, спрашивается?

Заминку пациента Гонта понял правильно.

— Вот уж редкостный недоумок!.. Не знаешь здешних правил и законов, сиди тихо, как мышь, и никуда не высовывайся... — После чего с неожиданной злостью, словно что-то вспомнил, выплюнул: — Жлоб и скандалист!

— Но-но! Это вы о ком сейчас? — озадачился Шестопер.

— О тебе! И не гляди на меня, как на свою ведьму взлелеянную. Пока собирал порошки, мне все о тебе доложили. И что коней рыцарских ты в кости выиграл, и что вот эти все трофеи в комнате — твои... кроме нескольких мешков... Так что у тебя было чем заплатить за новые зубы и за лечение. Но ты прикинулся бедным, неимущим. К тому же скандалы затевать начал, иных рыцарей дразнить да на поединки вызывать. Да тебя бы еще сегодня убили, не свались ты тут больным!

— Так уж и убили бы...

— Наивный. Думаешь, умения современного мечника, а тем более рыцаря остались на уровне трехвековой давности?

— Я у себя был лучшим! — упрямо нахмурился Василий.

— Ага! И лучшего зарубили топором?

— Ну-у-у... от предательства никто не застрахован...

— Экий ты вредный и наглый, — возмутился старик. — На все у тебя ответ есть! Похоже, ты не воином был, а болтливым жрецом при храме или капище. Хе-хе! Ну, теперь-то ты надолго замолкнешь!

И перешел к жестким инструкциям по предстоящему лечению. Следовало употребить вначале кучу порошков, запивая их обильно водой. Затем проглотить с пол-литра весьма неприятной жидкости. Ну и напоследок, перегородив гортань языком, следовало напихать в рот особый, зернистый ингредиент. И держать его во рту с четверть часа, пока зерна не разбухнут от слюны. Ни глотать при этом нельзя, ни жевать, ни давиться. Только аккуратно дышать через нос.

Далее великий светлый волхв применит великую силу своего посоха, прогревая зерна и спекая в единое целое. Последующие сутки придется голодать, не поглощая ни капли воды и не издавая никаких звуков, кроме мычания, и терпеть боль в деснах, которая будет довольно ощутимой. И только поздним вечером очередная порция силы из посоха превратит спекшиеся

зерна в рыхлую массу, которую можно будет выплюнуть.

Далее по желанию: полоскание рта, питье, прием пищи, но ни в коем случае не твердой. Ибо выращенные зубы еще не будут девственно крепкими и жестко нерушимыми.

Осознав, что ему предстоит в ближайшие сутки, Райкалин взмолился:

— Уважаемый! А нельзя ли как-то иначе? Не так долго? И не так болезненно?

Тот искренне удивился:

— Ты за кого меня принимаешь? За Велеса, что ли? Насколько я помню, в твоё время процедура такого восстановления занимала двое, а то и трое суток. А ты ещё моим умением доволен?!

— Доволен! Ещё как доволен! — горячо заверил старика рыцарь. — Но мне казалось, что великий светлый...

Договорить ему Гонта не дал:

— Нет, не могу! И не нервируй меня... жлоб!

После чего довольно бесцеремонно стал пичкать пациента порошками. Создавалось впечатление, что ненужные сложности, сопряженные с болью, он создает специально, в отместку за несогласие платить.

Но Райкалину ничего больше не оставалось, как собрать волю в кулак и терпеть. И мечтать о мести: «Если в будущем я выясню, что эта процедура не так длительна и не так болезненна, я этого старикашку...»

Вариантов умерщвления или разделки ещё живого тела имелось превеликое множество. Только вот радовало мало. Единственное, что успел Грин попросить перед приемом тошнотворной микстуры, это обеспечить ему возможность посещения библиотеки:

— Раз ни говорить не смогу, ни ругаться, то хоть изменения в грамоте постараюсь изучить.

— Как встанешь с утра, так и приходи ко мне в башню. Дам тебе урок по нынешней каллиграфии и всему остальному. И хватит болтать, пей!

И началось истинное мучение. Пищевод горит, тошнота накатывает, забитый нос не успевает подать достаточное количество воздуха, а полость рта распирают набухающие, мерзкие на вкус зерна. Напоследок и деревянный посох был прижат ко вздувшимся губам, и началась настоящая, но ещё более невкусная волшебка. Зерна медленно нагрелись, а потом резко превратились в камень.

Стало страшно. Запоздало Василий сообразил, что он теперь может быть морально сломлен легко, в течение нескольких минут. Достаточно просто пережать ему несколько раз нос. Затем покорно кивающему и на все соглашающемуся пленнику дадут перо или карандаш, и он будет безропотно писать, рисовать и чертить все что знает. Все! И даже то, что давным-давно забыл.

На его счастье, местный колдун не обладал таким коварством, цинизмом или кощунством. Довольно безразлично (а скорей всего умело скрывая ехидную ухмылку) пожелал спокойной ночи и ушел.

Примчавшиеся на его место оруженосцы понятливо махали руками, показывая готовность выполнить любой приказ господина, отданный с помощью жеста, движения глаз или мычания. Увы! Тому нечего было приказывать, кроме как гасить свет и спать. И если парни уснули, как только легли, сам он почти всю ночь провел в мучениях, изредка впадая в зыбкую дрему и каждый раз просыпаясь с ощущением смертельного удушья. И каждый раз, отдышавшись, кое-как прочистив нос и успокоившись, торжественно себе обещал: «Не знаю, как с этим волхвом дальше будет, но любого буду рвать на части, кто только попробует меня ударить в лицо или еще каким образом повредить зубы! Урою! Потом откопаю и снова урою!»

Пару раз порывался встать и отправиться гулять по внутреннему двору цитадели, но благоразумно себя сдерживал. Не хотелось будить парней, да и во дворе вряд ли кто обрадуется упорно молчащему рыцарю. А уж если кто крикнет: «Стой! Кто идет?» или потребует пароль, а придется отвечать мычанием, тогда Гонта точно проклянет великовозрастного придурка. Пусть и посмертно.

Как ни странно, боли не чувствовалось. А вот челюсть к утру ныла, словно всю ночь пришлось жевать вязкую смолу. Немного отвлекла зарядка, которой Василий занялся еще в предрассветной темноте. Комплексы ушу проделывал тихо и крайне медленно, зато нагрузка получалась на мускулы удвоенная. И тело отлично слушалось, во время сложных разворотов на пятке, в позе одноногого аиста. Раньше такое с трудом удавалось, а тут — прошло в лучшем виде.

Рожок своевременно пропел утреннюю побудку, и оруженосцы стали тихонько сползать с кроватей. Старались не разбудить господина. Но так и замерли сидя, разглядывая силуэт Грина на фоне светлого окна. Такой гимнастики они никогда не видели и даже не поняли, что это такое.

— Грин, ты чего? — не удержался от вопроса Ольгерд. Но, получив в ответ возмущенное мычание, быстро зажег лампу и только потом вместе с товарищем сумел понять переданное сообщение: «Все мышцы болят, вот я выкручиваюсь!»

Поняли и второе сообщение: «Остаетесь на хозяйстве, а я уйду в башню к волхву!» — но засомневались в целесообразности подобного.

— Вряд ли старый хрыч тебя пустит к себе...

— Ага! Он раньше обеда во дворе не показывается.

— Потому что всю ночь работает.

— Может, тебя проводить? Вдруг кто по незнанию приставать начнет?

Мысль показалась дельной. Лучше иметь возле себя сообразительного помощника, чем самому выглядеть не умеющим толком общаться глухонемым. Так что вначале парни сбегали на завтрак, а потом сопроводили рыцаря к башне. Причем Василий решил идти обязательно с оружием. Больной не больной, а соблюдать свой боевой статус следует неукоснительно. Поэтому взял с собой трофейный меч. Нравился он ему больше, чем обычный. Да и новая печать, если что, всегда под рукой.

Входная дверь башни оказалась запертой, но Райкалин не стесняясь стал молотить тяжеленным кольцом по деревянной створке. При этом косился на помощников, которые не уходили, стояли чуть поодаль и ждали, чем все закончится.

А чудеса только начинались: из щелей между почерневших досок мореного дуба послышался недовольный голос:

— Ну и чего колотишься? Входи... — Щелкнул отодвигаемый засов. И тот же голос, вроде как старческий, добавил: — Дверь за собой закроешь плотно. Поднимешься на третий этаж. Ничего руками не трогаешь!

Рыцарь толкнул дверь и сделал два шага вперед, пытаясь рассмотреть, что за ней и кто там в щель гундосит. И... замер в недоумении. Потому что никого не оказалось в большом холле первого этажа! Хорошо хоть вспомнил, что дверь наказывали закрыть. Но только уставился в сомнении на засов (его-то задвигать никто не требовал), как тот сам плавно сдвинулся с места и въехал в скобы.

«Твою водолаза медь! — не сдержался Василий. — Да здесь никак магнитный конденсатор стоит?! А внутри досок домофон установлен?!»

Но сколько ни присматривался, сколько ни щупал, ни одного электропровода не заметил. Мало того! Попробовав открыть засов, понял, что не может сдвинуть его с места. Это стало последней каплей. Ведьмы, энергетические вампиры, домовые, молнии, новые зубы — все это несомненно было колдовством, но и оно померкло перед вмонтированным магическим домофоном и самозакрывающейся дверью.

«Нет, это явно не мой мир! — появилось твердое убеждение. — И быть им никак не мог по умолчанию. Не было у нас ни в Древнем Риме, ни в Византийской империи, ни у славян такого волшебства! Никогда не было! А некоторые совпадения в начальной истории — так это не больше чем совпадения. И никакие языческие божки меня с толку своим колдовством не собьют! Прости меня, Господи!»

Даже перекреститься было подумал. Но представил, что здесь и некая видекамера колдовская присутствует, и передумал. Не хватало еще, чтобы волхв его принял за христианина.

Направляясь к лестнице, старался как можно больше увидеть и рассмотреть. В самом деле, имелся на первом этаже скелет малого тираннозавра, метра три в высоту. Но помимо этого там была как живая на вид черепаха, пасть нильского крокодила и чучело мохнатого человекоподобного существа за два метра ростом, очень напоминающего легендарного йети. Все остальное место занимали пара столов, десяток стульев, некое подобие камина возле стены и несколько шкафов. Вполне возможно, что кухонных.

Второй этаж предстал взору длинным коридором, во внутренней стене которого была одна-единственная дверь. На тему, что за ней, сработала фантазия человека из будущего: «Тут старикан наверняка прячет заспиртованные тела инопланетян. И теперь главное для меня — самому не угодить в ту коллекцию в виде нового экспоната...»

Третий этаж был царством алхимии. Или, иначе говоря, лабораторией средневекового черного мага. Именно так рисовали нечто подобное художники времен инквизиции. Полумрак. Блики пламени на черных стенах. Мерцающие колбы и реторты. И свисающая там и сям паутина с мухами размером с кулак...

Понятно, что паутины не было, как и мух. Это уже фантазия Райкалина разгулялась, приняв за паутину свисающие с потолка веревки и странные крепления. Но все равно лаборатория производила гнетущее впечатление. Еще и старик оказался в черном, похожем на балахон халате и своим басом напугал гостя раньше, чем тот его успел рассмотреть:

— Не спится?! Ха-ха! Зато вечером уже сможешь мягкий хлебушек жевать, супчик овощной хлебать, подливу грибную со сметанкой пробовать.

Гость стал захлебываться слюной, прекрасно понимая, что старый гад над ним просто издевается. Еле успевая сглатывать слюну, замычал возмущенно. Но это лишь рассердило старика:

— Мычишь? Ну помычи, помычи! Сам-то выспался, а я вон всю ночь не сплю, средство «Мечь» изготавливаю. И до вечера спать не придется по твоей вине!.. Так что пошли наверх, покажу, что где, дальше уж сам разбирайся с книгами и правописанием... И меч зря с собой прихватил, не собираюсь я с тобой сражаться.

Иначе чем наглостью, совмещенной с издевательством, подобное заявление не выглядело. И так тысячи вопросов теснятся в голове, а возможности спросить нет, так еще и самообразованием заставляют заниматься там, где преподаватель жизненно необходим. Но тут уж мычи не мычи, ничего не поделаешь, разве что мычанием восторг можно выразить: более половины четвертого этажа занимали книги. Разные: толстые, большие, плоские, маленькие и в виде толстенных рулонов в том числе. Поневоле хоть какие-нибудь бурные эмоции проскользнут при виде такого богатства.

Реакция гостя волхву понравилась.

— А ты как думал! Моя библиотека пусть и в десять раз меньше, чем у князя, зато несравнима по научной ценности! — хвастался он на ходу, почти не глядя выхватывая нужные книги с полки и складывая их на стол. — Вот, это как раз для твоего уровня. Эти четыре трактата скорей справочники и учебники, предназначенные для студентов начальной академии. Но если сам в них разберешься, я тебя очень сильно уважаю. Дерзай! Меч поставь вон туда, раз уж так за него трясешься... А я буду каждые два часа наведываться к тебе и делать осмотр. Пока же посиди две минуты не шевелясь.

Еще и сам открыл титульную страницу, на которой был алфавит, встал за спиной Шестопера и положил руки ему на плечи. Постоял немного, похмыкал да и сбежал, оставив свои выводы при себе. А Василий приступил к великому делу: самообразованию.

Букв оказалось сорок четыре, и хоть некоторые так и не удалось опознать, слова, пусть с немалым напряжением, прочитывались. А там и предложения начинали складываться в единое целое. Причем с каждым часом скорость чтения медленно, но верно увеличивалась. Оптимистичный прогноз позволял надеяться, что три-четыре дня такого вот интенсивного обучения, и можно будет бегло читать местные письма.

С каллиграфией дело обстояло сложнее, правильнее сказать — никак. Не было образцов перед глазами, отсутствовали письменные принадлежности.

«С этим всегда успеется, — решил Василий. — Да и негоже боевому рыцарю руки чернилами пачкать. Слава богу, есть кому надиктовать!» — После чего страшным усилием воли отогнал воспоминания о позавчерашнем вечере, во время которого юная, дивная красавица писала под диктовку предназначенное для нее же письмо.

Следовало вообще о ней забыть, навсегда. Все равно интрижки не получится, близости — тем более. Да и миссия наверняка уехала с самого утра в столицу.

А вот с цифрами пришлось помучиться. Для их обозначения использовали те же буквы, только подчеркнутые. Или набор букв, помещенный в квадрат или в прямоугольник. И как их

запомнить человеку, привыкшему к простым, понятным арабским цифрам? Ничего, кроме зубрежки, не оставалось. Причем зубрежки немедленной, усиленной. Потому что цифры и счет в любом мире даже важней, чем умение читать или писать.

Благодаря постоянной концентрации на учебном процессе удавалось забыть о голоде, жажде и ноющей челюсти. Изредка приходящий старик тоже почти не отвлекал. Придет, покашливая, положит руки на плечи и стоит безмолвно несколько минут. Потом так же безмолвно уходит. А толстые стены башни служили великолепной преградой для звуков снаружи. Даже звук рожка, регламентирующий внутренний распорядок гарнизона, сюда практически не доносился.

А вот сонливость, особенно во второй половине дня, вымотала изрядно. Глаза слипались, сознание отключалось, и несколько раз Райкалин чуть не грохнулся со стула. После таких моментов приходилось себя заставлять делать то приседания, то отжимания, то еще какие-нибудь прогоняющие сон упражнения.

Во время одной из последних разминок пришел хозяин башни, сразу от лестницы выразивший удивление:

— Ты чего скачешь на одной ноге?

Рассмотрев жесты — мол, сон отгоняю, — одобрительно крикнул:

— Ну да, лучшее средство... А как ты вообще себя чувствуешь? Имею в виду общее физическое состояние?

Василий поднял вверх большие пальцы обеих рук.

Старик верно понял его жест и сказал:

— Все равно странно... Жду не дождусь, когда начну выяснять состав твоего лекарства...

Но всему когда-нибудь наступает конец. Настал конец и мучениям Шестопера. Старик позвал его в лабораторию, коснулся губ пациента посохом, а потом заставил склониться над глиняным кувшином.

— Начинай осторожно выталкивать субстанцию изо рта. И губами, губами помогай... А вот челюсть опускать вниз не спеши... Медленно, очень медленно...

Когда полость рта освободилась от посторонних волокон, Василий не смог удержаться от стона невероятного облегчения. Еще и язык нащупал новые зубы на полагающемся им месте.

«Выросли! Не обманул старикашка... В самом деле великий...»

А тот самый великий уже протягивал кружку с какой-то вонючей бурдой и ехидно посмеивался:

— На, полощи рот! Или чего спросить не терпится? Знаю, как потом пациентов на болтовню тянет, отлично знаю.

Вопрос и в самом деле имелся. Причем неожиданный для самого рыцаря:

— А вот если энергетическому вампиру руки связать? Или вообще развести в стороны? Тогда можно к нему прикасаться без всяких опасений?

Теперь уже Гонта не удержался от стога, только полного сарказма и издевки:

— Кто о чем, а кролик только о размножении думает. Вот уж!..

— Да я чисто гипотетически.

— А-а, ну если чисто... то учти: ведьма может тебя коснуться не только ладонями, но и локтями, коленками, пятками, пальцами ног, бедрами, лбом и даже губами. Потом, забрав твою силу, легко порвет веревки и обстоятельно примется за вивисекцию твоего извивающегося организма.

Райкалин непроизвольно содрогнулся всем телом, начав полоскание и представив, как выглядит в реальности подобная разделка живого тела. Но постарался себя убедить, что это он не от страха перед Зареславой дергается, а от гадостного ощущения во рту.

Тщательно прополоскав рот и кое-как отплевавшись, он укорил волхва:

— Зачем же так огульно охаивать милую и добрую девушку? Тем более что сознательно она не хотела причинить мне вреда.

— Последний раз тебе повторяю! — уже в раздражении заговорил Гонта. — Ведьме верить нельзя. Коварство у них в крови, и наивность с простотой — это их привычная маска. Их натура не позволяет относиться к человеку хорошо. Они любого из окружающих сразу рассматривают точно так же, как ты рассматриваешь кусок свежего хлеба после длительной голодовки. Мало того, зря ты считаешь, что она юная и непорочная. Подобные ей существа используют взятую энергию для омоложения. Так что не удивлюсь, если эта русская окажется старше меня. Да-да! Зря не веришь, дам потом почитать книгу о них. И если бы правители учитывали мое мнение, то уже давно уничтожили бы всех вампиров, фарти и ярых. А то и со всей их родней до пятого колена!

После такого кровожадного, хоть и разоблачительного монолога Райкалин непроизвольно отошел от волхва на шаг. А чтобы поскорее смыться из башни, воспользовался отличным, весьма уважительным предложением:

— Кстати о хлебе: жрать хочу — до обморока. Может, я пойду?..

— Иди-иди! Разрешаю плотно поужинать, но и переждать не стоит. А вот участвовать в какой-либо дуэли или потасовке запрещаю категорически. Иначе сам вмешаюсь на стороне твоего противника. Потом жди меня в своей комнате, приду через два часа, уже с нужным тебе веществом. Желательно, чтобы к моменту приема ты очистил свой разум от постороннего, успокоился и настроился на всепрощение.

— Как это? — озадачился рыцарь. — Я вроде как для жестокой мести отправляюсь.

— А вот так! Говорил ведь о проблеме в общем... теперь уточняю и конкретизирую. Чем больше ты там будешь впадать в ярость, тем больше шансов у тебя там через пять часов застрять навечно в остывающем телесном фантоме. Ты должен жестко настроиться на возвращение и ни в коем случае не увлекаться. Иначе не вернешься.

Вроде искренне говорил, не запугивал. И Василий, не забыв прихватить свой меч, поспешил к лестнице, размышляя, какую методику для расслабления выбрать, чтобы и в самом деле отправиться мстить с очищенным сознанием, не переполненным злобой и желанием тотального разрушения.

И в этот раз даже не слишком удивился самопроизвольно двигающемуся засову на двери. Чего

удивляться? Одно объяснение: колдовство-с!

Глава восемнадцатая

САБОТАЖИ И ДИВЕРСИИ

Во дворе цитадели было довольно оживленно. Похоже, некоторые вояки и служащие только что отужинали, а другие, напротив, спешили в столовую. Неудивительно, что в таком многолюдье обязательно отыщется недоброжелатель. Не успел Райкалин сделать пяти шагов, как ему наперерез устремился рыцарь Найт, громко восклицая:

— Грин, неужели ты выздоровел? И мы сможем прямо сейчас провести поединок?!

Понятно, что после отказа будет брошено обвинение в трусости. Поэтому Василий постарался сработать на опережение:

— Я свою храбрость уже доказал, побывав в башне великого светлого волхва. Только он мне запретил тебя убивать, и даже любые поединки запретил устраивать. Пока... Так что если хочешь воспротивиться этому распоряжению, покажи свою смелость, войди в башню и выскажи свои контраргументы.

Они стояли посреди двора, а к ним со всех сторон подтягивались любопытные. Первым приблизился и встал рядом со своим дружкой рыцарь Вишня. А там и бретер Нинбург подтянулся.

Несколько стусевавшийся Коннеш угрюмо поинтересовался:

— С каких это пор знахари стали отдавать распоряжения рыцарям? Тем более в вопросах, касающихся нашей чести и внутренних разборок?

— Ну так чего же ты тогда струсил?! — воскликнул Шестопер, упиваясь четкостью своей речи, отсутствием шепелявости. — Иди! Постучись в башню и задай эти вопросы господину Гонте.

— А я не собираюсь ни у кого ничего спрашивать! — стал себя накручивать задержавшийся Найт. — И если ты немедленно не сделаешь выбор оружия и места для поединка, я порешу тебя прямо здесь, на месте!

Но был тут же схвачен за локоть Илтоном Нинбургом. Бритт стал что-то сердито шептать на ухо разозленному товарищу. Заметив это, Вишня тоже решил высказаться:

— Вообще-то первый советник князя имеет полное право на запрет любого поединка. Так что советую разойтись и дождаться завтрашнего дня.

— А по-моему, поединок не стоит откладывать, — вдруг послышался голос рыцаря Жаная. — А чтобы потом никаких трений с командованием не возникло, можно вообще за городскую стену отправиться.

— Точно! — опять задержался Найт, но придерживающий его Илтон хмыкнул:

— Жанай! Ты тут вообще самое заинтересованное лицо, так что лучше помалкивай. Грину шесть золотых должен и Коннешу — пятнадцать. Кто ни погибнет, ты в любом случае в выгоде останешься. А уж если двое от ран помрут...

Несколько рыцарей рассмеялись, венгр сразу перестал дергаться, с подозрением уставившись

на примолкшего приятеля. И Василий постарался воспользоваться моментом, чтобы замять противостояние:

— Вот и отлично, что разобрались, а то я за сутки оголодал как собака. Переносим наши развлечения на завтра!

Обошел тех, кто загораживал путь, да и двинулся к столовой. На пороге столкнулся с волнующимися оруженосцами. Те все видели и слышали и переживали, что потасовка начнется прямо во дворе. Но с ходу стали изливать на него совсем иную накопившуюся за день информацию. Хотя она тоже косвенно касалась оставшихся во дворе рыцарей:

— Следствие вышло на лучника, который пытался убить тебя в Белом.

— Но он перед самым посещением допросной умудрился покинуть цитадель, а потом из Вищина сбежать. Его ищут, послали сообщения, но вот поймают ли...

— Тогда как доказано: ни Найт, ни его приятели Вишня с Нинбургом со сбежавшим лучником в последние дни не общались. Да и вообще не имели приятельских отношений.

— Остальные рыцари тоже от предателя отреклись, заявляя, что общались только в пределах служебной необходимости. Но мы-то лично видели не раз, что больше всех со сбежавшим лучником общался Жанай.

— Жаль, что доказать это ничем не можем...

Разговор продолжился за ужином. Парни уже поели и, устроившись за соседним столом, докладывали Грину негромкой скороговоркой.

Вторым наиболее шумным сегодняшним событием стал раздел имущества павших товарищей по отряду. Половина отправлялась родственникам погибших, согласно их завещаниям. Четверть шла в казну и на нужды всего рыцарства. Ну и оставшуюся четверть, как уже знал Райкалин, отдавали боевым товарищам павших. Кстати, ни он сам, ни оруженосцы никаких угрызений совести по этому поводу не испытывали. Наоборот, радовались нежданно свалившимся на голову бонусам.

Выяснился еще один нюанс: всем полученным «наследством» распоряжался рыцарь. И уже в его воле было отдать что-то своим помощникам.

Когда Петри об этом осторожно напомнил, Грин не удержался от укора:

— Ну мы же определились: вы мои друзья и доверенные помощники. Так что сами распределяйте, что вам достанется, что мне пригодится, а что надо продать для поддержания наших финансов. Я и в этом вам полностью и безгранично доверяю.

Надо было видеть, какими счастливыми стали физиономии начинающих воинов. Парни шумно, блаженно вздохнули и продолжили рассказ:

— Да у нас теперь и деньжата завелись!..

Конечно, если бы оруженосцы не проявили настырность и не присоединились к группе, проводящей вскрытие комнат и делающей опись имущества, фиг бы что троице друзей от денежных щедрот досталось. А так им перепало вполне солидно: одиннадцать золотых и шестьдесят три серебряшки. С такими средствами можно было безбедно прожить до очередной

выплаты содержания и рыцарского жалованья. А если еще и должников удастся прижать, то вообще жизнь покажется беззаботной сказкой. Сравнительно, конечно...

Ну и вещей — брони, оружия, экипировки, сбруи — оказалось с лихвой. Если и оттуда часть ненужного продать, то все пятнадцать золотых набегит, если не больше. Но по этому вопросу парни принципиально не хотели брать на себя ответственность.

— Ты в любом случае должен сам все осмотреть. Вдруг тебе что-то понадобится? Или понравится?

Пришлось согласиться. Да и настоящий интерес прорезался, хотя сам еще толком не рассматривал, что у самого имелось в багаже и в трофейных мешках.

Кстати, трофеи с убитых монголов забрали и скрупулезно разделили на всех рыцарей отряда Молнара.

Ну и второй вопрос, требовавший личного решения господина рыцаря. Даже два! В какую освободившуюся комнату перебраться и где складывать горы нежданно свалившегося наследства. Потому что иначе придется на них, на горах то бишь, спать.

Райкалин понятия не имел, как последний вопрос вообще решается. Поэтому, как обычно, пошел на хитрость:

— Ладно, я-то решу, но вы тоже имеете право предложить свои варианты. Давайте!

— Можно снять в казарме еще одну комнату и использовать ее под склад, — высказался Ольгерд.

— Дорого! — скривился Петри. — За такое убожество платить два золотых? Ха! Лучше уж тогда целые апартаменты снять за три золотых, поблизости от цитадели.

— Ну ты и транжира! — не остался в долгу блондин. — Были бы у Грина деньги, мы бы и целый дом на пять золотых сняли. А на деньги, снятые с содержания здесь, наняли бы кухарку и покупали бы отменные продукты на рынке.

Настороженно слушающий рыцарь скривился, рассматривая остатки еды у себя в тарелке. Догадаться, что здешние интенданты подворовывают, было несложно.

— Да уж! Кормят здесь премерзко. После суточного голодания и то жрать такое не тянет. Так что... может, рискнем?

Риск в самом деле имелся, и немалый. Заработок рыцаря — в походе, на дежурстве, в дальних разъездах, при сопровождении каравана или миссий. Все это время его имущество в полной неприкосновенности хранится в казарме. Ни тебе охрана не нужна, ни замки хитромудрые. И платить ни за что не надо. И забот никаких.

А вот аренда дома — совсем иное дело. Деньги утекают, невзирая на отсутствие плательщика. Да еще за месяц вперед заплати, будь добр. Кухарка опять-таки, продукты с запасом на пару дней. То да се. Этак никаких накоплений не удастся сделать.

Зато роскошь отдельного проживания ни с чем не сравнима.

«Да и что такое пять золотых? — размышлял Василий, вспоминая о своих многочисленных

талантах. — И сам заработать сумею, даст бог только возможность по сторонам осмотреться, да и трофеев часть продадим — уже на месяц-два хватит на проживание... О! И самое главное чуть не забыл. Не иначе как ведьма во мне гормоны разбудила, и теперь точно бессонные ночи гарантированы. А в казарму девицу не приведешь, а в город ходить... Фиг его знает, что тут за порядки?..»

Надо только так повернуть разговор, чтобы оруженосцы сами загорелись такой идеей и начали упрашивать. Он пустился в философские размышления:

— Жизнь сложная штука. Отказываем себе во многом, а потом теряем по глупости еще больше. Вот кто из вас точно мне назовет сумму, которую я проигрываю за месяц в кости и...

Он осекся, не зная, играют ли тут в карты. Оказалось, что играют.

— И в карты? — фыркнул в своей непосредственности Ольгерд. — Да не меньше пяти золотых! А то и все шесть! — И чуть на пол не сплюнул в негодовании.

— Так вот, — торжественно начал рыцарь, отложив ложку в сторону, — с этого часа даю обет как минимум три месяца не играть в азартные игры! — Сделал паузу, разглядывая окосевших парней, и добавил обыденным тоном: — И что нам желательно сделать на эти сэкономленные деньги?

— Арендовать дом! — уловил идею Петри. — Только вряд ли быстро получится. Несколько дней уйдет, чтобы подыскать что-то приличное. А то и всю неделю потеряем. Нас могут за это время куда угодно отправить...

— Не отправят, — весомо заверил рыцарь. — Мое присутствие здесь пока крайне необходимо. — И подмигнул многозначительно.

Помощники вроде поняли намек, и Ольгерд вспомнил о «наследстве»:

— Хранить-то где будем?

— Можно ведь на неделю пустующие апартаменты в казарме снять, — подсказал Грин, будто рассуждая вслух.

— Точно! — обрадовался Петри. — На десять серебрушек больше будет стоит, но это несущественно. А какие комнаты выбираем?

— Да пусть наша угловая и останется.

Плотный и не такой подвижный Ольгерд сразу опечалился:

— Далеко таскать багаж, и так упариваемся, пока на коней сумы да латы погрузим.

Василий припомнил длинный коридор казармы и сочувственно цокнул языком. Появилась мысль несколько переиначить одну из идей предстоящего заработка в этом мире, применительно к данной ситуации. Только вначале следовало убедиться в законности своих притязаний. Лучше всего было спросить у волхва, он бы никаким вопросам не удивился. И то...

«Не факт, что ему следует об этом знать. Сразу заподозрит ушлый тип, что я не из дикого, отсталого прошлого, а из светлого и страшно умного будущего. Надо будет постепенно, осторожно воплощать свои идеи в жизнь, а самые ценные придержать до своего переезда в

столицу. Или еще куда получше... и подальше отсюда...»

Он осторожно приступил к сбору новой информации:

— Слышал звон наковальни, будучи во дворе. Чего это кузнецы так долго работают?

— Так они всегда так, когда работа есть, — пожал плечами Петри. — И среди ночи их разбуди, бросятся меха качать, железо греть.

— Я это к чему говорю: хочу узнать ваши знания по ремесленному вопросу. К примеру: как у них вообще все организовано? И что будет, если один мастер, изобретя новое оружие и начав ставить на нем свое клеймо, обнаружит подобное оружие у своего конкурента?

Блондин сразу кивнул на чернявого приятеля, уступая тому пальму первенства в подобных знаниях. И Петри, как на экзамене, подробно стал рассказывать.

Общины, кумпанства и гильдии местных ремесленников, считающие себя не меньше чем элитой королевства, оказались весьма консервативны и крайне строги к посторонним в своих внутренних структурах. Имелся закон на государственном уровне, по которому никто не имел права начинать трудовую деятельность в городах и городищах без одобрения коллег по профессии, уже работающих там.

Нет, в какой-то веси или в лесной глуши одинокого хутора — пожалуйста, хоть целый заводик открывай. А вот в местах компактного проживания горожан будь готов пройти все тяготы бюрократии и противления себе подобных. И клеймо личное надо зарегистрировать, и разрешение купить, и пошлину уплатить вступительную в то же кумпанство. Иначе говоря — проблема.

Но именно по этой причине промышленность особо и не развивалась, ростки капитализма еще не проклюнулись, и до создания огнестрельного оружия тут еще не додумались. Хотя пушки, по логике, просто обязаны были уже где-то существовать. Одно только создание такой огромной кареты, как дилижанс, многое говорило о наличии должных умов в этом мире, намекало на несомненные таланты типа Левши и подталкивало к развитию таких личностей, как Кулибин.

Но лично для Райкалина предпосылки складывались просто замечательно. Если он верно все понял и сумеет правильно договориться с главным кузнецом цитадели, то в дальнейшем только и придется, что в потолок поплевывать да подсчитывать капающие денежки. А чтобы все это проверить, рыцарь решительно встал из-за стола и стал распоряжаться:

— Петри, иди в кузню и там после моего появления представишь главному кузнецу. А ты, Ольгерд, носи мой меч... как положено.

Наверное, так было не принято передвигаться: оруженосец впереди господина. Но если с дистанцией, да с оговорками, то парни помялись да и пошли. Они ведь не догадывались, что Грин понятия не имеет, где кузня находится. Доносится звон наковальни, а откуда именно, толком и не разберешь.

А так довели, представили. И остались за воротами, дабы не испачкаться в саже и в копоти. Тогда как Василий, несмотря на шум и общий грохот, постарался присмотреться ко всей кузнице, подпирающей крепостную стену. Отсталость, конечно, в плане технологий, но три горна, восемь мастеров и три подмастерья ни минуты не оставались без дела. Гнули, ковали, калили, что-то прогревали. Да и с задуманным скорей всего справятся.

Так что разговор начался сразу с делового предложения:

— Я вам показываю, как делать новую приспособу. И вы мне изготавливаете одну для образца. Даже две. Оплачиваю по договоренности. Но затем, если начнут другие заказывать, вы поднимаете цену каждого изделия на одну десятую, которая и пойдет мне.

Видимо, такое понятие, как доля для изобретателя, здесь было известно, потому что мастер не переспрашивал. Уточнил только о возможности новых заказов:

— А если не будут заказывать?

— Тогда мы с вами останемся при своих, и никто в убытке не будет. По рукам? Мое рыцарское слово против слова мастера?

Кузнец согласился и вскоре уже рассматривал рисунок-чертеж обычной тележки на двух колесах и слушал дополнительные объяснения. Такими тележками повсеместно пользовались грузчики в мире Райкалина, а здесь он ничего подобного не заметил. Так почему бы не заработать?

Мастер суть идеи поймал быстро и даже удивился, почему сам до такой простой вещи не додумался. Подсчитали стоимость, вышло шестнадцать с половиной серебром. Это с учетом солидной выгоды кудесникам по железу. Добавили полторы серебрушки на перспективу и на некоторые усовершенствования и сошлись на стартовой цене в восемнадцать серебряных монет. Если товар пойдет ходко, то тележка будет продаваться по двадцать, с учетом доли рыцаря в две монеты. Вроде и мелочь... а город-то большой! И все в нем либо на себе носят, либо на лошадях перевозят, да с помощью телег громоздких. Недосмотр местных Кулибиных!

Райкалин держал в уме идею о простых тачках для сыпучих грузов, на одном колесе. Но там для уменьшения массы кузовов лучше было делать из дерева, сотрудничая с плотниками, поэтому он пообещал:

— Если получите двадцать заказов, я вам еще одну новинку подкину. Тоже с прибылью останемся.

Мастер кивнул, пообещал первые две тележки сделать уже к завтрашнему утру и отправился работать. Но не успел дойти до горна, как в кузню ворвался человек, хорошо знакомый Шестоперу, и начал с ходу ругаться:

— Да вы издеваетесь над нами! Я пожалуюсь князю! Это возмутительно!

Скандалил не кто иной, как посланник князя Берлюты, граф Зареслав Левадский. Но старший кузнец нисколько не испугался:

— Можете жаловаться кому угодно. Если я сказал, что у нас такой стали для оси нет, значит, ее нет. Если сделать из сырого железа, то ваш рыдван не в городе развалится, а в десятке верст от него. И что, мне из-за этого потом штраф платить? Нет! Мы брака не делаем!

Сказал как отрезал. И графу ничего не оставалось, как сбавить свой пыл и вспомнить о вежливости:

— Но хотя бы скажите, когда нужную нам сталь привезут?

— Если утром, то уже в обед вы уедете. Ну а если в обед...

Мол, сам считать умеешь. Вот и думай.

Русский посланник, постанывая от досады, выбежал вон. Райкалин тоже поспешил наружу, первым делом набрасываясь с упреками на оруженосцев:

— Вы почему мне не доложили, что отряд русских витязей до сих пор здесь?

— Так не успели еще! — развел руками Ольгерд.

— Сам говорил, что второстепенные новости напоследок, — укорил Петри, но, прочувствовав волнение господина, доложил о происшествии детально: — Русские с утра отправились в столицу, но на третьей от цитадели улице у их дилижанса передняя поворотная ось лопнула. Два пешехода пострадали, у одного всадника коня покалечило...

— Из девиц никто не пострадал? — не удержался от вопроса рыцарь.

— Никто. Разве что шишки себе понабивали. Но самое интересное началось, когда дилижанс на деревянных полозьях обратно притянули. Все кто ни смотрел на обломки, в один голос утверждают, что ось была повреждена кем-то умышленно. Скандал дошел до князя, он приказал начать следствие. Но до сих пор ничего не выяснили и злоумышленники не найдены. Думают на сбежавшего лучника из нашего отряда, но дозорные клянутся, что ночью к дилижансу ни одна живая душа не приближалась.

Василия нисколько не интересовало, кто виноват. Он лихорадочно просчитывал варианты возможной встречи с Зареславой: «Вчера нам помешали, но почему бы сегодня не напроситься к ведьме с ответным визитом? Надо только срочно выяснить, где она проживает... — Неожиданно он вспомнил, что два часа скоро истекают, пора бежать в свою комнату и ждать визита Гонты. — Ах ты доля комиссарская! Как же я не вовремя со своей мстью заколотился! Может, на завтра перенести? Нет, старикашка озверевает, надо бежать... Отдам ему лекарство, возьму средство его колдовское, а приму потом, после встречи с красоткой. Решено! Только вот...»

— Значит, так, парни. Разыщите ту самую сударыню в шляпке и передайте, что я прошу принять меня, скажем... через час. А я в казарму, вначале надо встретиться с великим, а заодно и одеться приличнее.

— Загляни вначале в шкаф, — заулыбался Петри. — Ты будешь приятно удивлен. Справа висит одежда, которую ты забрал у черного власнеча в Тарки. Но ее надо комбинировать с иными деталями рыцарского облачения.

— Так иди с ним, — посоветовал Ольгерд. — А то еще напаялит на себя нечто... А я тем временем к русской госпоже прорвусь. Зачем нам там двоим топтаться?

На том и порешили.

Василий успел впритык. Уже подбегая к входу в казармы, они с Петри увидели одинокую фигурку, пересекающую двор. До прихода старика Василий успел заглянуть в шкаф. Теперь вещей было так много, что создавалось впечатление излишней роскоши. Сознание начинало противиться, подсказывая: «На кой ляд нам столько? Продай!»

А тут и волхв ввалился, как всегда без стука и приветствия.

— Ну что, готов? — В одной руке он держал посох, в другой — небольшой кувшин, завязанный

поверху белой тряпицей. — Потому что ждать долго я не намерен.

— И не надо ждать! — Грин протянул флакон с остатками лекарства. — Вот, как договаривались, отдаю сразу.

И ловко поменял пузырек и кувшинчик местами. Старик, получив в руки вождеденное средство, ощутил полнейшее равнодушие ко всему остальному миру. Скорей по привычке поинтересовался:

— Мои инструкции помнишь?

— Каждое ваше слово, уважаемый, каждое слово!

— Тогда я пошел. — Волхв развернулся и направился к двери, бормоча себе под нос: — Расслабься... отбрось злобу... помни о всепрощении...

— Да, конечно! — крикнул ему вслед рыцарь и, спрятав кувшинчик на самое дно сундука, подозвал оруженосца: — Дорогая вещица, стоит как целое баронство, так что сиди в комнате до моего возвращения и никуда ни шагу! А теперь давай советуй, что надеть? Да так, чтобы прилично, красиво и по современной моде.

— Современной... чего?

— Не обращай внимания, это я в башне вычитал. Обозначает особую нарядность и современную изысканность. Так, ну, допустим, вот это...

Перебирая одежду, он нисколько не сомневался: встреча состоится при любых обстоятельствах. Но время шло, час почти истек, и франтовато нарядившийся Шестопер занервничал. Уже хотел отправиться на розыски своего помощника, когда тот явился в весьма неприглядном виде: порванный в нескольких местах кафтан, багровый след на скуле и наливающийся синевой синяк под глазом.

Рыцарь непроизвольно потянулся к мечу.

— Кто это тебя так? — поинтересовался с явной угрозой.

— Это я сам виноват, — попытался улыбнуться Ольгерд. — Слишком настойчиво пытался прорваться в княжеские хоромы. Меня несколько раз то княжеские гридни по лестнице спускали, то русские витязи неприветливо встречали. Еле удалось одну из служанок дозваться, а потом уж она к своей госпоже провела. Они ведь там после порчи оси всего опасаются, в том числе и покушения. Хорошо, что меня узнали...

— Хвалю! Награждаю! — Райкалин в нетерпении топтался на месте. — Сам выберешь из моих вещей, что тебе нравится. Но договаривай уже, что госпожа ответила?

— Что будет ждать не больше часа. Потом она ляжет поживать...

— Веди! — выдохнул Грин, с удовлетворением ощупывая языком новые зубы и облизывая почти что вернувшиеся к норме губы.

— ...И послала со мной девицу из своего окружения, — досказал блондин. — Она в коридоре.

— Тем лучше, — перешел на шепот рыцарь. — Я пошел, а вы из комнаты никуда, Петри знает почему.

Девушка и в самом деле стояла в коридоре, у торцевого окна, поглядывая во двор. И вроде до того не подслушивала. А увидев рыцаря, сразу ринулась впереди него, не слишком заботясь о том, что мужчине приходится почти бежать.

В княжеские палаты их пропустили, а вот на площадке третьего этажа, где стояли два вооруженных витязя, вдруг и сам граф оказался. Он безбоязненно заступил дорогу Шестоперу и воскликнул:

— Что за неуместный пыл?! Куда так торопится доблестный рыцарь?

Пришлось остановиться, а девушка не только не сбавила шаг, но даже не обернулась и вскоре скрылась за поворотом коридора.

— Я тороплюсь на важную деловую встречу, — учтиво ответил Василий. — И время, назначенное мне, истекает. Так что прошу, ваше сиятельство, меня не задерживать. Готов с вами побеседовать на обратном пути.

— Да у меня к вам всего лишь два слова, не больше... Но наедине! — Отведя его в сторонку, чтобы витязи ничего не услышали, Левадский зло зашептал: — Я же вас предупреждал, что любой контакт с ведьмой грозит вам смертью! Вам что, жить надоело?

— Да я вроде без контактов обхожусь, — пожал плечами Василий и начал сочинять на ходу: — Она мне сказала, что ей много лет, попросила называть ее тетушкой и была очень мила, написав под мою диктовку письмо для моей возлюбленной. В остальном мы мило общались на разные познавательные темы. И ни касаться ее я не собираюсь, ни в лицо заглядывать.

Граф то ли поверил, то ли испугался чего-то, но сразу сник и пробормотал:

— Ладно, но, если что, я вас предупреждал...

Из чего следовал весьма интересный вывод: не граф командует и распоряжается в миссии! Хотя в его руках находятся некие рычаги карательного, полицейского свойства. Старшая и главная в миссии — Зареслава. Теперь только оставалось понять, почему так все сложно и загадочно складывается.

Не успел он отдалиться от пропустивших его русских, как увидел стремительно идущую навстречу ведьму. Все в той же шляпке. А за спиной все та же девушка-проводница. Видимо, они спешили на разбирательство с Левадским, посмевающим без особой на то причины задержать гостя. Но, заметив Грина, Зареслава развернулась и уже фактически сама провела в свою комнату. Причем вновь выставила свидетелей, скомандовав девушкам:

— Никого сюда не пускать!

Оставшись наедине с Василием, сняла шляпку и с облегчением выдохнула:

— Как же она мне надоела!

— А без нее никак нельзя? — вежливо поинтересовался гость. И пояснил суть своего интереса:

— Вы несколько не страшенькая на лицо, так зачем его прятать?

— Я?.. Не страшенькая? — Кажется, красавица не знала, что делать: перевести все в шутку или закатить хаму скандал. Потому что явно была высокого мнения о своей красоте.

— Конечно! И прическа у вас вполне приличная. Почти такая же, как у моей возлюбленной... О! И сейчас вы губки тоже вытянули, как только у моей Зареславы получается!

Глазки у ведьмы еще больше заблестели после таких сомнительных комплиментов. Да и какой женщине приятно услышать, что она лишь жалкое подобие какой-то незнакомки? И она вдруг решила ответить откровенностью:

— Вы невероятно странный, Шестопер, и я вас никак не могу понять. Вы ведете себя дико, несуразно, выжили в ситуации, кончавшейся для остальных смертью, и очень часто несете какую-то мистическую несуразицу. Но при всем при этом мне с вами жутко интересно. И вот спрашивается: почему интересно?

— Вот! — почти непритворно обрадовался мужчина. — Могу то же самое сказать и о вас! Это странно, но меня к вам тянет. И не могу отыскать этому уважительных причин. Почему-то, как только я вспоминаю о своей возлюбленной Зареславе, рядом оказывается ваш образ. Ну не может такое быть только по причине совпавшего имени, а? Я даже подумал, что вы меня... заколдовали?

Данное признание понравилось юной красавице гораздо больше, чем предыдущие сравнения. Она даже мило улыбнулась, заставив этим бедное мужское сердце заколотиться в странном приступе. Но не забыла и о своих вопросах:

— Вы мне так ничего и не рассказали о себе. Начать хотя бы с этого вашего странного родового имени Шестопер. Что оно обозначает?

— А вам оно ничего не напоминает? — Он бы сам многое отдал, чтобы почитать свою биографию и узнать родословную, и сейчас был бы рад любой подсказке.

Увы, девушка лишь пожала плечами и с явным сомнением ответила:

— У меня на родине вроде бы водится в прудах рыба с таким названием.

«И это все? — досадовал рыцарь. — А как же знаменитое развитие русской палицы и булавы моего имени? Где боевые шестоперы?! Неужели здесь до сих пор ничего подобного не изобрели? Ужас! Да я озолочусь, если изобрету новое оружие, помогающее рыцарям проламывать латы и убивать друг друга! Мм... что бы еще такое интересное у нее спросить, а самому больше помалкивать?»

Увлекательная беседа двух равнодушных друг к другу людей стремилась к продолжению. Но... внезапно по княжеским палатам пронесся тревожный гул набатного колокола.

В следующий момент в комнату ввалилась одна из амазонок и выдохнула:

— Пожар! Здесь! В тереме!

Глава девятнадцатая

ГОРЬКАЯ МЕСТЬ

Выскочив в коридор, Грин и Зареслава оказались окружены стеной девушек и стеной витязей. Ведьма, успевшая надеть шляпку, напряженно смотрела сквозь вуаль в сторону центральной лестницы.

Там все заволочло дымом, и оттуда неслись выкрики:

— Всем покинуть палаты! Выбираться на улицу любой ценой!

Ну да, помещение хоть и каменное, просторное и огромное, но построено все-таки с расчетом на удобную круговую оборону. Запасных выходов нет, окна узкие, в некоторые и не протиснешься. И в данный момент миссия располагалась на третьем этаже. Так что предпочтительнее было эвакуироваться через малочисленные подходящие для этого окна.

Но ведьма выбрала другой путь. Наверное, сумела воспользоваться своим особым зрением.

— Все за мной! — Последующие распоряжения и объяснения она давала уже на ходу: — Горит противоположное, нежилое крыло. Дыма еще мало, поэтому мы легко спустимся по парадной лестнице. В дыму не дышать и желательно не смотреть, я предупрежу о ступеньках. Держаться за руки. И за мою тоже! Я выведу!

И тут Райкалин понял, что все в миссии прекрасно знают о смертельной опасности прикосновения к красотке. Витязи сбились с быстрого шага, девицы тоже резко стали отставать. Ну еще бы! Одно касание ничем не грозило. Но в дыму можно было просто нечаянно натолкнуться на идущую впереди Зареславу. И что тогда? Риторический вопрос.

Поэтому Василий бесстрашно взял на себя риск и ухватился правой рукой за нежную кисть ведьмы, которую она требовательно отставила назад. Рыцаря тут же кто-то схватил за левую. В следующий момент они нырнули в сгущающийся дым, затаив дыхание и прикрыв глаза. Только и слышали четкие команды своей предводительницы.

И что самое смешное, азартно веселящее и невероятное, Шестопер, спускаясь по лестнице, вдруг почувствовал немалый восторг и удовольствие. Он не просто держался за руку ведьмы, он ее сжимал, ласкал, поглаживал и, будь такая возможность, вообще держался бы за нее зубами, словно преданная собака.

Даже почувствовал сожаление, когда они оказались во дворе. Только там, словно опомнившись, девушка резко вырвала свою ладонь из ручищи рыцаря. Еще и возмутилась еле слышно:

— Медведь! Чуть мне пальцы не поломал! — и бросилась руководить служанками, которые начали оказывать первую помощь мужчинам.

Все-таки шедшие в хвосте колонны рыцари надышались дымом и теперь судорожно, со слезами на глазах пытались откашляться. Но вышли все. В том числе и сам граф со своим молчаливым спутником откуда-то появился. И словно мотылек стал увиваться вокруг ведьмы, вроде и покрикивая на нее, поругивая, но делая это крайне деликатно:

— Ну вот почему ты сразу наружу не вышла?

— Выводила всех остальных из дыма, — спокойно, негромко ответила она.

— Они и сами все с усами, выбрались бы через окна!

— Ничего, так быстрее получилось и безопаснее. И вообще, граф, отстаньте от меня. Лучше выясните причину возгорания и позаботьтесь о ночлеге. Вряд ли наши комнаты проветрятся за полчаса.

Тем временем общими усилиями воинов личной дружины, гридней и слуг из княжеских палат пожар погасили. Открыв настежь все окна на этажах, усиленными сквозняками избавлялись от остатков дыма. Но спать в тех помещениях в самом деле казалось неразумным.

— Есть свободные комнаты в нашей казарме, — вспомнил Грин. — От двух ключи у моих оруженосцев, от остальных можно получить у коменданта.

— Ведите! — позволила Зареслава.

Василий не только пребывал в хорошем настроении, но и оптимистично смотрел на ближайшие часы: «Мы сейчас сядем в комнате наедине и мило пообщаемся. Хоть пожар нам и помешал, но в итоге так даже лучше получится!»

Всего через пять минут его ждало жестокое разочарование! Ведьма выбрала себе комнату и заперлась в ней с двумя девицами. Отдала приказ витязям:

— Никого к нам не пускать. Хочу выспаться!

Двое воинов застыли у закрытой двери.

Примчавшемуся графу только и осталось, что расселить остальных, назначить смены и самому отправиться спать. Выглядел он страшно довольным. Чему, спрашивается, радовался? Что в огне не сгорел? Или что его подопечная себя правильно вести начала?

Опечаленный странным нежеланием продолжить милую беседу, Райкалин отправился восвояси. Оруженосцы караулили кисель и не смыкали глаз. И конечно же набросились с вопросами, что случилось.

— Да все в порядке. Один дым, а огня и не было, — отмахнулся рыцарь. — А теперь ложитесь и спокойно спите. Но! Ко мне старайтесь шесть часов никого не подпускать и сами не будите. Я сейчас приму лекарство, которое превращает человека в подобие трупа. Поэтому не переживайте и не поднимайте панику. Только выполняйте, что я сказал.

И с мрачной решимостью достал из сундука кувшинчик с «Местью». Выпил кисель, улегся и довольно своевременно вспомнил, что час дается на расслабление, смирение, отторжение излишнего зла и чрезмерной ненависти. Поэтому постарался припомнить самые светлые моменты своего пребывания в этом мире. А они почему-то оказались все связаны с Зареславой.

«Надо будет ей уже завтра вручить письмо!» — решил он, засыпая и чувствуя, как на лице застывает счастливая улыбка.

Буквально сразу, по косвенным ощущениям, в сон ворвался дикий страх. Ощущение падения. И короткая, жуткая боль.

Затем Василий Райкалин в виде чего-то аморфного и бестелесного завис в пяти метрах над своим изломанным обнаженным телом. Не этим, которое рыцарское, а тем, которому было сорок шесть лет и которое проживало в двадцать первом веке иного мира.

Смотреть на свой труп было жутко и притягательно одновременно. Как и на нескольких прохожих, которые опасливо приближались к месту трагедии. Они больше посматривали на окна двадцатичетырехэтажного дома, которые в данный момент были закрыты все. Иначе говоря, полиции придется долго разбираться, откуда и каким образом свалилось тело.

Главное, что Райкалин вовремя вспомнил о грядущей материализации краткосрочного фантома и решил отправиться в заранее выбранное место. Оно казалось во всех смыслах примечательным, и хорошо, что он подумал о нем загодя. Это была квартира одного из местных нуворишей, расположенная напротив той, из которой самого Василия выбросили минуту назад.

Нувориш находился в отъезде, прислугу он не держал, так что дома у него никого не могло быть по умолчанию. Об этом знали убийцы, консьерж в фойе, ну и все остальные заинтересованные лица. Бронированная дверь и окна — на сигнализации, но отключить ее изнутри квартиры — плевое дело. К тому же интерьер мог поразить самого привередливого дизайнера и наиболее прижимистого собирателя очень, ну очень полезных вещей.

Но не к ним стремилось голое, только начавшее формироваться тело. Василий постарался себя представить сразу в коридоре, возле двери, чтобы иметь возможность включить камеры наружного осмотра. Это было предпочтительнее, чем подсматривать в дверной глазок. И у него получилось! Босые ноги почувствовали прохладу дорогого паркета, спина четко ощутила пустое пространство нежилого в данный момент помещения, а рука уже тянулась к панели, чтобы включить наружную камеру и экран для просмотра.

Бывал он здесь несколько раз с деловыми визитами и хозяина квартиры никоим образом не подозревал даже в причастности к собственному убийству. Совершенно иные, торговые дела, не касающиеся мотивов только что свершившегося преступления. И когда он час назад по местному, реальному времени был приглашен местной любовницей в квартиру напротив, то лишь мысленно хмыкнул: «Какое совпадение! Вон, напротив Алекс живет, сейчас что-то в Питере решает...»

Да и тут же забыл об этом. Предстоял бурный секс с шикарной, соскучившейся по его ласке женщиной. Так что Василий даже не поинтересовался у подруги, знает ли она своего соседа. Потом и в самом деле стало не до вопросов. Под тихую, приятную музыку выпили коньяку, заели лимончиком и окунулись в омут разврата.

Именно музыка да страстные стоны партнерши заглушили легкий шум открывающейся входной двери и практически беззвучные шаги трех костоломов, прошедших в спальню. Ну и тварь продажная старалась, держала его на себе так и так обнимала, чтобы он даже случайно не оглянулся на проем двери.

А потом стало поздно брыкаться и оказывать надлежащее сопротивление. Удар по затылку сразу вогнал в полубессознательное состояние. Практически сразу должен был убить на месте, да головушка дубовой оказалась. Поэтому даже удалось кое-что рассмотреть в мерцающем кровавом тумане.

Первое: женщина тут же откатилась в сторону, как только тело с нее сдернули, и бросилась одеваться. Второе: изначально костоломы собирались лишь нанести контрольные удары и оставить труп в квартире. Наверняка квартира была снята через риелтора и все выходы на себя убийцы подчистили заранее. Не факт, что следствие отыскало бы преступников. Скорей ленивые, равнодушные ко всему и продажные следователи списали бы все на бытовуху, разборки в порыве ревности.

Третье: подняв голову, удалось не только рассмотреть лица своих убийц, узнав одного из них, но и удивить их изрядно. Один даже не удержался от восклицания: «Оп-па! А жмурик-то еще живой!» Ну и четвертое, самое важное: из зала послышался голос, полный ненависти, но в то же время странно знакомый:

— Живой? Вот уж котюра беременный! — После чего прозвучало эмоциональное, скорей всего спонтанно принятое решение: — Тогда пусть насладится последними секундами своей жизни в полете! Бросайте его в окно! Но перед этим сломайте руки! И что там еще получится...

Убийцы только несколько секунд медлили, переглядываясь между собой и взвешивая последствия такого приказа. Но, видимо, быстро все просчитали, да и распоряжения не то шефа, не то заказчика следовало выполнять беспрекословно. Вот они и постарались. Удары дубинок по рукам, ногам и ребрам на несколько мгновений все-таки лишили Райкалина сознания. Потом твари дождались, пока он вновь шевельнется, и только тогда выбросили из окна. А в спину донеслось издевательское:

— Лети!

Но голос он так и не узнал. И теперь вот страстно желал рассмотреть своего главного смертельного врага.

На экране вначале мелькнули только тени ушедших первыми костоломов. Они правильно рассчитали, что успеют уйти без привлечения к себе внимания. Наверняка консьерж заблокирован их сообщником, да и камеры в фойе повреждены. Подъезд выходит на другую сторону от места падения тела. Так что ищи-свищи потом этих типов!

Но дверь квартиры осталась приоткрытой, готовой выпустить остальных участников убийства.

Выходящую пару удалось рассмотреть великолепно. Мужчина слегка подтолкнул медлящую женщину и аккуратно закрыл дверь. Только после этого снял перчатки и раздраженно прошипел:

— Хватит ныть! Поживешь пока у меня на даче, а когда все успокоится...

Они вошли в лифт, не стали спускаться по лестнице. Ленивые! Все-таки шестнадцатый этаж.

Райкалина всего трясло от страха, омерзения и непонимания. Ну ладно женщина, продажная тварь, с которой он и знаком-то был совсем недолго. А вот мужчина, Валька Кузьмичев, оказался ни больше ни меньше как одноклассником! Причем несколько школьных лет он числился в друзьях и только в выпускном классе неожиданно ушел от забав и развлечений, стал скрытным и отчужденным, неприятным типом.

Причина вроде лежала на поверхности: родители Валика по уши погрязли в какой-то секте и сына втянули. Вон он и двинулся мозгами, по мнению всей дружной компании. Ребятам и девочкам и так было весело, интересно и радостно жить, так что никто не заметил потери бойца, не до того было. Первый секс, первые гулянки, первая любовь, хватало развлечений. И про Кузьмичева банально, казалось бы, навсегда забыли.

И вот он появился... Да в какой мерзкой роли!

Итак, главный враг найден. Но что дальше?

Изначально Василий именно в эту квартиру и намеревался попасть, потому что здесь имелось оружие. Да и Алекс по комплекции очень походил на нынешнего Грина Шестопера. Оставалось лишь выяснить цели, затем одеться, отыскать и аккуратно достать оружие из тайника и приступить к возмездию. Выйти в облике помолодевшего, двадцатилетнего парня вроде бы и просто. Но в то же время есть и сложности. Скорей всего полиция будет долго, очень долго разыскивать квартиру, из которой выбросили тело. А потом еще дольше проводить опросы

соседей и поиск свидетелей.

Мелькнула, правда, идеальная, казалось бы, идея, как жестоко наказать Вальку Кузьмичева и его поделницу. Еще в тот момент, когда они садились в лифт, надо было выскочить на лестничную клетку и деревянной битой повредить панель вызова лифта. Такая бита лежала у запасливого Алекса в прихожей, на полочке для шапок. Можно и створки разжать вначале, а потом бить и крушить электропроводку. Лифт обязательно встанет в шахте. И не факт, что парочке тварей удастся из него быстро выскользнуть.

Еще можно их напугать до потери пульса. Причем очень просто: начав кричать вниз проклятия, называя уродов по именам и грозя адскими карами на том свете. Мол, я уже здесь и жду вас в самом скором времени. Шикарно может получиться: оба преступника на нервах, и тут вдруг лифт застрял. Потом грохот и темнота, в которой слышится рев покойника: «Валька, ты сука позорная...» и так далее по нарастающей буйной фантазии.

Сказка — а не месть!

Но этот свой порыв Райкалин сдержал по нескольким причинам. Главная: сигнализация на двери. Пока с ней провозишься, лифт уже окажется внизу. Просто так резко откроешь дверь, весьма быстро припрутся типы из специализированной охраны. И тогда не удастся осуществить вторую половину своих замыслов.

Вторая причина: не факт, что правосудие потом сумеет виновным инкриминировать убийство. И захочет ли? Райкалин по своему богатому опыту прекрасно знал, что правосудие может быть насквозь прогнившим и трижды продажным.

Поэтому замерший возле двери и трясущийся от ненависти мститель осознал вдруг самое важное: «Это ведь чудо? Чудо! Да еще какое! Время повернуло вспять и практически стало мне подвластно! Я теперь могу сюда возвращаться сколько угодно раз! И каждый раз варьировать, совершать свою месть самыми изощренными способами! Вот это жесть! Вот это возможности!..»

Наибольший позитив проистекал из многократности использования средства «Мечь». Иначе говоря, при каждой пробе можно чуть ли не весь здешний мир изменить. Как и почему такое случится, трудно себе представить или вообразить. Скорей всего в данный момент уже произошла некая бифуркация вселенных, и здешний мир пять минут назад раздвоился на две самостоятельные ветки. В одной реальности — жизнь продолжается, как и прежде, и смерть некоего Василия Райкалина мир не взволновала.

Во второй реальности — все пойдет иначе. А насколько иначе, и в какую сторону, и пойдет ли вообще — зависит только от самого мстителя. Вполне возможно, что никакой бифуркации не случится, даже если хоппер лично пристрелит или четвертует своих убийц. Не настолько значительны их жалкие душонки, чтобы преодолеть инерцию целой вселенной.

В связи со всем вышеперечисленным Василий принял решение не мстить наобум, а с максимальной скрупулезностью реализовать вторую часть своих замыслов. А они напрямую касались обогащения. Раз кисель «Мечь» стоит как целое баронство, то следовало решить вначале финансовую проблему. Иначе на очередные визиты в свой мир не хватит никакой выдумки, наглости и везения. Нельзя зависеть от прихоти и подарков судьбы, которая щедро подбросила бедному рыцарю невероятно редкое, страшно дорогостоящее лекарство.

Надо создать собственную финансовую империю. А как? Для этого следовало заглянуть в Интернет. Любой человек двадцать первого века знает, слышал о полезных ископаемых. Порой

и видел на картах значки, где отмечены залежи самых ценных металлов, серебра и золота. Но попади он в прошлое, вряд ли припомнит хоть пару значков с той самой карты и уж тем более ни за какие коврижки не сможет отыскать будущий прииск на реальной местности. Для этого надо быть геологом, картографом и много-много чего иного знающим специалистом.

Райкалин ничего конкретно не знал, хотя очень хотелось. Но сколько ни напрягал свою память в первые два дня пребывания в рыцарском теле, так ничего толкового и не припомнил. Клады были на территории Белоруссии? Вроде должны быть, но кто о них помнит, кроме работников музеев? Да и история идет совсем по иному пути, значит, искать клады вообще бессмысленно.

Другой вопрос — это залежи золота или еще чего-то полезного. Тут можно при правильной организации обогатиться быстро и не особо привлекая к себе внимание завистников. А там и вообще замахнуться на пьедестал Ротшильдов и прочих финансовых воротил, используя их ценнейший опыт и уникальные наработки. Но то — дело далекого будущего, и не факт, что желанного. А вот сейчас...

Василий оделся, чтобы чувствовать себя комфортно, и стал возиться с компьютерами Алекса. Основной и в рабочем кабинете оказались запаролены оба, но ноутбук на кухне, используемый для просмотров новостей и фильмов, оказался полностью доступен. И хоппер, забывший о мести своим убийцам, а точнее, отложивший эту месть на следующий раз, включился в азартный поиск своих будущих богатств.

Прошелся по сайтам. Почитал. Приуныл.

Золота, алмазов и прочей полезительной прелести имелось очень много. Но! Все далеко, где-то в труднодоступных районах и у черта на куличках. Конечно, кое-что имелось как раз на границе Белоруссии, Украины и России. При хорошей организации там некий стартовый капитал можно было наскрести. Даже алмазы мелкие поискать — тоже окупится. Но вот чтобы как на Клондайке, в Южно-Африканской Республике или как в Якутии — фиг вам!

Правда, имелись месторождения иных полезных ископаемых. Та же обычная, или калийная, соль, но Василий подозревал, что на этом рынке он явно не будет первым. В глобальной перспективе и на этом можно миллиарды заработать, но кто в молодости печется должным образом о своей старости? Вот и молодому рыцарю хотелось не спокойной, обеспеченной старости, а роскошной и бурной молодости.

Покопавшись в продуктовых запасах Алекса и навалив себе несколько тарелок съестного, настойчивый мститель все искал и искал, запоминал и запоминал, жутко сожалея, что ноутбук нельзя прихватить с собой в иной мир. Поинтересовался производством йода и прочих лекарств, изучил процесс изготовления пенициллина. Пробежался по некоторым кустарным производствам, на которых в Средние века можно сколотить солидное состояние.

И когда отпущенное ему время подходило к концу, он вспомнил о сокровищах и кладах. Вначале прошелся по тем, которые были спрятаны еще до Рождества Христова. Уж они-то наверняка покоятся на своих местах. При верной организации экспедиций можно все достать и выгодно использовать. Ну и напоследок забил в поиск информацию о кладах в интересующей его местности.

И ошеломленно хмыкнул, когда увидел сообщение о некоем кладе в местности, совпавшей с топонимом Вищин. Оно гласило:

«Наиболее известным и одним из самых ценных среди подобных можно считать денежно-вещевой клад, найденный в 1979 г. около д. Вищин Рогачевского р-на Гомельской обл. Когда-то

возле этой деревни на правом берегу Днепра на городище находился замок. Исследуя крепостную стену городища, археологи обнаружили целый набор серебряных женских украшений: бусы, подвески, браслеты, височные украшения. Впервые в одном комплексе были найдены гривны-слитки трех типов — киевские, новгородские и литовские...»

Здравый смысл подсказывал, что, несмотря на совпадения в названии, в наличии замка и крепостной стены, надеяться на клад именно рыцарю Шестоперу никак не следовало. Но с другой стороны — чего только не случается? Вдруг и в том мире люди решили припрятать сокровища не в замке, а в прилегающей к нему крепостной стене? И вдруг именно князь Балаш (тоже по случайности живший примерно в обозначенное для клада время) мыслил при открытии своего клада аналогично? Мол, припрятать подале, сохранишь подольше.

Хитры и непредсказуемы повороты истории и людской логики. Но почему бы не проверить?

Василий уже целенаправленно продолжил поиск, пытаясь выяснить, где именно, под какой частью стены оказался тайник. И координаты все-таки получил, хоть и не идеально точные. Дальше следовало осматриваться на местности.

Успел справиться с поиском до приближения срока рассеивания телесного фантома. И сразу понял, почему многие, оказавшись в месте своей предыдущей смерти, потом не возвращались в свое истинное, ожидающее во сне тело. Дико захотелось именно жить! Здесь жить, в своем мире! Пропало куда-то сомнение, появилась твердая уверенность, что именно это тело и есть истинное, за которое следует держаться всеми силами. Хотелось куда-то бежать, что-то делать, кому-то мстить — и, возможно, даже голыми руками. В общем, неожиданно проявился некий психический синдром, банально называемый инстинктом выживания.

А следовало поступить иначе и ничему не сопротивляться. Просто лечь, максимально расслабиться и позволить вырывающемуся сознанию (наверняка уходящему вместе с душой) покинуть фантомное тело и перенестись в настоящее.

Как раз эта простота и далась тяжелее всего. Тело охватила страшная паника, успокоиться и расслабиться никак не получалось, и только благодаря громадному опыту прожитых лет Райкалину удалось погрузить себя в некое подобие нирваны.

Еще он понял, почему волхв не упоминал о повторном применении «Мести». Ни один хоппер, будучи в здравом уме и твердой памяти, не захочет пережить повторно собственную смерть. А возвращение сознания в тело Грина Шестопера очень напоминало именно смерть. Причем весьма неприятную и продолжительную.

Вначале жесткое сердцебиение. Потом нехватка воздуха, ощущение, что голову поместили в закупоренную банку. Затем резкий всплеск боли в нервных окончаниях. А после него — жуткое ощущение, что голова сплющивается под давлением гигантского пресса. Наверное, только таким рабочим порядком и выдавливалась душа обратно.

Где уж тут лежать спокойно да расслабленно? Поневоле начнешь бегать, метаться, оттягивать время переноса и... Финал закономерен: фантом развеивается, сознание гибнет...

Родственники или друзья рыцаря Шестопера хоронят так и не проснувшегося товарища...

Играет печальная музыка... Звучат скорбные соболезнования... Где-то в своей башне плюется от злости великий светлый волхв Гонта... Или презрительно смеется?

Очнулся Василий в своем новом, молодом теле, сотрясаемом неприятной дрожью, мокрый, с жуткой головной болью. С трудом осознал, где он, что он, и с напряжением всех сил потянулся к кувшину с водой: «А печень ему водолаза! Мало того что меня там плющило, так еще и здесь

наизнанку выворачивает! — Дорвавшись до воды, выпил половину и, не почувствовав облегчения, вспомнил о порошках, принесенных Петри от волхва. — Если и это не принесет облегчения... я кого-то убью!»

Съел две ложки — запил. Потом еще ложку снадобья в себя затолкал, чуть не выплеснув обратно вместе с ужином. И уже собрался умирать, как резко стало отпускать. Через пять минут он лежал в блаженной истоме, ощущая в себе каждую ноющую косточку и осознавая каждую расслабившуюся мышцу.

«М-да! Нелегка судьба хоппера! — пришел он к глубокомысленному выводу. — И на кой, спрашивается, банан мне повторять над собой подобные издевательства? Ради мести? Да гори тот недобитый Валик синим огнем вместе с тупой прошмандовкой! Не хватало мне только из-за них терпеть подобные муки! Из-за чего еще? Золото и алмазы?.. Тьфу на них! Мне с лихвой хватит того, что знаю, чтобы стать князем. А то и на монаршую корону замахнуться. Да и эти бы знания с толком реализовать, а потом плодами воспользоваться...»

Обессиленное тело провалилось в сон, благо что до утренней пробудки еще оставалось около часа.

Глава двадцатая

КАК ЗАРАБОТАТЬ МИЛЛИОН?

Что характерно, почти любой человек даже не задумается над вопросом, как миллион потратить. Скорей ответит: «Был бы миллион, а уж я...» И далее в меру его развитой или ущербной фантазии. А вот на вопрос «Как заработать?» — совсем иная реакция.

Конечно, порассуждать на эту тему тоже все умеют. Вот я бы... вот мне бы... да вот если бы... Но толку от таких рассуждений — ноль. Идей много, а умеющих их реализовать — мизер. Но именно они, настойчиво идущие к цели, добиваются всего и зарабатывают тот самый вождеденный миллион.

Имеется в виду заработать честным трудом и умением все организовать. Воров и обманщиков в когорту честных предпринимателей привлекать не стоит. У них совсем иная стезя, за которую им после смерти и переноса в ад все зачтется. И они зря надеются откупиться, подавая в старости лет на церкви и сводя близкую дружбу с попами. Ничего им после смерти не поможет, ничто и никто не облегчит их участь.

Лгунов, подлецов и воров Райкалин никогда не жаловал и в новом мире, в новом теле не собирался становиться жуликом. Он дал себе слово использовать только честные способы заработка. Пусть и не им придуманные, и не им запатентованные. И сегодняшнему дню предстояло стать историческим в плане первого заработка. Ибо зачин любого предприятия, его первый шаг, важен во всех отношениях.

Долго в постели не валялся. Как только почувствовал себя лучше, вскочил на ноги, первым делом накормив лягушонка-домового завтраком и набросав ему кураги. Предыдущее угощение исчезло, значит, было съедено. Но оставалось загадкой, как может живое существо есть, но при этом не производить никаких отходов?

Думая об этом, начал разминку, так и не дождавшись сигнала рожка на утреннюю пробудку. Чуть позже тот прозвучал, и просыпающиеся оруженосцы вновь подивились диковинным упражнениям своего господина. Следовало срочно придумать объяснение, но с ходу получилось неуклюже:

— Раньше мне нельзя было показывать эти умения даже вам. Теперь я вам доверяю, но... больше ни о чем не спрашивайте.

Завтрак опять показался отвратительным, так что мысль снять отдельное жилье и питаться за свой счет только окрепла.

После завтрака все трое отправились в кузницу. Вчерашнего мастера на месте не застали, но обе тележки оказались готовы и даже частично окрашены неким подобием охры.

Там же в кузнице Василий провел испытание тележек и продемонстрировал их возможности, довольно легко передвинув небольшую наковальню с места на место. Оруженосцы тоже опробовали и пришли в восторг. Кто таскает все на себе, сразу сумеет оценить преимущества такого удобного устройства.

Возвращаясь в казарму, троица ненавязчиво прорекламовала окружающим новинку, а также кузницу, где та была изготовлена. Народ впечатлился.

Впрочем, Шестопер больше радовался тому, что им на пути не попался Коннеш Найт. Не хотелось портить себе с утра настроение и выкраивать время именно сегодня на какой-то нелепый поединок.

Поднявшись в свою комнату, они занялись делом. Рыцарь самостоятельно приступил к облачению в солидные одежды, в которых вчера ходил на свидания, а его помощники показали невероятную лихость в переноске доставшегося наследства в комнату, арендованную на неделю.

На этом представлении тоже оказалось достаточно зрителей, причем не только оруженосцев, но и рыцарей. И они тоже прекрасно понимали, что такое быстрые сборы для воина, уходящего по тревоге в поход или на боевую стычку.

Еще больше народу увидело троицу с их новыми приспособлениями, когда те отправились на рынок. Обе тележки были нагружены так, что не всякий битюг потянет, а вот молодые парни управлялись с ними запросто. Да и на рынке горожане, торговцы, покупатели и просто ротозеи не столько интересовались товаром и оружием, сколько рассматривали тележки и спрашивали имя мастера. Хотя благодаря особому скоплению народа товар улетал как горячие пирожки в голодный год. Причем торговлю, рекламу товара и окончательные расчеты вели шестнадцатилетние (а может, и семнадцатилетние?) оруженосцы. Рыцарь стоял в сторонке с мечом на плече и одним своим грозным видом отгонял вездесущих воришек.

А вот дотошность осмотра тележек мастерскими с мозолистыми руками настолько была подозрительна, что Василий расстроился: «Труба комиссару вместо галстука! Сейчас кузнецы бросятся клепать подобное, и все мое ноу-хау пойдет насмарку, иначе говоря — станет народным. Зря я понадеялся на личную прибыль. Вот если бы что-то этакое запустить в производство, которое нельзя скопировать...»

Мыслил он слишком узко. И глобально недооценил важность в этом мире личного клейма, зарегистрированного профессионала. Хоть и выслушал лекцию о местных гильдиях, кумпанствах и товариществах. Поэтому и удивился, когда, возвращаясь с рынка, увидел мчащегося навстречу подмастерья кузнеца, который выпалил:

— Доблестный рыцарь! Мастер Павлентий просит вас зайти к нему немедленно для составления нового уговора.

Увидев перед кузницей толпу из полутора десятков горожан, нескольких рыцарей да десяток оруженосцев, Василий насторожился. Еще больше ему не понравилось то, что все они пытались протолкнуться к прилично одетому молодому мужчине, который в углу двора, под навесом, вел какие-то записи.

Встретив рыцаря, Павлентий отвел его в небольшую подсобку-склад и с ходу взял быка за рога:

— Хуже всего, что у нас не хватит железа! Поэтому все равно придется отдавать подряды и заказы другим кузнецам.

— Как отдавать? — растерялся Василий.

— Не даром, конечно! Пусть раскошеляются! — Кузнец пустился в объяснения: — Утром я ходил к маршалу по делам нашей кузнечной гильдии и взял с собой третью тележку, сделанную для показа. Застолбил за собой право на производство, означил клеймо. Получил знаки налога и бляху первенства. Маршал заказал десять таких тележек. Он хоть и умный шибко, с ходу соображает, а все равно удивил. Я только и успел по наглости своей поднять цену до двадцати пяти серебрушек. Сошло! Маршал и не пикнул. Тем более что платить казна будет. Но теперь и всем остальным по такой же цене продаем, и очередь стоит! — радостно закончил он.

— Это, конечно, хорошо, — согласился все еще не понявший собственной выгоды Райкалин, — но вот как с расчетами?

— Как и полагается в таких случаях, — солидно заверил мастер. — Сорок процентов прибыли поверх оговоренного — тебе. Ну и одна монета серебра добавляется с тех кузнецов, которые будут делать тележки у себя. Получится у нас прибыли поровну с иных кузниц...

Считать Василий умел едва ли не лучше местных академиков. Пять монет ему, пять мастеру Павлентию, итого десять. Не много ли с проданного права на производство? Получается, что иным членам гильдии все равно выгодно производить, получая за труд и материалы всего пятнадцать серебряных монет?

Не удержался от вопроса:

— А мастера на нас не обидятся за большой откуп?

— Побойся Перуна, рыцарь! — возмутился кузнец. — Первый год обладатели бляхи первенства имеют право вообще половину забирать в свой карман.

«Да ты что?! — мысленно проорал Райкалин. — Вот это везение! Вот это система! Вот это истинная защита авторских прав! Ха! Теперь держитесь, Средние века! Я быстро тут устрою техническую революцию!»

И наверное, на волне радостных эмоций, не подумав как следует, решил ковать железо, пока горячо:

— То есть первые деньги мне поступят уже...

— Сегодня вечером доставлю. Или сами сюда приходите.

— Ну раз у нас так хорошо все пошло, дам еще один рисунок, для весьма простой, но дюже полезной приспособы. Раму с несколькими частями придется делать из железа, а вот корпус —

из тонких досок. Надо сотрудничать с плотниками. Справитесь?

— Не сомневайся, Грин, договоримся. Ну и ты в обиде не останешься.

Мастер непринужденно перешел на «ты», и получилось у него это мягко, по-родственному. Видимо, так обращались к людям весьма близким, к которым относились и проверенные, уважаемые компаньоны.

Ничего против Василий не имел и довольно быстро нарисовал чертеж простейшей тачки с двумя ручками и на одном колесе. И эту идею мастер понял очень быстро. Удивился простоте и тому, что никто раньше до такого не додумался.

А вот этому утверждению Райкалин попросту не поверил. Точнее, понял, что мастер был сведущ в этом вопросе. Потому что тачка вообще появилась на Земле давненько, то ли в Китае, то ли в Древней Греции. Другой вопрос, что она довольно поздно попала в Центральную Европу. Но скорей всего уже лет сто тачка могла использоваться в разных местах, а в Великом Литовско-Новгородском королевстве этого просто не знали. По крайней мере, в Вищине точно не использовали до сих пор.

Исходя из этого, весьма своевременно и правомерно начать ее производство немедленно. Может, хоть какое-то время бляха первенства позволит собрать сливки прибыли. Но в любом случае поток серебра наверняка довольно скоро иссякнет. При всем оптимизме мастера Павлентия вскоре рынок будет завален что тачками, что тележками. И отсутствие клейма не спасет. А некоторые умельцы нечто подобное и сами сделают в собственном сарае. Еще и без единого кусочка железа или маленького шурупа. Плотники — они такие...

Шестопер возвращался в казарму полный радужных надежд на ближайшее будущее. Но во дворе цитадели его слегка припугнули плохой новостью, затем расстроил вид надоевшей рожи венгра Найта и напоследок странные нотации великого волхва.

Новость касалась вчерашнего пожара, и огласил ее рыцарь Вишня:

— Грин, тебя тут пытаются в виновные записать. Дескать, во время пожара в княжеских палатах из посторонних только ты находился. Значит, ты и мог устроить поджог.

— Абсурд! Никак не мог! — возмутился обвиняемый. — Я все время был на виду, и я никуда не отлучался.

— Не знаю, не знаю. Что услышал, то сказал. Это ты уже перед дознавателями княжескими будешь ответ держать.

О каких свидетелях речь? Он даже имени, допустим, той же девицы, которая вчера была его провожатой, не знает. И если в данный момент русские собираются в путь, через час их и след простынет, а через два его вызовут на допрос — на кого он тогда ссылаться станет?

Следовало срочно узнать, привезли ли нужное железо и когда будет готова ось для дилижанса. С этими вопросами Василий отправил Петри обратно в кузницу.

Но не успел и шага сделать, как дорогу заступил рыцарь Найт. А за спиной у него переминались с ноги на ногу его оруженосцы.

— Трус! — Должник явно работал на публику, переходя на крик. — Ты, я вижу, выздоровел, значит, готов к поединку?

— А ты, я вижу, любой скандал готов затеять, лишь бы свой долг не возвращать? — не остался в долгу Шестопер.

— Не уходи от ответа! Назначай оружие и место!

— Для такого, как ты, и палки хватит! — начал было оговаривать условия Грин, но тут послышался голос Гонты:

— Прекратить! Я запретил поединки Шестоперу, и, если есть у кого какие претензии к нему, я готов их принять лично. Вплоть до поединка насмерть!

Сражаться с таким противником, несмотря на кажущуюся его невзрачность, Коннеш не желал. Более того, он побледнел и пробормотал с большим трудом:

— А-а... когда же мне с ним сражаться?

— Дня через два, не раньше! — злился Гонта, странно покачивая своим посохом из стороны в сторону. — И вообще, склочник, изыди, чтоб я тебя не видел!

Как ни странно, только что выкрикивавший оскорбления рыцарь безропотно повернулся и ушел не оглядываясь.

Старец приказал застывшему рядом Ольгерду с двумя тележками:

— Отвези их куда собирался! — Когда парень умчался, водрузив одну приспособу на другую, волхв перешел на еле слышный, но гневный шепот: — Ты чего творишь, недоумок?! Зачем привлекаешь к себе внимание всех и вся?! Разве гоже рыцарю с ремесленниками якшаться?! Или в твоё время такое было в порядке вещей? И что ты на себя напялил?! Ты хоть знаешь, что на тебе детали одежды высших африканских власнечей? И за ношение оной они же сами тебя на куски разорвут! Голыми руками! Где ты только взял такую? Тоже у себя в тайнике? Рядом с лекарством?

Вообще-то Райкалина сложно было взять на глотку. Не спасовал он и сейчас, постаравшись сбавить натиск отвлекающими вопросами:

— Ну и как лекарство? Оправдывает затраченные на него средства?

Волхв воровато огляделся и нехотя признался:

— Оправдывает... Иначе я бы с тобой больше не разговаривал...

— А что не так с этой одеждой? Я ее успел выволочь из дома черного власнеча в веси Тарки. Того самого, что я топором разрубил.

Старик скривился, словно собрался всплакнуть.

— И как ты только всюду успеваешь? У нас в княжестве уже лет пять никто черного власнеча не убивал. А ты с первого часа своего появления здесь на него нарвался. Как выжил-то только! — Он присмотрелся к мечу, лежащему на плече у рыцаря, и спросил: — А эту оглоблю где взял?

— С ним одурманенный староста на меня бросился.

— Кем одурманенный?

— Да все тем же арапом.

— О-о-о! — протянул Гонта, чуть ли не лбом упираясь в набалдашник с печатью. — Такого оружия никак не могло быть у старосты. Но и черные власнечи оружия в доме не держат, силы стихии им не позволяют... Разве что... — И замолк в задумчивой прострации.

Воспользовавшись паузой, Василий попытался сменить тему разговора:

— Тут кто-то на меня напраслину пытается возвести, обвиняют в поджоге княжеских палат...

— Правильно обвиняют! — опять стал злобно брызгать слюной собеседник. — Предупреждал тебя, что нельзя с вампиром связываться. Одни напасти тебя отныне будут преследовать и в любом случае в могилу сведут! Даже ее несмертельное прикосновение печать проклятия на человеке оставляет, а ты вновь посмел за ее руку хватать. Верх безрассудства! Не удивлюсь, если именно сопровождающие этой ведьмы попытаются тебя убить. Или как минимум неприятности доставить облыжными обвинениями.

— За что? Им-то какое дело до наших касаний?

— О-о-о! — вновь закатил глаза старец в праведном гневе. Огляделся, достаточно ли далеко прохаживаются свидетели их бурного разговора, и зашептал: — Ты сколько лет в той жизни прожил?

— Ну-у... много... — И неожиданно даже для себя признался: — Сорок шесть.

— И до сих пор в так называемой женской логике не разбираешься?! Позор! Тогда слушай, я тебе объясню, что с русской ведьмой творится. Изначально эти ведьмы обречены на одиночество, хотя, при определенных обстоятельствах и действуя с наивысшей осторожностью, забеременеть и родить могут. Но им не дано даже обнять своих детей, прижать к себе. Представь, насколько они озлоблены на весь окружающий мир.

— Представил... А что дальше?

— Еще не понял? Хм!.. А дальше появляешься ты. Весь такой странный, загадочный, да еще и полный романтических бредней. И самое пикантное — ты не погибаешь во время нечаянного прикосновения. Какие из этого делаются выводы? О чем начинает мечтать обреченная на одиночество ведьма? Какие несбыточные надежды созревают в ее черном, озлобленном сознании? Ага! По глазам вижу, что начинаешь понимать! И как думаешь, почему она до сих пор не уехала в столицу?

— Так ведь ось сломалась...

— Не сама! Ей помогли! А кто помог? А тот человек помог, который хочет, чтобы дама в шляпке оставалась рядом с тобой. Как можно дольше. То есть... она сама.

Вроде все верно колдун баял, складно у него на словах выходило. А вот поверить сразу не получалось.

— Кто тогда ось повредил? Никто к дилижансу ночью не подходил...

— Ведьме без надобности. Села в карету, а когда тронулись в путь, сосредоточилась как следует и ахнула силой по наиболее слабому участку. И ты возле нее тут как тут. Необходимо учитывать, что тот же граф Левадский имеет приказ, за невыполнение которого ему голову

снесут. И рядом с ним — чтоб ты знал! — не его приятель-собутыльник, а личный шпион князя Берлюты. И если что случится, первое обвинение последует номинальному главе: «Зачем ты свел знакомство с безродным рыцарем? И почему не убил его сразу, как только узнал об интересе к нему ведьмы?»

Теперь уже скривился в гримасе понимания Грин:

— Так это что, получается, что и пожар могли устроить специально, чтобы помешать нашему общению наедине?

— Ты, оказывается, иногда головой не только ешь! — ехидно восхитился старик.

— Но в любом случае ось сейчас чинят, и дилижанс вот-вот уедет...

— Ой ли? Давай побьемся об заклад на твою одежду, что у русских отыщется еще тысяча причин, чтобы остаться? — И колдун протянул свою сухонькую ручку.

Поспорить они не успели, да и рыцарь не спешил отвечать согласием. Вернулся бегавший в кузницу Петри, доложил:

— Господин, мастер Павлентий передал, что нужное железо до сих пор не доставили. Ждет с часу на час.

И ретировался, отогнанный жестом волхва. Райкалин, при всем своем страстном желании увидеться с Зареславой, озадачился не на шутку:

— И что мне делать?

— Лучше всего спрятаться. Еще лучше — у меня в башне, и не выходить, пока эта компания не уедет. Повод я подыщу... Кстати, ты мне так и не рассказал, как сработала «Мечь».

— Да там и рассказывать нечего, — думая о другом, отмахнулся Грин. — Никому не отомстил, хоть и увидел, опознал главного убийцу...

— Странно! Неужели настолько переусердствовал с самоуспокоением и всепрощением?

— Да нет, просто поначалу решил отложить мечь на следующий раз. Подумал, что для меня важнее отыскать нечто дающее мне финансовую свободу здесь.

— Хм! Решение не юноши, но мужа, уважаю! — закивал старец. — И что, уже собираешь средства на второй кувшин киселя?

— Вряд ли... слишком жуткое возвращение сюда.

По глазам колдуна было хорошо видно, что он и сам это пережил и прекрасно знает, о чем речь.

— Вы тоже отправлялись кому-то мстить?

— Да нет, своей прежней жизни я не помню, — с грустью признался Гонта, — но каждый человек может побывать где-то там, возле остывающего тела, вместилища его души... Вот и я побывал... Иначе что за интерес — самому уметь создавать чудо, а на себе его не испытать?

На эту тему можно было еще долго говорить, но они привлекли к себе слишком много

внимания. Великий волхв слишком крупная фигура, чтобы молодой воин, пусть и рыцарского сословия, так долго о чем-то с ним шептался. Следовало либо убраться с глаз долой, либо разойтись.

— Сразу после обеда ко мне в башню на осмотр! — распорядился старец и величаво зашагал к своему жилищу.

С опаской поглядывая на колдуна, к рыцарю с разных сторон приблизились оруженосцы.

— Грин, еще есть время выйти в город и присмотреть жилье, — сказал Петри. — Мне на рынке один приятель подсказал имя и адрес особы, которая досконально знает, где что продается или сдается в аренду. Тут недалеко.

— В самом деле, можем и прогуляться, — согласился Шестопер.

Тем более что ему и обдумать многое следовало, и узнать кое-что у оруженосцев, да и свои разведанные проверить и соотнести с местностью. Надежды, конечно, мало, но надо проверить и самые невзрачные идеи.

Легендарные сокровища князя Балаша Скорого манили к себе.

Глава двадцать первая

ПУСТИТЕ ПОГРЕТЬСЯ, А ТО ПЕРЕНОЧЕВАТЬ НЕГДЕ...

Импозантная и подвижная тетушка Кэйтрайона была родом из Шотландии. Когда-то ее родители приехали в Вицин, сопровождая рыцарей-бриттов, да так и осталась. И ни разу не пожалели. Их дочь, выросшая здесь, считала королевство своей истинной родиной. Но от местных дам, которым за пятьдесят, она отличалась крайней изысканностью, знанием трех языков и римским носом с горбинкой.

Болтая без умолку, Кэйтрайона с ходу оценила клиентов и назвала свой обычный процент за посредничество. Узнав, что им надо, стала предлагать различные варианты. Причем начала с приличных апартаментов и с отдельных домов средней стоимости. Иначе говоря, с таких, которые стоили от пяти золотых в месяц.

Петри, правда, пытался влезть со своим: «Извините, а за четыре ничего нет?», но был проигнорирован. А больше в его сторону полная высокомерия шотландка даже не взглянула. Но дома на выбранном как бы наугад участке показала все, раскрывая их достоинства и мизерные недостатки.

Шестопер слушал, присматривался и наконец, когда они оказались на заранее выбранном месте, указал на облюбованное здание:

— А здесь что интересного? И сдается ли?

Кэйтрайона взглянула на него с сомнением, но дом похвалила:

— Прекрасный дом, тем более отдельно стоящий и примыкающий к стене! Четыре комнаты, кухня, подвал и несколько кладовок. Есть свой палисадник, пусть и небольшой, но цветы в нем — истинная прелесть. Да и чердак громадный, на нем удобно сушить белье, грибы, фрукты. Видите, крыша на южную сторону склоном обращена? А с его большого окна поверх города открывается великолепный вид на Днепр. В доме сейчас проживает семейная пара стариков,

некогда служивших в княжеском тереме. Но они давно предупреждали, что, если найдутся желающие снять их дом за десять золотых, они съедут жить к детям.

— Ого! — вырвалось у Ольгерда. — За такие деньги можно полквартила снять!

С этого самого момента и его тетушка Кэйтрайона стала презрительно игнорировать. На пижонистого, разодетого рыцаря она тоже глянула насмешливо, когда тот повернулся, чтобы уйти прочь. Но он неожиданно остановился и спросил:

— А старики сейчас дома? Можно с ними переговорить?

— Конечно! Сейчас попробую к ним достучаться! — обрадовалась посредница и метнулась к калитке. Стучала долго, видимо, старики были туговаты на ухо. В конце концов, ее усилия увенчались успехом, и, быстро переговорив с вышедшей из дома пожилой женщиной, Кэйтрайона приглашающе махнула рукой Шестоперу: — Входите, доблестный рыцарь! — И довольно жестко остановила оруженосцев: — Хозяева опасаются впускать в дом посторонних мужчин в большом количестве, так что подождите здесь!

Петри чуть не плакал, шепча в спину рыцарю:

— Грин! Не вздумай! Это чрезмерно дорого!

Ну еще бы ему не плакать! То в нищете жили, а то вдруг деньгами швыряться! Въевшуюся скупость так быстро не искоренишь. Да и о глобальных задумках рыцаря он даже не догадывался.

Старики оказались довольно приветливыми, милыми и разговорчивыми. Райкалин расспросил, не шалят ли тати, присматривают ли стражники за домом со стены, насколько далеко отсюда до рынка и нет ли на примете приличной кухарки. Старушку умилили вопросы о том, как надо ухаживать за цветами в палисаднике и о регулярности поливки капризных растений.

О себе гость тоже откровенно поведал: часто в походах, роскошествовать некогда, но сильно хочется в редкие дни отдыха почувствовать домашний очаг, вспомнить о родителях и посидеть в блаженном уюте, помечтать... А разве такое возможно в общей казарме?

В итоге, когда речь зашла об оплате, старики согласились сбросить с десяти золотых до восьми с половиной. Чем несказанно поразили в первую очередь тетушку Кэйтрайону:

— Они солидной семейной паре недавно за девять с половиной категорически отказали, — призналась она позже. — Видимо, вы им очень понравились.

— Скорей это они мне понравились. Милые, симпатичные люди. Да и вам огромное спасибо! Что бы мы без вас делали! — воскликнул Грин, вручая даме заслуженные комиссионные.

Все остались довольны, и уже завтра старики обещали съехать, предварительно вывезя самое ценное для себя и наиболее хрупкое. Добра у них было немного, основное их богатство заключалось в доме, который когда-то отменно подремонтировали по личному распоряжению прежнего князя.

Именно это упоминание о князе разрешило последние сомнения Райкалина. У сильных мира хватает причуд, возможно, добрый Балаш тут пол города от щедрот своих подремонтировал, но именно в этом месте? Вплотную к крепостной стене? И совсем недалеко от цитадели с княжескими палатами?

Люди совсем иные, города не те, весь мир не похож, а такие вот странные совпадения. Наверное, в идентичных мирах с одной древней историей, а в особенности с единой географией, пригодной для удобной постройки городов, все-таки сказывается инертность вселенского мышления, его однообразность и повторяемость на каждом временном витке спирали. Или, говоря языком простого крестьянина, у дураков мысли сходятся.

Покидая дом, в котором уже завтра можно будет ночевать, Василий усиленно размышлял над очередной проблемой: «Как бы мне миноискатель соорудить из подручных средств? Или ультразвуковой эхолот для поиска пустых пространств в стенах? Не хочется варварски разрушать дом таких милых стариков...»

Поджидавшие на улице оруженосцы, расспросив его об итогах переговоров, взгрустнули по причине излишнего расхода средств, но, пожалуй, больше расстроились по другому поводу: что опоздали на обед.

— Ха! Да сколько можно питаться какой-то дрянью! — приобняв своих помощников за плечи и подталкивая их в сторону центральной улицы, балагурил рыцарь. — Мы сегодня здорово заработали на продаже и сэкономили целых полтора золотых на аренде! Это же какие деньжищи у нас в руках! А? Значит, можем себе смело позволить отпраздновать этот день, последний день нашего проживания в казармах. Где тут лучше всего кормят?.. Эх, жаль у тетушки Кэйтрайоны не спросил...

— Сэкономили... — ворчал все еще недовольный Петри.

А вот Ольгерд сразу оживился:

— Я слышал, лучшая харчевня поблизости от цитадели — это «Заколдованный кабан». Да мы недавно мимо нее проходили, ты еще обратил внимание на вкусные запахи.

— А цены там какие! — еще больше занервничал Петри.

— Подумаешь! — хохотнул Грин. — Сколько бы ни стоило, вычту из вашего жалованья, и вся недолга! — И расхохотался во весь голос, глядя на округлившиеся глаза товарищей. До тех вроде дошло, что это господин так шутит, но все равно следовало поощрить парней дополнительно: — Из тех денег, что сейчас у вас, возьмите себе по два золотых. Причем это не в счет жалованья или долга, это награда.

Ольгерд в восторге закатил глаза, а Петри все равно проворчал:

— Ну вот, дополнительные расходы!

Но пообедали они действительно шикарно. И по кубку вина выпили отменного. Даже сладкого пирога на десерт вкусили.

Разговор за столом шел на тему повседневной и парадной одежды. Выходца из другого мира в первую очередь интересовали карманы. Он без них не мыслил своего существования, а здесь их практически не было. Средние века сказывались, и на искусство портных некие ускорения прогресса никак не повлияли. А скорей всего и не повлияют так скоро, как Василию хотелось бы. Потому что Париж являлся одной из захудалых провинций Римской империи, и двор Людовика Пятнадцатого, с его нововведениями в моде, вряд ли появится в здешней истории вообще. Все ценное и необходимое носилось в мешочках, котомках и сумках. В крайнем случае на широких поясах делались потайные отделения.

Следовало такое положение менять, но так менять, чтобы с этого получить некоторые финансовые дивиденды. Как выяснил Василий, местные портные слыли страшными консерваторами. Все, что шилось для разных сословий, строжайше регламентировалось строгими канонами, и никакие нововведения не приветствовались. В крайнем случае, если только из столицы проистекала некая новая деталь в одежде, иной фасон или даже иная расцветка, это со скрипом вводилось и в провинциях.

Так что если становиться законодателем моды, следовало это делать в столице и из столицы. Но когда это еще будет? Долгое время жить без карманов Райкалин не собирался, а найти выход из создавшейся ситуации всегда можно. И, узнав, что портного можно вызвать непосредственно для снятия мерок сразу в казарму, он попросил Ольгерда отыскать какого-нибудь молодого, но очень старательного портного и привести через час в их казенные апартаменты.

Для Петри тоже нашлось задание:

— Отыщи всех купцов, которые ездят к морю или имеют с побережьем постоянное торговое сообщение. Если таковые найдутся, пусть уже завтра после обеда приходят в наш новый дом. У меня есть выгодное деловое предложение.

Сам же Шестопер из харчевни отправился напрямиком в башню волхва.

Гонта встретил пациента на первом этаже своего скромного жилища и, возложив руки ему на плечи, не удержался от ворчания:

— Опаздываешь... Одежду так и не снял... Как будто не понимаешь, что я больше всех заинтересован в твоей целостности... Как пациент и объект наблюдения ты бесценен. И вообще, давай рассказывай, каким способом ты собираешься обогатиться? Видимо, нечто очень стоящее, раз ты ради этого даже о мести своему убийце забыл.

— Да не забыл я вроде бы... А по поводу богатства, так это мы с вами обязаны свои усилия объединить.

Василий рассудил, что без главного колдуна Вищина такое гигантское дело, как производство йода, ему не вытянуть. Тут и официальная поддержка нужна, и магическая составляющая может оказаться очень кстати, ну и само наличие лаборатории с производственными мощностями — важнейший фактор.

Ну разве что рыцарь не удержался и решил подшутить над волхвом в отместку за его излишнее ворчание:

— Дело выгодное, государственного значения, прибыль будет небольшая, но постоянная. Ну и вы, уважаемый, за свое содействие и соучастие получите, скажем... три процента.

Старик шутку сразу оценил и в долгу не остался. Руки его передвинулись на шею пациента, и он вкрадчиво поинтересовался:

— А почему не три с половиной?

Крикнуть «Согласен!» Василий не сумел, шею и гортань словно судорогой свело. А старая ехидна продолжила:

— Тебе оставим полтора процента. А девяносто пять процентов прибыли пойдет на содержание

моей башни. Согласен? Ну, раз молчишь, значит...

Не паникуя, Василий попросту приподнял обе руки и показал будущему компаньону две фиги. Значение жеста в этом мире было аналогичным, разве что всегда имело несомненно шутливый оттенок.

Дыхание вернулось, судорога исчезла, а старик опять перешел на ворчание:

— Ты меня процентами не запугивай, а лучше все дело опиши. Может, я и братья за него не стану. И тогда давь сам своими процентами.

Пришлось прочитать лекцию на тему «Что такое йод и для чего он нужен?». Великого светлого волхва услышанное впечатлило. И он тут же задал два вопроса:

— Откуда тебе это известно? Из чего этот йод производится?

Что касается ответа на первый вопрос, то легенда была тщательно продумана. Мол, сведения почерпнуты из книги древнего китайского мудреца. Ее в незапамятные времена привезли в здешние края, но она долго лежала без перевода. А лет тридцать назад (по личному летосчислению того человека, который подселился в тело Шестопера, да еще проживал три века назад) забрел один азиат к местному капищу. Да и застрял надолго, переводя общинные харчи. Вот тамошний волхв и вручил дармоеду книгу для перевода, а в помощники-переписчики якобы назначил отрока Василия. Тот всю свою работу считал бесполезной, потому что ничего ценного, кроме большой монографии о йоде, в ней не было.

Да и те сведения за тридцать лет жизни порядком позабылись. Вот поэтому вместо мести хоппер наведаясь в храм возле капища и хорошенько освежил свою память троекратным прочтением собственноручно написанных когда-то строк. Так что теперь вся технология производства ему известна.

Старик хоть и хмыкал с недоверием, но в целом озвученную легенду воспринял на веру. Только поинтересовался:

— И где сейчас эта книга?

— Спрятал ее в подвале храма, чуть ли не под фундамент засунул. Храма-то я точно на том месте не видел в это время, но уж фундамент не должен пострадать. Если тоже не разобрали, конечно... Надо будет в следующий раз там покопаться хорошенько.

А вот когда Гонта узнал, из чего делается йод, ошеломленно воскликнул:

— Из водорослей?! Из самых обычных морских водорослей?

И дальше внимательно ловил каждое слово — как надо сушить собранные водоросли, сжигать в земляных печах, а уже потом, из полученной золы...

Глава двадцать вторая

ЛЮБОВНЫЙ МЕНИНГИТ

Гонта дал согласие и даже внес весьма дельные предложения по немедленной доставке нескольких возов водорослей с морского побережья. Мол, пока наладят их нормальный сбор, пока с земляными печами разберутся, здесь уже можно будет получить первый раствор йода и

провести его полевые испытания. Благо раненых и пострадавших даже в мирное время в большом городе всегда хватает.

Ко всему не мешает вначале здесь построить одну правильную печь, обучить на ней молодого смышленного парня, а потом его и отправить на морское побережье постоянным представителем, контролирующим качество, количество полученного пепла и его своевременную отгрузку в Вишин.

Понятно, широта мышления и возможности у старца — не в пример огромнее, чем у простого рыцаря.

А вот перед тем, как выпустить Грина на улицу, уже полноправный компаньон опять стал читать нотации:

— Никуда не выходи, в ссоры не ввязывайся, в сторону русской ведьмы даже не смотри, а лучше всего прячься от нее, как от разбушевавшейся грозы. Стихия и та не настолько бессердечная и черная бывает, как фарти, ярые или вампиры. И учти, если она до тебя дотронется повторно, тебе уже никто и ничто не поможет. Не смотри на ее юный, наивный вид, напомню: она может и старше тебя оказаться. И чем она старше, тем безжалостней. Тем больше живых людей превратила в трупы своими прикосновениями.

Василию пришлось скрыть свое недовольство подобной отеческой заботой, и он вынужденно пообещал:

— Ладно, постараюсь отмежеваться от любых контактов с ней. А что делать с одеждой? Другой нарядной у меня толком и нет, а портной придет через полчаса. Но пока он пошьет...

Старик задумался.

— Честно говоря... можешь в ней по цитадели и по городу ходить. Черных власнечей у нас вроде нет. Хотя три десятка, если не больше, арапов и полукровок наберется. И раз уж ты это надел, давай я тебе поясню, что и для чего может пригодиться. Вот, к примеру, эти наручи легко выдержат по два удара даже такого меча, как твоя...

Выяснилось, что иные детали одежды могли отражать молнии: одну или две. Щеголеватый шарф, если его распустить на полоски по три толстые нити, достигал десяти метров в длину и выдерживал вес самого рыцаря в экипировке. Верхняя часть камзола не пропускала удар острого кинжала. А удобные сапоги из кожи африканского животного не промокали. И не благодаря материалу, а по причине нанесенного внутрь и снаружи колдовства.

— Продавать такое?! — воскликнул Райкалин. — Да мне самому пригодится!

— Метки на них нехорошие, — покачал головой Гонга. — А вывести их можно, только разрушив силы защиты. И слишком они в глаза бросаются, даже юным, начинающим власнечам.

— Ладно, тогда принесу на продажу, как только что иное мне пошьют приличное, — согласился рыцарь, покидая башню.

Пересекая двор, старался даже не коситься в сторону княжеского терема. Как ни хотелось хотя бы попрощаться с ведьмой, слова великого светлого волхва возымели действие, помогли разуму возобладать.

Но окончательно он успокоился лишь в казарме, поднимаясь на второй этаж. Да и пока

вышагивал по длинному коридору в самый его конец, ничем не озадачивался. Насторожился лишь возле двери в комнату. Из-за нее раздавались голоса! Причем спорили явно две женщины и как минимум двое мужчин.

Райкалин чуть приоткрыл дверь и просунул голову в образовавшийся проем. На него не обратили внимания, зато он непроизвольно дернулся от количества посторонних в комнате. На одной кровати с Ольгердом восседали два молодых парня, лет по восемнадцати-девятнадцати. На другой кровати — две русские амазонки. Одну девушку он даже узнал: Сладика, которая обычно укладывала волосы госпоже. Они были увлечены спором о том, как правильно загибать край материи и класть стежок, а сидящая за столом в глубине комнаты дама в шляпке увлеченно листала какую-то книгу.

«Лучше уйти незаметно!..» — мелькнула здравая мысль. Но поздно... Ведьма повернула голову в сторону двери, и из-под вуали послышалось сердитое замечание:

— Чего так расшумелись? Не видите, что господин из-за вашего крика войти боится?

После этого позорно сбегать было не с руки. Василий вошел в комнату.

— В самом деле страшно! Показалось, что сюда вселились новые хозяева и нас со скандалом выгоняют.

Его тонкий намек, что он сюда никого не звал, был великодушно проигнорирован в первую очередь Зареславой:

— Мы встретили вашего оруженосца с портными и, когда узнали, что вы собираетесь делать заказ на пошив одежды, не удержались, чтобы не помочь советами и не поделиться опытом. Мои наперсницы — просто изумительные, великолепные швеи, для которых нет никаких секретов в рукоделье. И они готовы вам помочь в благодарность за помощь, которую вы оказали им, спасая из огня вчерашнего жуткого пожара.

— Да не стоило волноваться... и вообще, благодарить следует вас, сударыня, это вы вели нас из горящего дома...

— Полноте, доблестный рыцарь, не скромничайте! — перешла Зареслава на капризный и жеманный тон. — Мы дурного не посоветуем.

— Но... тут... э-э-э... — замаялся он, не зная, как удалить женщин из комнаты.

— Неужели вы будете стесняться при нас дать себя обмерить? — Из-под вуали послышалось насмешливое фырканье. — Или боитесь, что мы вас сглазим?

Сладика вставила невинное замечание:

— Такого не бывает, рыцари никогда и ничего не боятся. Тем более слабых и беззащитных женщин.

Стоило признать, что и обе амазонки являлись вполне приличными, желанными красотками. И умели кокетничать, флиртовать с особами иного пола. Почти все мужчины посматривали на них с вожделением, это Василий заметил еще в первую встречу на тракте. Да и сейчас три парня, сидящие рядком, пялились на девиц, не в силах отвести от них взгляды.

Но сам Василий, словно и не было никакой вуали, видел только лицо Зареславы. Получалось,

что никто и ничто не мешало им смотреть в глаза друг другу. Странное ощущение, но зато как вскипает кровь и возбуждается плоть! Так что все плотины, сдерживающие чувства, рухнули, и мужчина с головой окунулся в предложенный флирт:

— Рыцари в самом деле не боятся ничего, даже смерти. Но есть существа, перед которыми они пасуют и сдаются практически без боя. Мало того, чтобы как-то прикрыть свой позор, рыцари пытаются дарить этим существам роскошные цветы, красивые украшения и даже великолепные наряды. А напоследок еще и уговаривают этих существ не покидать их, соглашаясь жить у них в плену до самой смерти. Так что не стоит рыцарей хвалить за их бесстрашие, порой ведут они себя очень необдуманно.

Девушкам его речи понравились. Они понимающе заулыбались, примеряя на себя образ тех самых существ, которым все дарят, а потом носят на руках до самой смерти. Шестопер церемонно кивнул Сладике, завершая свой ответ на ее реплику, и тут же пожалел об этом. Девица жутко побледнела, дико косясь в сторону стола, а сидящая за ним Зареслава словно окаменела. Да и лицо у нее вроде как скривилось в капризном недовольстве.

Следовало срочно сменить тему разговора.

— Раз мастера уже здесь, то пусть приступают к замерам. А потом я нарисую, как вижу ту или иную одежду, где насколько удлинить и где следует расширить.

Василий снял наручи, пояс и верхний камзол с наплечниками, оставшись только в шелковой рубашке и штанах. Портные приступили к обмерам.

Девушки привстали, видимо тоже желая сделать мерки, но тут же уселись обратно, повинувшись короткому, еле слышному шипению своей госпожи. Взглянув в ее сторону, Райкалин заметил, как она грифелем заносит на клочок бумаги размеры, которые один портной диктовал второму.

«Зачем это ей? Уж не хочет ли ведьма заказать на меня хомут строго по размеру? Хм! Не дождется!»

Вспомнив сюжет книги «Мастер и Маргарита», Василий задал вопрос, обращаясь сразу ко всем:

— Кто знает, какие люди умеют летать по небу? — Очень захотелось узнать, что здесь в народе говорят о ведьмах, устраивают ли те шабаш, а если летают туда, то на ком или на чем. То есть используют в качестве средства передвижения голых мужчин, чертей или просто метлу?

Все оказалось банально и прозаично. Словоохотливые портные, перебивая друг друга и не подозревая, в чьем присутствии они находятся, пустились в пространные рассуждения:

— Нет, люди по небу не летают...

— А вот черные власнечи — те могут?

— Могут, но не все, только самые старые и древние.

— А в глубокой древности и светлые власнечи с волхвами умели, да ведьмы, силами громадными обладающие.

— Сейчас уже нет таких... Мельчают, разучились...

— Ну да, только некоторые старухи и умеют детей на рынке фокусами пугать.

— А вот Гонта, — решил внести конкретику рыцарь, — великий волхв, умеет что-нибудь толковое?

Энтузиазм портных сразу угас, слова они стали подбирать осторожней:

— Ну это нам знать не положено...

— Это вам, благородный рыцарь, поболее нашего известно...

— Мы только швейными делами интересуемся.

Шестопер не сдавался:

— Но уж в городе какую ведьму молодую да красивую знаете? Уж очень мне хотелось бы с ней пообщаться да о жизни ее веселой расспросить.

— Не-а, не знаем, — отмежевался один, а вот второй позволил себе порассуждать:

— Да и чего там веселого в их жизни? Старые, уважаемые люди бают, что жизнь у этих ведьм совсем несладкая. Зельями своими травятся, руки отварами уродуют, заклинания дни и ночи зубрят, голодом себя и лишениями истязают... А хуже всего, что любви и личного семейного счастья чаще всего лишены. Кто ж такую в жены возьмет, будь она хоть трижды красавица да умница?

В разговор неожиданно нервно вмешалась Зареслава:

— Но ведь берут их в жены, берут! Ведь почти все они детей имеют! Так ведь?

— Извините, госпожа, — поклонился в ее сторону портной, — но детей можно иметь и без замужества. А как по мне, то я бы с ведьмой даже и общаться не стал...

Он не мог видеть, как дама в шляпке краснеет от гнева. Но это отчетливо почувствовал-увидел Райкалин и быстро выдал одну из местных присказок-сентенций:

— Великая Макошь всех наделяет счастьем поровну.

Хорошо, что настала пора обсуждения самих элементов одежды, выбора материала среди принесенных образцов. Поэтому разговор сместился в иную плоскость. Рыцарь проявил твердость и настойчивость, ломая сопротивление портных, безжалостно топча навязываемые ими стереотипы. Особенно он настаивал на свободном шитье тех мест, где позже собирался собственноручно нашить карманы.

Приходилось маленько привирать:

— Вот здесь и во всех указанных местах у меня будут внутренние подкладки из брони. Не обязательно из стали, возможно, будут вставки толстой кожи.

— Зачем?! — поражался портной, тогда как девицы молча, но весьма интенсивно перерисовывали на свои листочки схемы и выкройки. — Ну здесь и здесь еще подобное возможно... А вот в этих местах вам элементарно не удастся закрепить толстые вставки. Они будут сползать во время движения!

— Потому и требую оставить там щели и запуски ткани, покрывающие друг друга, чтобы рука легко входила: буду при надобности тайную защиту поправлять.

— А эти странные куски тканей?.. Точнее говоря, обрезки?

— Они мне понадобятся для банальных заплаток. Потому что в этой одежде буду проводить и поединки...

— В парадной, выходной одежде?!

— Да! Сейчас стало модно в столице и такие поединки проводить... И вообще! Я вам плачу не за ваши возражения и советы, а за точное, скрупулезное выполнение всех моих пожеланий!

— Но это позор для нашего ремесла, — осмелился выдать из себя молодой мастер. — Наша репутация может пострадать.

— Внешне ничего не заметно? — напирал Василий. — Ничем не будет отличаться от пошива «как у всех»?

— Ну-у-у... если не обращать внимания на некоторую мешковатость, местами...

— Вот и отлично! Значит, и спорить больше не о чем. Можете отправляться работать! Вот вам задаток...

Может, мастера, полные амбиций, еще продолжали бы спор, но вмешалась дама в шляпке:

— Почему-то уверена, что мои наперсницы быстрее справятся с этим заказом, чем любой мастер этого города. Девочки, все перерисовали?

Они синхронно кивнули, и Зареслава милостиво разрешила:

— Тогда действуйте! А ткани выберете из наших запасов по своему вкусу. Чего не хватает, попросите у кастелянши князя или у дворецкого.

Ошеломленно поглядев вслед ушедшим красоткам, портные моментально подхватили свои сумки с образцами и схемами и с весьма озадаченными лицами умчались. Им бросили вызов какие-то (пусть и очаровательные на вид) чужачки, и, наверное, бедняги сегодня ночью так и не лягут спать. Теперь уже доказывать свое мастерство придется делом, а не на словах.

Еще Василию стало понятно, что посланник русского князя Берлюты сегодня никуда не уедет, даже если дилижанс уже исправен и готов к путешествию.

Задумавшись над странностью и неправильностью создавшейся ситуации, Райкалин слегка вздрогнул от неожиданности, услышав, как Зареслава командует его подчиненным:

— Ольгерд! Выйди в коридор и проследи, чтобы нам никто не мешал!

Оруженосец уставился на своего господина как баран на новые ворота. Но тот забыл о всяком благоразумии и лишь нетерпеливо махнул рукой: уходи! А сам потянулся к брошенному на кровать камзолу.

— Стой! — остановила его девушка тихим восклицанием. Сняла свою шляпку, облегченно выдохнула и пояснила: — На твоей одежде неприятные для меня метки, так что не трогай ее... пожалуйста.

— Так я сейчас... — Василий шагнул к шкафу, чтобы надеть что-то другое, но вновь был остановлен:

— Не надо! Просто присядь вот тут, рядом, мне надо с тобой поговорить.

— Да и мне интересно, — признался он, усаживаясь на стул, — с какой стати ты решила устроить состязание между портными? И кому собираешься дарить пошитую по моим размерам одежду?

— Конечно, тебе! — игриво улыбнулась она. — Хочу, чтобы ты меня вспоминал, когда будешь в подаренной одежде... Ты ведь будешь меня вспоминать, когда я уеду?

— Несомненно! Ведь ты носишь то же имя, что и моя возлюбленная!

— Ты ее так сильно любишь? — Девушка в явном расстройстве закусила губу.

— Больше собственной жизни! — закатил в восторге глаза Шестопер. — И печалюсь, что не могу ее сейчас обнять, крепко-крепко прижать к себе, вдыхая аромат ее сладкого тела и дивный запах волос! И целовать... Целовать ее нежную кожу, ощущая, как она с трепетом отзывается на мои поцелуи и подается навстречу...

Он избегал смотреть Зареславе в глаза.

— Твоей возлюбленной повезло иметь такого смелого рыцаря. — Голос ведьмы стал прерывистым, с чувственной хрипотцой. — Ты ведь и в самом деле ничего не боишься?

— Ничего!

— И даже когда держал меня за руку, не боялся?

— Нет! Я представил, что это рука моей суженой, и просто не в силах был от нее оторваться!

— Моя рука тебе настолько нравится? — Зареслава поставила руку на стол и наклонила кисть почти к самому лицу мужчины. — Она очень похожа на руку твоей возлюбленной?

— Несомненно!

— И ты не побоишься ее целовать, представляя, что перед тобой твоя Зареслава?

— Нет! — Василий с упоением прикоснулся губами к вожаденной руке. Ему остро, до потери сознания захотелось, чтобы второй рукой девушка коснулась его щеки, как в прошлый раз.

Почему-то и страха не было, и сомнения рассеялись. «Умру так умру... — шевелились мысли, словно чужие. — Смерть так смерть. Зато какое блаженство-о-о!..»

Ведьма будто опомнилась и начала плавно, но настойчиво вырывать свою ладонь из его пальцев. С некоторым недоумением он отпустил ее руку и услышал ну совсем охрипший голос:

— А теперь сиди и не шевелись. Иначе я не смогу себя контролировать и дотронусь до тебя не только второй рукой...

«Ну да, главное самому, добровольно не касаться вампира, — всплыло в памяти предупреждение. — Правда, она что-то недоговаривает... Знать бы что... Неужели возможно... хм! Вполне! Очень возможно совершенно немыслимое продолжение событий!»

Она тем временем встала за его спиной и положила руку ему на плечо. Затем ее пальчики с чувственным дрожанием коснулись шеи мужчины, обследовали ее и стали опускаться на грудь. Казалось бы, что в этой ласке-ощупывании особенного? Тем не менее замерший Райкалин забыл про дыхание, про весь мир вокруг и впал в какое-то отрешенное блаженство.

Даже мысли куда-то подевались. А тем временем рука, словно отдельное существо, совсем потеряла стыд, ощупав каждый миллиметр груди и начав опускаться на живот. Хорошо, что этому телу нисколько не было стыдно за свой пресс. На мышцах — ни капельки жира, сплошные кубики.

Пальчики с особым пристрастием исследовали пупок и, оставив его в покое, начали движение ниже... И тут в коридоре послышался возмущенный рев:

— Меня?! Не пускать?! — Голос принадлежал, несомненно, графу Левадскому.

Зареслава метнулась на свое место, уселась в непринужденной позе и даже успела надеть свою шляпку с вуалью. И когда посланник русского князя ворвался в комнату, его встретил холодный, если не сказать ледяной, голос:

— Вы что себе позволяете, граф?! Вас не учили стучаться?! Эй! — Это она уже крикнула витязям, удерживающим в коридоре оруженосца: — Отпустите Ольгерда немедленно!

Те не посмели послушаться. Граф принялся оправдываться:

— До меня дошло ужасное известие, что вас, сударыня, здесь удерживают силой. Поэтому я позволил себе действовать решительно, невзирая ни на что!

— Хорошо, раз все выяснилось, я вас больше не задерживаю.

— Но также должен с прискорбием сообщить, что после очередного саботажа я вынужден находиться возле вас неотлучно!

— С какой стати? — возмутилась Зареслава, явно недовольная еще и вторжением второго мужчины, который считался глазами и ушами самого князя Берлюты. Тот вошел тихо и бесцеремонно уселся на кровать одного из оруженосцев.

— Да с той, сударыня, что мы вновь столкнулись с откровенным вредительством. Доставленное железо, предназначенное для оси, было перегрето мастерами и теперь никуда не годится. Придется опять ждать новой поставки. То есть кто-то целенаправленно пытается нас здесь удержать любыми, в том числе и преступными способами. И мы уверены, что основной целью преступников является ваше уничтожение. Поэтому и вводим порядок военного времени. К тому же осмелюсь напомнить о двух пропавших где-то здесь миссиях, отправленных соседними князьями. А это уже более чем серьезно. И на нас тоже началась охота!

Ведьма умела ответить на любой выпад и при этом еще скрыть от посторонних завуалированную угрозу:

— Вы преувеличиваете, граф. Кому нужна скромная и тихая женщина? И наша миссия не в пример меньше предыдущих, незаметнее. Скорее это вы, как обладатель высокого титула, являетесь главной целью недоброжелателей. Советую вам немедленно запереться в своей комнате и до отъезда никуда из нее не выходить. Иначе вам может сильно не поздоровиться!

Посланник нервно сглотнул, но заговорил его пожилой спутник:

— Сударыня, хочу вам сообщить, что местный князь любезно выделил для нас две скоростные кареты для поездки в столицу. Так что сборы уже начались, и мы выезжаем через час. Хочу также напомнить, что если мы своевременно не прибудем в Слуцк, то наши враги окажутся при дворе Ярослава Хорфагера раньше. Мы упустили инициативу, а это его сиятельству князю Алексию Берлюте может очень не понравиться. Он в таких случаях впадает в ярость и начинает казнить правых и виноватых. В том числе может достаться на орехи и... нашим родственникам.

Он явно изменил местоимение. Скорей должно было прозвучать «вашим», тем самым указывая ведьме на ее место и напоминая, что даже на нее имеются сильные рычаги воздействия.

Девушка с минуту молчала, размышляя над ускользающим из-под ее контроля положением дел. Потом отчеканила приказным тоном:

— Мы уже раз навались на засаду монголов, в чем, как я считаю, прямая ваша вина, граф, и вашего советчика. Об этом вашем упущении я уже отправила доклад нашему князю. Но рисковать миссией еще раз я не позволю, нам необходима усиленная охрана. И я сама решу этот вопрос. Поэтому выезжаем завтра... и не утром. А после обеда. Ну а пока, граф... можете меня сопровождать!

Она встала и неспешно направилась к двери. На пороге остановилась и обратилась к Шестоперу:

— Благодарю доблестного рыцаря за беседу о делах вашего королевства. Пока не прощаюсь, мы еще сегодня вечером увидимся. Предстоит важное обсуждение по поводу одного имеющегося у меня украшения.

Шестопер сразу догадался, что речь идет о невзрачном серебряном колечке, которое он подарил ведьме взамен лекарства. «Наверное, просто повод для встречи, не более, — предположил он. — Эх, как же не вовремя сюда ворвался этот вредный и противный граф!»

Глава двадцать третья

НОВЫЙ ПОМОЩНИК

Остаться наедине с грустными мыслями Райкалину не позволил Ольгерд. Дверь он плотно закрыл, еще и засов зачем-то задвинул, и принялся извиняться:

— Грин, поверь, не смог я графа удержать! Да и витязи меня как кутенка прижали.

— Да ладно, дружище, я тебя не виню и все понимаю. Но... дверь-то зачем запер?

— Там вдалеке рыцари Найт, Нинбург и прочие роились. Вполне возможно, что сейчас уже сюда идут...

Словно сглазил! Дверь дернулась, потом затряслась, словно кто-то ее интенсивно пытался открыть, послышались недоуменные ругательства. А Шестопер уже пошел открывать, приговаривая:

— Чего нам прятаться в собственной комнате? И что это даст?

В самом деле, как-то не верилось, что прямо вот здесь, в казарме, обнаглевший Коннеш со своими дружками затеет потасовку, а то и жестокую драку с применением оружия. А

прятаться или таиться — так воплей о трусости будет втрое больше.

Открыл и хмыкнул одновременно со стоящим за дверью Петри.

— Чего это вы?.. — спросил тот, входя.

— Прячем золото и бриллианты! — спрятал за шуткой свое раздражение Райкалин. — А ты где так долго бродил? Отыскал нужных купцов?

— Увы! Нет никого в нашем городе, кто имеет постоянные связи с морским побережьем. Очень редко ездят. Только одного типа отыскал и то избегался. Вроде он не из местных, но кто такой — я так и не понял. Так он как раз завтра утром отправляется с обозом в столицу, а из нее сразу к морю. И если хочешь с ним встретиться, то надо через час быть в корчме «Жареный карасик», этот купец там собирается ужинать.

При упоминании об ужине Василий прислушался к себе и понял, почему ощущает некий дискомфорт: очень хотелось есть. И удивляться этому не приходилось — организм молодой, здоровый. Да и желание поесть вкусно сразу возобладало над скупердяйскими размышлениями.

— Тогда и мы в том «Карасике» отужинаем! — Но хомяк все-таки отозвался из глубин бережливой природы: — Конечно, и казенное питание жалко пропускать...

— Так давай наши пайки у интенданта заберем! — возмутился Ольгерд. — Это же всегда делается, когда с казарменного довольствия снимаются и на свой кошт переходят. Кто вне казарм живет, все так поступают.

Хотелось на парней прикрикнуть: «Что же сразу не сказали?!», но Василий вовремя спохватился, что сам о таких вещах должен знать. Поэтому лишь деловито распорядился:

— Хорошо, отправляйтесь куда надо и забирайте наши продукты на всю предстоящую неделю. О! Можете их сразу в наш арендованный дом отвезти. Старики ведь нам разрешили помаленьку перебираться с вещами. Встречаемся в корчме. А я тут пока кое-какие записи сделаю...

На самом деле он вспомнил про зеленого лягушонка, подумав, что тому ужин тоже на пользу пойдет.

Оруженосцы подхватили тележки и, оживленно переговариваясь, поспешили к коменданту цитадели. Подобная предусмотрительность и новые черты в характере господина-товарища им нравились, и они этого не скрывали. Да и предстоящее проживание в отдельном доме, несмотря на дороговизну подобного удовольствия, их весьма прельщало. Тема, которую они начали обсуждать, покидая комнату, касалась подбора служанки. Парням хотелось, чтобы она не только готовить отлично умела, а и прибраться по дому успевала... и чтобы не старой была...

Дальше Райкалин не услышал, он запер дверь на засов — мало ли кому придет в голову ворваться без стука? — и с сумкой уселся на кровати.

— Ну? И как тут наша зверушка поживает? — бормотал он, нащупывая лягушонка и доставая его на свет. — О! И курагу всю съел! Понравилась?..

И замер в ступоре от четкого осознания чужого вмешательства не столько в собственный мозг, сколько в собственные мысли: «Сам ты зверушка!»

Показалось, что это кто-то со стороны возмутился, настолько инородно пробилося это в сознание Василия.

Могло ведь и почудиться. Тем более что интонации и раздраженный голос словно принадлежали отроку, у которого только-только стал басок прорезаться. Василий заозирался, пытаясь увидеть неведомого диверсанта.

«И не дави меня так! — вновь слышалось в сознании. — У меня сейчас все внутренности выдавятся, вместе с курагой твоей!»

Пока Василий разжимал ладонь и пялился на заметно подросшее нечто, последовало продолжение монолога:

«Мне, конечно, сладкое нравится, но в умеренных количествах. Или ты не знаешь, что меня надо кормить молоком и прожаренной печенкой? Кстати, у меня имя есть: Боджи Секатор. И мне вполне нравится сокращенное Бо...»

После чего существо, называемое домовой, или смерчень, раскаталось в зеленоватый блин с матовыми разводами и обернуло собой пальцы человека. Еще и прокомментировало свои действия:

«Голодный как волк! Так что беру две капельки сразу...»

Последовали уколы в два пальца. Вот тогда уже никаких сомнений не осталось как в разумности трофея, так и в его умении общаться.

— Так ты что, разговаривать умеешь? — выдал из себя Шестопер.

«С чего это ты взял? — ехидным тоном поинтересовалась зверушка. — Ты разве меня ушами слышишь?»

— А-а-а! То есть ты ментально со мной общаешься?

«Ну вот! Не прошло и полгода, как последовало первое озарение! — ехидничал Боджи Секатор. — Кстати, ты тоже можешь со мной не вслух общаться, а мысленно. Просто конкретно направляй свое сообщение на меня и представляй себе, что обращаешься вслух именно ко мне. Пробуй!»

Вроде все просто казалось, а получилось донести свою мысль домовому только раза с десятого. Но в дальнейшем общение пошло по нарастающей. За полчаса рыцарь узнал о своем трофее уйму интересных разностей и кучу интригующих полезностей. Хотя изначально смерчень удивился:

«Ты откуда такой неграмотный незнайка свалился? Каждый владелец боевого смерченя получает прежде всего определенные знания о нем. И только тогда начинает подбирать себе соответствующего помощника. Как это у тебя получилось-то стать доминантом?»

По его словам, выходила некая несуразица. Постороннему власнечу сложно привлечь на свою сторону (читай — покорить грубой силой) даже бытового смерченя, которых называли жбанниками. А уж боевого пленить — вообще редкость. И это невзирая на гибель прежнего владельца. Лягушонок так и заявил: «По всем моим понятиям, я должен был тебя убить. Потом — сам умереть. Потому что тотальное неповиновение моему прежнему власнечу-доминанту, а тем более соприкосновение с его кровью обязательно должно было привести меня к смерти».

Начали разбираться, выяснять, почему все пошло не по правилам. Оказывается, и подобные создания получают психологические травмы, после которых частично теряют память. Потому что ничего толком о последних днях жизни домовой не помнил.

Боджи Секатору врезалось в память: доминирующий власнеч — великое зло, и это зло следует уничтожить любой ценой. Практически добрые полгода жизни в избе черного колдуна, окопавшегося в веси Тарки, остались неким туманным пятном. Только прорывались в сознание сцены каких-то пыток, убийств и резни. Ну и разгоралось желание как можно быстрее с этим покончить.

Смерчень отчетливо помнил свое потрясение, когда не выполнил очередной приказ арапа. И боль! Жуткую боль, охватившую каждую клеточку плоти и грозящую убить за невыполнение приказа. Потом что-то ударило Боджи, и тут же его накрыло благодатью, пряча от смертельной боли. Через короткое время окружающая благодать отправила боевого смерченья в полет, несомненно с одной целью: убить! И потерявший приоритеты в командах, растерявшийся Секатор снес часть черепа колдуна. Но по дивной случайности это полностью соответствовало его прежним замыслам.

После убийства Боджи четко осознал две вещи: мечта осуществилась — он убил доминанта; теперь ему жить осталось совсем недолго. Потом наступил мрак, изредка сглаживаемый благодатью. И дальний фон сознания сообщил, что теперь у домового появился новый доминант. Оставалось только одно: постараться выжить. Что он и пытался делать эти несколько дней на пределе всех своих жизненных сил.

Осознал себя лишь недавно, после мощного импульса ментальной энергии со стороны нового доминанта. Видимо, тот ощутил нечто особенное, сверхэффективное. Проснулся, порадовался четкому пониманию окружающей обстановки и даже стал вести наблюдения. Иначе говоря, Боджи пришел в себя во время телесного контакта Грина с ведьмой. Точнее, когда она весьма фривольно ощупывала тело рыцаря.

Смерчень выглянул из сумки наружу и даже испугался вначале. Потому как его новый доминант, обладающей странной манящей благодатью, был на волосок от гибели. Что такое энергетические вампиры, смерчень знал. Даже уничтожил четверых за свою боевую биографию. То есть пусть с некоторыми оговорками, но он мог уничтожить человеческую самку, которая казалась смертельно опасной для любого человека вообще.

Но! Новый хозяин-доминант на помощь не звал, страха не испытывал, зато был полон восторга и предвкушал кульминацию удовольствия. И в ауре ведьмы не наблюдалось желаний убивать. Поэтому Боджи не стал проявлять инициативу, а вернулся в сумку доедать курагу. Однако слушать и иногда поглядывать наружу не прекращал. В обстановке разобраться не успел, но весьма к этому стремился.

Не меньше мечтал разобраться в доставшемся ему чуде Райкалин. Поэтому перешел к более конкретным вопросам:

— Сколько тебе лет?

«Точно не знаю, — признался смерчень. — Но по человеческим меркам я старый. Мне не меньше ста, но не больше ста тридцати лет. Ты у меня уже восьмой доминант».

От такой информации мурашки по телу пробежали. В голове не укладывалось, как такое маленькое и хрупкое на вид создание могло существовать столько лет, пережить семерых колдунов да вдобавок уничтожить четверых энергетических вампиров?

— Бо, ты теперь будешь следить за порядком в доме и защищать его?

«Ты издеваешься?! — не на шутку обиделся Секатор. — Это бытовые домовые уборкой занимаются! Потому их жбанниками и зовут. У каждого своя стезя в жизни, неужели не понимаешь? Или тебя, рыцаря, выгоняют по утрам подметать двор и чистить конюшню?»

— Понял, ошибку признаю. Но тогда получается, что ты не привязан к одному месту жительства и можешь действовать где угодно?

«Не сомневайся! Почти в любом месте могу оказать помощь, в меру своих сил, которые не беспредельны. Разве что пока мне с кровью вообще связываться нельзя, могу опять потерять сознание и заболеть. Исключения представляют лишь дома с иными смерченями. Там наши силы в большинстве случаев нивелируются одним лишь присутствием друг друга. Но порой и там имеют значение сила, возраст и опыт. А про себя могу сказать без ложного хвастовства: что сил, что опыта у меня хватает».

Это заявление, да и весь разговор произвели на рыцаря огромное впечатление. В первую очередь тем, что разумное существо оказалось по уму равным человеку. Боджи Секатор умел язвить, шутить, злиться, обижаться и ко всему изящно выражаться высокопарными фразами и оперировать весьма сложными понятиями. Словно он за плечами имел как минимум одно высшее образование.

А как такое может уместиться в небольшом кусочке органической — ну ладно, пусть частично искусственной — плоти? Человек из двадцать первого века, конечно, сразу подумал об искусственно сотворенном андроиде или роботе, напичканном кусками искусственного интеллекта. Но ведь никакая компьютерная программа не сможет вести общение на подобном «живом» уровне. Это Василий, разбиравшийся в оргтехнике, понимал прекрасно.

Жаль, что сразу много чего не успели выяснить. Рыцарь вспомнил, что надо идти в корчму, где его ожидает встреча с купцом. А там и поужинать не повредит. Потому предупредил:

— Мне надо выйти в город. Останешься здесь или...

«Конечно, с тобой! — Смерчень настолько экспансивно ответил, что попутно еще и пискнул несколько раз. — И не забудь именно для меня заказать жареной печенки. Потом попросту уронишь кусок на пол, а я незаметно для всех спущусь к нему по штанине».

— Извини, Боджи, а как тебя отныне носить? Все в той же сумке?

«Извиняю! А носить меня лучше за пазухой, но обязательно оставлять щель в одежде, чтобы я мог выбраться для разведки или для ведения боевых действий».

— То есть ты сквозь предметы или хотя бы сквозь ткань просачиваться не умеешь?

«Однако! Вопросы у тебя! — Смерчень явно посмеивался. — Да любой безграмотный крестьянин знает, что это невозможно!»

— Но в легендах рассказывают...

«В сказках чего только не рассказывают! Тогда как большинство легенд как раз самые опытные сказочники выдумывают. А поближе к тебе я должен находиться для постоянного контакта с твоим телом. В таком случае мы сможем общаться на ментальном уровне, как вот сейчас делаем. Ты мне мысленно отправляешь свои просьбы и пожелания, а я их стараюсь

выполнить по мере своих сил и возможностей».

Райкалин сильно засомневался в правильности формулировки. Как это — просьбы и пожелания? Насколько он понял, он, как доминант, имеет право приказывать, и всякое пожелание тоже должно расцениваться домовым как обязательное к немедленному выполнению. Иначе доминантам насылается жуткая боль за любое неповиновение.

Но заострять внимание на этой теме пока не стал, упрятал плоский блин под рубашку на груди и начал поспешно надевать ранее сброшенные части одежды и боевого облачения. Диалог при этом не прерывался, став полностью ментальным:

«Насколько я помню, черный власнеч тебе отдавал приказы меня атаковать на расстоянии. И ты еще при этом летал...»

«Летают мухи и птицы! — Все-таки господин Секатор являлся скорее язвой или ехидной по характеру. — А мы, боевые смерчени, левитируем. Недалеко и не слишком быстро, но все-таки... А нападая на тебя и пытаясь, как ты утверждал, отрезать тебе ногу, я скорей всего просто подпрыгивал с пола. Ну и по поводу... распоряжений. Старый колдун силы имел огромные, как и возможности почти неограниченные. На расстоянии пары метров он и в самом деле мог отдать мысленную команду. Но тебе таким никогда не стать. Кишка тонка. Ну и ты сам говорил, что он вслух команды выкрикивал, значит, расстояние не позволяло отдать мысленную команду».

В самом деле, все так и обстояло. Хотя было бы феноменально: отдать в нужный момент нужный приказ такому помощнику, как смерчень. Боджи подкрался к врагу, нанес повреждение или отвлек внимание — и вот победа за нами. Тем более что иногда ни убивать, ни калечить противника не надо. Достаточно просто припугнуть, помешать, в крайнем случае — настучать по репе. Доводить разборки до крови истинным пацифистам не пристало.

Правда, к последним Райкалин себя относил лишь постольку-поскольку. Особенно в молодости любил кулаками помахать, да и с оружием лихо управлялся. Это уже с возрастом остепенился, стал лучше разбираться в человеческой психологии и понял: высший профессионализм — это избежать столкновения. А уж выйти из него победителем — второй вопрос.

Поэтому, пока шел в корчму, несколько раз спросив дорогу у горожан, предусмотрительный Василий оговаривал со своим новым помощником условные словечки или фразы. Услышав их, смерчень обязывался не столько калечить противников, как совершать мелкие пакости. Пусть это и недостойно звания рыцаря, но Райкалину было глубоко плевать на какую-то там честь, кристальную честность и незапятнанную репутацию.

Конечно, для виду законов рыцарства придется придерживаться. И очень строго! Но внутренне выходец из двадцать первого века мог позволить себе все что угодно. Тем более что убивать налево и направо ему претило из-за твердо устоявшегося чувства справедливости. А для достижения благих целей все средства хороши.

Ко всему прочему Боджи Секатор тоже был подвержен идеалам высшей справедливости. Несмотря на свою язвительность и страсть к ехидству, в душе своей он являлся существом добрым, даже сердобольным. Об этом свидетельствовал хотя бы тот факт, что он собирался и таки убил своего прежнего доминанта, коварного и злобного колдуна, пролившего немало человеческой крови. Черные ритуалы, бессмысленные смерти невинных людей и страшная ворожба арапа вызывали у смерченя ненависть и резкое отторжение.

Иначе говоря, человек и его новый сообщник оказались одного поля ягодами и просто обязаны

были быстро сработаться, найти общий язык.

Глава двадцать четвертая

ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ

Корчма «Жареный карасик» выглядела солидно, что снаружи, что изнутри. До лучших ресторанов развитого мира, конечно, явно недотягивала, но уж всяко лучше и приличней смотрелась, чем подобные заведения на Руси, появившиеся в семнадцатом-восемнадцатом веках. Это если судить по гравюрам да историческим описаниям, ибо Райкалин никак не мог лицезреть собственными глазами прошлое своего мира. Зато здесь порой такие детали открывались, что оставалось только хмыкать озадаченно.

Например, в данном «Карасике» имелось два зала на разных уровнях, и каждый со своим отдельным входом с наклонно идущей улицы. Нижний зал — для посетителей попроще, а верхний — для рыцарей, купцов, чиновников, княжих людей и прочих, кто лишь по внешнему виду причислялся к состоятельному сословию. В верхнем, более чистом и светлом зале и кормили лучше, и подавали быстрее. Хоть и стоило это несколько дороже. Но высший сервис озадачивал сам по себе: разве возможно подобное в Средние века?

Поневоле задумаешься: а нет ли здесь еще людей из иных эпох? Из будущего? Из иных миров? До огнестрельного оружия пока не дошло, но несомненный прогресс налицо. Чего только стоят фаянсовые тарелки, вилки, ножи, льняные салфетки и стеклянные бокалы на столах!

Оруженосцы ожидали Шестопера в нижнем зале, заказав себе квас. Петри поспешил навстречу рыцарю, указывая на искомого купца. Тот сидел в уголке зала, вместе с громадным воином, скорей всего телохранителем.

Грин отпустил Петри, укорив напоследок, что они себе до сих пор ничего не заказали:

— Ни в чем себе не отказывайте, мы теперь не бедные.

— Спасибо, — в сомнениях поблагодарил парень. — Просто страшно, привыкнем к хорошему, а вдруг скоро отвыкать понадобится? Кстати, старики уже почти все свои вещи увезли, разрешили нам с самого утра заселяться. И обещали прислать завтра с утра парочку хороших кухарок, чтобы можно было выбрать.

— Отлично! Значит, завтра будем уже обедать в райских условиях! — порадовался рыцарь и направился к нужному столу.

Купец был худощавый, но жилистый. Выражение лица надменное, как и у его телохранителя. Носы у обоих с горбинкой. Оба мужчины гладко выбриты и сошли бы за братьев, если бы не существенная разница в габаритах. Обоим на вид за тридцать пять.

Грин подошел, поздоровался. Представился и поведал, по какому вопросу. Получив приглашение, уселся и сделал заказ подскочившему половому. Пока тот бегал на кухню, обрисовал купцу суть своего необычного заказа.

Купец слушал внимательно, кивал солидно, с достоинством. Отвечать тоже не спешил, обдумывал. И только когда рыцарь толком поел, изложил свои соображения:

— Сразу предупреждаю, вернемся мы с обозом не раньше чем через две с половиной — три недели. Деловых партнеров у меня на побережье скорей слишком много, чем недостача. Через

них могу наладить поставки в будущем на постоянной основе. С водорослями тем более проблем нет, их на берег выбрасывает после каждого волнения и тем более шторма. Только успевай собирать да просушивать. С ямами для сжигания — да, будут некоторые проблемы, но думаю, что справимся. А вот что касается оплаты за работу — такой риск я на себя взять не могу. Дело новое, смысл для меня совершенно непонятен. Так что вам, доблестный Шестопер, следует внести аванс в размере пятидесяти, а то шестидесяти золотых. Как только я привезу вам первую золу и вы за нее окончательно расплатитесь, я тут же отправлю голубиной почтой письма своим партнерам, и нужный вам компонент пойдет сюда нескончаемым потоком.

Солидно так объяснял, обстоятельно. И по существу. Особенно про риск все правильно сказал. И будь сейчас у Василия сотня золотых, не раздумывая выложил бы купцу требуемые пятьдесят. Уверен был, что окупится это вложение как минимум вдвойне.

Увы! Таких денег у него не было. И собрать нужную сумму не хватало времени. Ведь караван уходил из города завтра, рано утром.

Грин покривился, с досадой признаваясь:

— Сейчас таких денег у меня нет. Слишком большие сегодня были расходы. Вот к завтрашнему вечеру они у меня будут. А к утру насобираю в лучшем случае всего лишь тридцать золотых. — Заметив скептический взгляд купца, чистосердечно добавил: — И то надо будет сейчас посоветоваться со своим личным казначеем, а потом еще дождаться вечернего поступления денег.

Это явно подорвало доверие к нему, потому что купец стал выпрашивать о конкретных суммах сегодняшних расходов и куда они пошли. Пришлось рассказать об аренде дома, чуточку приукрасив выдумкой о покупке мебели и нового оружия. И намекнуть о еще не проданном наследстве, которое завтра тоже будет иметь спрос на рынке.

Попутно Василий вел диалог со своим новым помощником. Причем диалог инициировал сам смерчень, заметив:

«Не нравится мне этот купец. Какой-то он лживый насквозь. И приятель его...»

«Зря ты так, видно ведь, что солидный дядька. И по внешности, и по суждениям. А приятель его вообще молчит, ни во что не вмешивается».

«Кто бы говорил! Ты ведь ауры даже не видишь, а вот меня больше всего насторожило крайнее удивление этого громилы. Особенно когда купец начал разглагольствовать о партнерах и задатке».

«И из-за такой мелочи ты собираешься обвинить человека в неискренности? — удивился рыцарь. — Не слишком ли?»

«Так мы легко можем проверить, кто из нас прав, — предложил Боджи. — Сейчас выползаю по твоему рукаву в ладонь, и ты меня прислони к столешнице снизу. Сам уходи советовать с казначеем, а я подслушаю, что они станут говорить про тебя. Действуем!»

Уже интересно: домовый отдает приказы своему доминанту. Но игнорировать подобное предложение не стал бы ни один человек, находящийся в здравом рассудке. Поэтому Грин вежливо поставил купца в известность:

— Уважаемый, я минут на десять покину вас, чтобы посоветоваться со своими помощниками.

Может, они чего подскажут, но пока гарантирую вам на раннее утро тридцать золотых. Доставлю их прямо к воротам на выезде из города. А вы пока спокойно обдумайте мое предложение.

Встал и отправился в нижний зал, к оруженосцам. Тогда как никем не замечаемый Секатор услышал каждое произнесенное за столом словечко.

— Ты чего это, Педро? — выплеснул из себя изумление здоровяк, едва рыцарь удалился на пару десятков шагов. — Какие партнеры? Какие водоросли, если мы на самом деле вообще в другую сторону отправляемся? Оно нам надо?

— Хорошо хоть при этом дурачке удержался от таких вопросов, — начал купец с нравочений. — Молчание — золото! А по поводу водорослей — так это полный абсурд, никто с ними возиться не собирается. Нам бы трофеи довести до условленного места ниже по Днепру да на корабль с ними благополучно загрузиться. Хоть я бы предпочел их продать здесь или в Слуцке. А там прощай дикие язычники и здравствуй наше теплое море!

— Чего ты тогда обещаешь? — никак не мог понять его подельник.

— Ха! Неужели мне помешает лишних тридцать золотых? Ну? Дошло наконец-то? Человек сам подходит и предлагает деньги, и надо быть идиотом, чтобы от них отказаться.

— Ну да, что-то я не сразу сообразил, — заулыбался громила. — Мы и здешних купцов многих нагрели, взяв от них разные мелкие заказы. Лепота!

— Ага! Будет на что вина отличного прикупить для дальнего плавания, — радовался коварный Педро.

Однако его напарник рассуждал иначе. Он оказался довольно грамотным специалистом по оружию и снаряжению:

— Но я тебе больше скажу, то, что на рыцаре и при нем, стоит несравненно больше, чем пятьдесят золотых.

— Неужели? — не поверил купец.

— Ну в этом-то ты со мной спорить не станешь! Наручи у него и меч — особенные. Я не власнеч, понять не могу конкретно, но стоят они солидно. Плюс иные части одеяния особого покроя. Очень мне напоминают зачарованную одежду одного африканского фарты. Пока его убивали, он три десятка воинов положил, причем не из последних.

— Да помню... И что ты предлагаешь?

— Так выходить еще в сумерках будем. Когда этот олух деньги принесет, по голове его тукнем да в телегу забросим. Потом разденем, в лесу листьями присыплем, и вся недолга. Хе-хе!

— А если кто хватится? Или с ним придет?

— Положись на меня. Наши лучники — лучшие, расставим в нужных местах, всех ранних пташек положим. И все следы быстро уберем. Рыцарь ведь в отдельном доме живет, его еще долго никто не хватится в казармах. Наши люди из цитадели тоже пособят в этом плане, надо будет только при прощании парочку слов им шепнуть. Да и вообще, с нами его исчезновение трудно связать, разве что он сам растреплет. Но ты уж его предупреди, мол, мы с дорогим

грузом и с деньгами отправляемся и не желаем, чтобы об этом посторонние знали.

— Ну ладно... — задумался Педро. — Попробую этого оленя нагрузить обязательствами насчет дополнительной конспирации... О! Возвращается. Сделай морду поприветливее и не так откровенно пялься на его одежду и оружие.

Вновь усевшись за стол, Райкалин начал с твердого обещания, что к утру точно будет тридцать золотых. А при благоприятных обстоятельствах и все сорок. Уж очень ему хотелось как можно быстрее заработать на производстве йода.

Но его энтузиазм угас, когда он услышал от Боджи пересказ подслушанного разговора и конкретные итоговые рекомендации самого смерченья:

«Трофеи у них — слишком заметные. Не иначе как их разыскивают, значит, сняты они с очень важных персон. Ну и понятно, что они сами либо из Римской империи, либо из Греческого царства. Что почти одно и то же. И не забывай о предателях, которые на них работают в цитадели. Так что сам ты с ними не справишься, а лучше всего совсем с этими типами не связываться».

«Оставить все как есть?! — взвился мысленно Райкалин. — Дать уйти этим шакалам?! С какой такой стати?»

«Причина одна — предатели, работающие на этих типов в цитадели, — довольно логично рассуждал Секатор. — За оставшееся время мы их никоим образом не сможем вычислить, а ими могут оказаться кто угодно, начиная от оруженосцев или поваров и заканчивая самим князем. Ты ищешь помощников — и случайно нарываешься на врага, с той самой минуты начинается отсчет последних минут твоей жизни. Согласен?»

И ведь знал лягушонок, что говорил, знал! Хотя, если вспомнить о его возрасте, человеку из иного мира следовало прислушиваться к каждому слову домового, прозвучавшему в процессе ментального контакта. Следовало, но...

«Нет, дружище Бо! Так не пойдет, — твердо заявил Василий, в то время как вслух уже начал оговаривать с лже-купцом место и время утренней встречи. — Подобных гнид упускать нельзя, и уж всяко-разно я отыщу нескольких человек, которые мне помогут!»

«Ладно, смотри сам, — сдался смерчень. — Это у тебя тут целая казарма друзей, ведьма в любовницах и небось сам князь в приятелях. Разбирайся, как можешь. Ну и я постараюсь помочь».

К тому моменту и с Педро удалось оговорить четко время, место и сам процесс передачи денег. Купец настаивал, что он напишет расписку в получении денег и заверит своей торговой печатью. Такое заверение звучало солидно. Если бы не подслушанный разговор, Райкалин все до медяшки отдал бы иноземному шпиону.

Да и сам бы под топор голову подставил. Потому что здоровяк улыбался вполне искренне, радовался, собака, предстоящим трофеям.

Со стороны могло показаться, что сотрапезники расстались добрыми друзьями. Однако, выйдя из корчмы, Василий заявил оруженосцам:

— Вам я верю. А вот купцы в некоторых вопросах прокололись, опростоволосились. Да и мои знания кое-каких событий позволили выявить ярых врагов нашего королевства. Мало того,

скорей всего в цитадели у них имеются сообщники. Поэтому нам надо действовать самим, быстро, не поднимая панику в стане неприятеля. Таких надо уничтожать, если не удастся захватить живьем. Поэтому к готовящейся на меня засаде следует приготовить встречный сюрприз. Основу группы я уже продумал, но и ваше мнение мне весьма поможет. Представьте себе, что я ничего ни о ком не знаю и все теперь зависит от ваших характеристик. Быстро, четко и сжато перечислите лучшие или отрицательные качества каждого известного вам рыцаря. Я хочу знать, насколько тот или иной человек честен, открыт, храбр и так далее. Начали!

Петри все-таки решил уточнить:

— Если ты собрался кого-то убить, кто за это будет нести ответственность?

— Только я! И вы знаете, перед кем я буду отчитываться.

Оруженосцы приступили к подробному описанию возможных союзников, завершая каждую характеристику краткими выводами. Если им верить, получалось, что большинство рыцарей можно было поднять среди ночи, сказать «Надо!», добавив «Клянусь рыцарской честью!», и они пошли бы рубить кого угодно. В меру, конечно, без фанатизма. Тех же горожан они ни за что не стали бы убивать без веских причин.

Но и некие темные лошадки, скрытные и подозрительные типы в рыцарскую среду затесались. Один невесть на что живет, излишне тратя. Другой — покупает недвижимость, ничего раньше не имея за душой. Третий — без меры жадный и слишком многих презирает. Четвертый и вовсе поступает не по-рыцарски в каких-то важных мелочах.

Пусть Петри с Ольгердом только год (о, удалось и это выяснить попутно!) здесь подвизались при молодом рыцаре Шестопере, но сумели узнать уйму полезных сведений. Недаром говорится: о чем господа еще не догадываются или пытаются умолчать — кухарки с конюхами давно обсудили и уже забыть успели.

И что интересно, некоторые рыцари, которых Грин записал во враги и в личные недоброжелатели, оруженосцами рекомендовались как надежные соратники, которым можно доверить прикрывать спину в бою.

В любом случае он для себя сумел составить некий список из десятка, а то и пятнадцати товарищей, которых можно было утром пригласить на randevу с фальшивым купцом. И, входя в цитадель, уже прикидывал, к кому обратиться первому.

Вот тут и пошло крушение всех планов. Стоящий на входе дежурный передал приказ:

— Шестопер! Немедленно явиться в приемную палату князя! Тебя уже по всему городу полчаса ищут, с ног сбились. Сам великий светлый волхв Гонта сюда два раза прибежал, о тебе спрашивал. А ты и сам явился не запыхавшись.

— Понял, уже бегу! — ответил Грин, поспешно отдавая распоряжения парням: — Пока ничего не предпринимайте, но сами приготовьтесь! И это... волнуясь я что-то, все из головы вылетело... Кто мне напомнит, как правильно надо князя приветствовать?

Уже ничему не удивляясь, оруженосцы дали ему необходимую консультацию.

Отправив их в казарму, Василий обратился к Боджи: «Может, ты где-то в другом месте пересидишь? Все-таки рядом с нами будет находиться о-го-го какой власнеч!»

«Ну и что? — хмыкнул домовой. — Если я ему на глаза не покажусь, он меня и не заметит. А нужную подсказку всяко тебе дать успею. С этими князьями всегда ухо надо держать востро, неизвестно, что им в голову взбредет. Или ты догадываешься, о чем речь пойдет?»

«Ни малейшего понятия! Разве что... граф Левадский пожаловался на мою неуместную дружбу с ведьмой? Но неужели князь станет в такие мелочи вникать?»

Хорошо хоть Василий заранее разведал, где что находится, так что в приемную палату шел прямым курсом, ничего и ни у кого по пути не спрашивая. Завидев его издали, глава княжьей стражи нырнул на минутку в парадные ворота терема, потом появился вновь и распорядился:

— Меч тут оставляй, негоже с такой оглоблей здесь хаживать. И заходи!

Рассмотрев всех присутствующих в палате, Райкалин признал свои предположения сбывшимися. И посланник князя Берлюты здесь был со своим неразлучным надсмотрщиком и несколькими людьми сопровождения, и Зареслава, довольно вольготно, пусть и нервно расхаживающая по мраморным плитам пола. Стоял в сторонке баннерет Молнар и еще два рыцаря одного с ним ранга. Поблескивал своими доспехами маршал в окружении нескольких воевод.

Ну и на некоем подобии деревянного трона восседал неожиданно молодой, лет двадцати на вид, князь. Среди его окружения выделялась статная старуха с высокомерным взглядом, стоявшая справа от трона. А слева, опираясь на свой посох, застыл великий Гонта.

«Меня либо казнить собрались, либо женить», — обреченно подумал Василий, приветствуя главного здешнего работодателя несложным комплексом церемониальных жестов, а потом и поклоном. Мелькнула мысль, что следовало раньше отказаться от рыцарства и от службы, но кто даст гарантию, что новоявленного купца еще быстрее не отволокут под ручки к князю? Никто! Так что еще неизвестно, кем быть проще. Рыцарь — он и в Африке рыцарь, а вот купец...

С предположениями своими не угадал. Потому что без каких-либо расшаркиваний маршал шагнул вперед и заговорил ровным, если не сказать скучающим, голосом:

— Господин рыцарь! Вы, наверное, в курсе, что в нашем княжестве уже исчезли две миссии из Великой Скифии. А тут еще и на третью, возглавляемую графом Левадским, совершено разбойное нападение. Начались странные поломки, совершаемые неизвестными саботажниками, произошел пожар в княжеском тереме. Поэтому наш пресветлый князь, пекущийся о безопасности высокой дипломатической миссии наших соседей, решил еще больше усилить ее проверенными воинами на оставшемся участке пути к столице. Для этого он выделяет пятнадцать рыцарей, которые на отборных лошадях должны единым переходом, без привалов, сопроводить графа Левадского и его людей в Слуцк. Оруженосцы остаются здесь. Для большей скорости передвижения даются заводные лошади, тоже из личной княжеской конюшни. Отбор рыцарей и командование ими наш пресветлый князь возлагает... — Маршал сделал короткую паузу, как-то грустно взглянув в сторону дамы в шляпке, и позволил себе уточнение: — В связи с особой занятостью имеющих в городе баннеретов возлагает на рыцаря Грина Шестопера. К формированию группы приступить немедленно. Ну и назначенному командиру следует помнить все время, что ответственность за порученное дело невероятно велика.

Мог бы и не угрожать напоследок почти открытым текстом. Если с миссией что-то случится,

Шестоперу достанется по самое не хочу. Ну и сам факт назначения именно молодого рыцаря говорил о многом.

Первое: Зареслава настолько крутая ведьма, что имеет влияние даже на князя. Хотя скорей всего она просто с ним поговорила наедине, сняв при этом шляпку. Красота — страшное оружие не только массового, но еще больше индивидуального поражения.

Второе: ведьма начинает переходить всякие границы приличия. Ей уже мало откровенного флирта с не боящимся ее мужчиной, ей мало, что он чудом выжил, она желает и дальше его удерживать возле себя всеми силами, средствами и методами. В принципе Райкалин был не против продолжения флирта, но это противоречило всем его намерениям и основам личной безопасности. Появляться и тем более надолго застревать в столице ему было категорически нельзя. Все-таки слишком мизерные знания о здешнем мире, но больше всего риск столкнуться нос к носу со знакомыми или родственниками Шестопера могли породить ненужные подозрения и вопросы. Он и в Вищине не имел достаточно шансов для выживания, но здесь хоть относительная глушь, затеряться среди рыцарей проще.

Третье: все военные, присутствовавшие в зале, сильно недовольны. Подобное назначение какого-то выскочки, случившееся сразу через две ступеньки существующих рангов, претило всяким понятиям о воинской службе и существующей субординации.

Четвертое: теперь уже точно посланник князя Берлюты и личный шпион князя станут настоящими недоброжелателями Грина. И по прибытии в столицу приложат все усилия, чтобы навредить нежданному воздыхателю так тщательно ими оберегаемой ведьмы.

Пятое: следовало отказаться от такого задания. Или хотя бы откреститься от командования собираемой группы.

Чем Райкалин и занялся, ударив себя перчаткой по груди.

— Это для меня высокая честь, пресветлый князь! Поэтому несказанно благодарю за оказанное доверие! — начал он весьма жизнерадостно, а вот продолжил таким тоном, словно консилиум только что констатировал у него неизлечимую болезнь: — Однако мое крайне негативное физическое состояние не позволяет мне с должным энтузиазмом приступить к выполнению задания. На днях я чуть не умер от неизвестной хвори. И до сих пор иногда нахожусь на грани потери сознания. Уважаемый Гонта не даст соврать, мое состояние не позволяет мне даже отправиться в поездку...

И хоть волхв при этих словах солидно кивнул, молодой князь покосился на застывшую Зареславу и настоял на своем:

— Господин рыцарь! Твое участие в сопровождении миссии сомнению не подлежит!

Строгий, даже чуточку капризный тон как бы говорил: и не смей со мной спорить! Но спорить пришлось.

— Готов выполнить приказ, но вынужден отказаться от командования отрядом. В моем состоянии это может быть чревато последствиями для всех. Мне кажется, баннерет Молнар лучше меня справится с командованием. Для этого у него и опыта хватает, и, что самое важное, здоровья.

Рассерженный князь стал вставать со своего трона, но тут дама в шляпке почти незаметно кивнула, и он моментально передумал устраивать скандал. Плюхнулся обратно и раздраженно

фыркнул:

— Пусть Молнар будет командиром. Мне все равно. Дальше уже все решайте сами. С моей стороны сделано все возможное.

Второй кивок ведьмы, и уже граф Левадский рассыпается в благодарностях и восхвалениях щедрости, а также мудрого правления молодого князя.

Таким завершением аудиенции были довольны большинство присутствующих. Повинуясь взмаху руки князя, стали расходиться. Направились к двери и русские, лишь одна из девиц осталась на месте. В руках у нее был небольшой сверток, и, судя по взгляду, она явно поджидала Шестопера.

А вот волхв с высокомерной старухой не только стали что-то нашептывать князю в уши, но еще и между собой переругиваться, выражая свое крайнее недовольство финалом действия, поведением князя вообще и друг друга — в частности. Ну и пока они грызлись между собой, Грин бочком-бочком стал отступать к двери.

Глава двадцать пятая

СЛОЖНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Не успел рыцарь подойти к поджидающей его девице, как его догнал волхв.

— Грин! Ну-ка обожди меня! — И с явной неприязнью обратился к девице: — А вам, сударыня, чего надо?

— От вас, сударь, ничего! — спокойно ответила та и протянула рыцарю сверток: — Доблестный воин, это вам подарок от моей госпожи. Также она просила передать, что ждет вас с этой минуты у себя для важного разговора. Охрана предупреждена о вашем приходе.

— Спасибо за подарок! — Василий с некоторым сомнением принял сверток, благодарно кивнул и пообещал: — Как только освобожусь от дел служебных, сразу наведаюсь в ее апартаменты.

Девушка умчалась, тогда как старец увлек своего пациента в одну из стенных ниш. Начал разговор с укоров:

— Теперь видишь, до чего довело твое якшанье с энергетическим вампиром?

— До чего? — прикинулся шлангом Василий.

— После распоряжения князя я просто вынужден буду тебя сопровождать. И оберегать при этом, как дитя родное. А ты думаешь, мне легко в мои-то годы чуть ли не целый день вскачь мчаться?

— Вы-то тут при чем?

— Забыл, что ли, о моем ежедневном осмотре? Для науки это архиважно. И опять-таки в целях твоей безопасности. Не нравится мне очень, что бабка князя рвала и метала, настаивая на твоём командовании. Это говорит, что некий твой недоброжелатель ей уже нашептал что-то плохое в уши.

— А кто имеет доступ к этим ушам? — удивился Шестопер. — Неужели Коннеш Найт?

— Вряд ли! — фыркнул старикан. — Скорей это кто-то из опытных рыцарей. Княгиня среди них имеет доносчиков и со своим характером пытается сунуть нос во все щели и во все дела города. Польза от этого есть, и несомненная, но порой она явно перебарщивает. Даже меня давно утомила своими поисками врага в каждом встречном-поперечном.

— Это и меня касается? — догадался Грин.

— Еще как касается. Княгиня Рагнара настаивает, что именно ты виноват в возникновении странного пожара здесь, в тереме. Ну и она больше всех роет землю, пытаюсь отыскать виновников исчезновения обеих предыдущих миссий, посланных русскими князьями. Кто-то там среди них был из ее родни, вот она и поклялась отомстить негодяям...

— Двух миссий... — в задумчивости повторил рыцарь, тем временем принимая от смерченя мысленный совет:

«Давай! Признавайся старику в этой нашей затее с лживыми купцами! Он никак в когорту предателей войти не может, зато пользу принесет невероятную. А то и самого князя вместе с самыми верными людьми привлечет. Если удастся вражин живьем взять и допросить с умом, то и про предателей в цитадели станет известно. Действуй! Не тяни!..»

По правде говоря, Райкалин тоже считал, что волхв — самый верный и нужный союзник. Просто не знал, как к тому подобраться с таким вопросом. Поначалу предпочитал справиться силами товарищей по казарме, а тут решил, что в самом деле тянуть и скрывать не стоит.

— Тут вот какое дело... И касается оно попыток двух купцов вывезти из города некие трофеи, которые они боятся продать в нашем королевстве. Я на них случайно вышел, в поисках контакта с морским побережьем...

Он сжато пересказал всю информацию, полученную в корчме «Жареный карасик». Разве что скрыл участие в этом деле находящегося при нем смерченя. Сказал, что сам случайно подслушал злоумышленников, когда те подались в отхожее место.

— Что же ты сразу ничего не сказал?! — воскликнул довольно громко старик.

— Так я собирался засаду с иными рыцарями организовать...

— Тоже мне организатор! — рассердился старик и с неожиданной силой потащил рыцаря обратно в зал. — Идем, перескажешь все князю!

— Так там же княгиня Рагнара...

— Ну и что? Мы с ней можем глаза друг другу выцарапать, но все лишь для блага княжества и его нынешнего правителя.

— А кто рядом с ней?

Волхв удивленно оглянулся на рыцаря, но вспомнил, что рядом с ним недавно перерожденный, ничего о здешних раскладах не ведающий, и шепотом пояснил:

— Старый любовник княгини, верен ей, как пес.

Рядом с сидящим на троне князем и в самом деле остались только его бабка и весьма подвижный, жилистый мужчина преклонного возраста. Он, положив руку на рукоять меча,

постарался встать чуть впереди, но старуха властно затолкала его в тыл и скрипуче заговорила скандальным тоном:

— Что еще не так с твоим протезе? Лихорадка напала или понос?

— Смотри, чтобы тебе дурно не стало после оглашения новостей! — точно таким же тоном ответил волхв и приказал рыцарю: — Выкладывай все, что мне рассказал.

Пришлось повторить рассказ. Пока князь задавал уточняющие вопросы, сожитель его бабки догнал и вернул в зал маршала, двух воевод и двух баннеретов, одним из которых был Молнар. Этим людям княжеская семья, да и сам Гонта доверяли всецело. В ответ на полный сомнения взгляд Василия колдун буркнул:

— Мы их регулярно проверяем. И если уж они предадут, то мы в любом случае долго не проживем. Так что... начинай пересказ.

Василий подчинился. Едва услышав про место, в котором его с деньгами собираются еще затемно ждать караванщики, военные начали обсуждать план, при реализации которого и мышь не выскользнет из города:

— Хорошее они место для засады выбрали, но там у них под ногами канализация.

— Да и с нескольких чердаков можно действовать нашим лучникам.

— Снимем всех дозорных и лучников по единому сигналу.

— Затем бросок на сам караван, с жестким приказом брать как больше живьем.

— Всех, в ком есть хоть капелька сомнения, поставим на стены города и в усиление на ворота.

— Ну да, ударный отряд — только самые лучшие и проверенные рыцари. И то последние указания непосредственно перед атакой.

После того как обсудили тонкости штурма, Айзек Молнар высказал интересную мысль:

— Не удивлюсь, если мы кое-что выясним и про покушение на Шестопера. Стрелявший в него лучник сбежал, но скорей всего спрятался в городе. И если он попытается уйти вместе с караванщиками, значит, это все звенья одной цепи. Помнишь, Грин, разговор о подкупе придворных монголами?

Рыцарь осторожно кивнул.

— Я еще тогда поразился, кто тебя за язык дернул в такие откровения пускаться, — продолжил Молнар. — Об этом лишь немногие знали. А тут ты вдруг умничать стал. Как следствие: тут же вечером на тебя покушение. Да и повод удобный был свалить на драчливого венгра Найта. Я потому и приставил к нему бритта Нинбурга, чтобы дров не наломал.

— И в какой группе пойдет Найт во время ночного захвата? — не удержался Грин от вопроса.

Баннерет с язвительной ухмылкой ответил:

— В основной! Ваши личные распри, жадность или неприятие не должны влиять на общее дело. А вот те, кто ехал в тот момент в авангарде колонны, окажутся в группе прикрытия, то есть будут караулить на стенах.

— И как вы им объясните причину тревоги? — поинтересовался князь.

— Скажем, что горит ближайший поселок Пясцы и неведомый враг может двинуться к городу, — доложил маршал и заверил: — Все будет выглядеть натурально: подожжем парочку стогов и кострищ за ближайшей рощей, со стен и будет казаться, что полыхают Пясцы.

Василий уважительно подумал, что, когда в дело вступают основные ресурсы государства, никакая организованная банда долго не просуществует.

— Как мне надо готовиться и на каком участке главного удара? — влез он с вопросом.

— Так ты же смертельно болен? — поразился князь и впервые за весь вечер улыбнулся. — Значит, должен отдыхать и набираться сил.

— Как же это? — Василий не рвался в бой, но в данном случае попахивало оскорблением его рыцарской чести. — Мне ведь все равно надо будет выйти к злоумышленникам якобы для передачи денег, заодно отвлеку их внимание в момент устранения вражеских дозорных с лучниками.

— Вот потому и будешь отсыпаться до самого ответственного момента! — строго распорядился правитель, пряча улыбку и указывая на сверток в руках Грина. — Но вначале зайдешь к нашей уважаемой гостье и постарайся ее успокоить насчет завтрашней дороги. Мол, все по плану, выезжаем утром, спокойной ночи! Так что пока говорю только спасибо, награду получишь по завершении захвата, по его итогам. Можешь идти.

Похоже, молодой князь всерьез вознамерился и сам поучаствовать в руководстве ночным штурмом. Понятно, что снимать дозорных его не пустят, как и в штурмовую группу не позволят втиснуться. Но послушать обсуждение предстоящего ночного сражения любой воин в его возрасте мечтает.

А вот с ведьмой правящий юнец рыцаря явно подставил. Потому что сам Василий идти к Зареславе не собирался. Тем более имеется такой чудесный повод: был занят при поимке преступников. Почему подставил? Скорей всего по той причине, что Василий изрядно побаивался ведьму. Несмотря на всю ее красоту и привлекательность, она пугала нормальных людей до несварения желудка.

«А что ты хотел? — фыркнул Боджи. — Нормальная реакция всех здравомыслящих индивидуумов. Это только ты, словно какой-то извращенец, получаешь повышенное удовольствие, балансируя на острие кинжала. И ладно бы не понимал, с кем связываешься, а то ведь сознательно идешь на глупость!»

«Уже не иду! По крайней мере, не собирался этого делать, — оправдывался Райкалин. — Это меня специально под танк бросили!»

«Под что тебя бросили?» — живо поинтересовался смерчень.

«Ну-у-у... это такой массив, типа каменной лавины. Образно говоря, бросить под танк — это как специально толкнуть под лавину».

«А-а-а, — успокоился домовый. — А то мне померещилось нечто огромное, рычащее и вонючее, которое вот-вот от тебя и меня оставит только мокрое место...»

Василий твердо решил быть поосторожнее с выбором аллегорий из своего прежнего мира. В

любом случае придется раскрыть Секатору свой секрет о происхождении из иного мира, но ни в коем случае не сейчас. Иначе придется отвечать на тысячи и тысячи вопросов, а это несколько Василия не прельщало.

Тогда как ноги несли его в крыло, где располагалась русская миссия, что-то рассказывающий Боджи вдруг заметил:

«Говоришь, по принуждению идешь к ведьме-то? А почему тогда сердечко так колотится, почему дыхание спирает и виски вспотели?»

«Почему да почему! — постарался скрыть рыцарь свое раздражение. — Болен я... еще. Вот и бросает меня то в жар, то в холод. Порой...»

«Да-а? Но в любом случае ты прекращай в эти ваши касания баловаться. Один раз еще выжить можно, слышал я о таком случае. Но после второго „опустошения“ никто не выживет. Уж поверь! И мне не хотелось бы разыскивать для себя нового доминанта...»

Признание Секатора Василия рассмешило:

«Чем же я тебе так угодил? Что не наказываю болью за непослушание? Или что допускаю панибратские отношения между нами?»

Они уже пришли к апартаментам Зареславы, где два витязя, стоящие на страже, попросили гостя чуточку подождать. Мол, вас уже увидели служанки и поспешили к госпоже на доклад.

Ненадолго примолкший смерчень вновь заговорил:

«Но ты же обращаешься со своими оруженосцами панибратски, совсем не по уставу?»

«Естественно! Потому что они в самом деле настоящие друзья. Мы с ним стояли в бою плечом к плечу. Да и на костре вместе чуть не сгорели».

«А со мной точно так же дружить ты не можешь? — вдруг поинтересовался Боджи Секатор. — Тем более что мы с тобой тоже вроде как вместе воевали: черного колдуна одолели... Завтра утром в бой пойдём... А?»

И столько в этом последнем коротком вопросе прозвучало надежды и невысказанных опасений, что Райкалин отказался от своих первоначальных намерений пожурить — типа ай как нехорошо обманывать своего доминанта, — а потом строго наказать, чтобы впредь беспрекословно... всегда... и как только... и так далее! Он решил, что нефиг выделяться перед иным разумным существом и превращаться в гнусного рабовладельца. Ничем он не лучше бессловесной малявки, а что ростом удался, так в том не его заслуга. Вполне мог перевоплотиться при повторном возрождении именно в домового, и что тогда было бы? Помыкал бы им какой-нибудь страшный черный колдун, и каждая минута казалась бы адом. Что бы он тогда запел? «Впредь беспрекословно...»? Тьфу!

Да и соображать надо, что в любом случае Боджи отныне кровью привязан к доминанту. Так что сам троекратно заинтересован в его и своем совместном с ним выживании. То есть все равно будет стараться не за страх, а за совесть. Так какая разница, во что облекать свои приказы? Не лучше ли их высказывать в виде просьбы?

«Потому и соглашаюсь сразу с твоим предложением и готов с тобой дружить! — заявил Василий. — Мне такие отношения больше нравятся, чем любые иные. Договорились?»

«Ага...» — пыхнул теплом смерчень на груди. Волна благодарности и дружеского соучастия пробежала по всей коже до пяток, до макушки — и обратно.

Дружба зафиксирована — назад дороги нет!

Тут и девица в коридор выглянула, с очень официальным выражением на лице:

— Прошу вас, благородный рыцарь, входите!

Оказавшись внутри, Шестопер понял, почему такой тон. В прихожей апартаментов восседали граф Левадский и неразлучный с ним соглядатай князя. Судя по их раскрасневшимся, но довольным физиономиям, они только что жарко спорили с девушкой и сумели настоять на своем. Вполне возможно, что и жизнями своими при этом рисковали, как-никак с энергетическим вампиром дискуссия затеяли.

Сама ведьма сидела в глубине комнаты, за столом. Она жестом подозвала визитера к себе. Точно так же молча предложила садиться, и, лишь когда начала жаловаться еле слышно, стало понятно, что и ей разговор с графом дался нелегко:

— Они меня до бешенства довели! Чуть обоих не «опустошила» в гневе. Уперлись как бараны и ни в какую. Мы, мол, обязаны оберегать тебя и ни за что одну не оставим! У-у-у...

Пришлось ее утешать, пусть и не совсем подходящими для этого словами:

— Ничего не поделаешь, приходится распоряжения князей выполнять...

Девушка в последний момент удержалась, чтобы не снять шляпку с вуалью. Сделала вид, что поправила головной убор, и сказала:

— Иногда приказы князей для человека не обязательны...

— Если князя очень далеко, — в тон ей продолжил рыцарь.

— Или в том случае, если ты сам князь! — многозначительно изрекла Зареслава. — Вот ты хотел бы стать князем?

— Не-а! Оно мне надо? — бесшабашно фыркнул он и, закатив глаза, стал перечислять все сложности пребывания в княжеской шкуре: — Столько мороки, забот, никакой личной жизни, нет времени на семью, на отдых... покушения, смуты, войны, постоянные заговоры... некогда выбраться на рыбалку или просто посидеть с возлюбленной в стогу сена, полюбоваться закатом, встретить рассвет... да и вообще завалиться спать, когда хочется...

С минуту собеседница сидела не шелохнувшись, потом завистливо выдохнула:

— Да ты романтик...

— Нисколько! Просто реалист, любящий жизнь и все ее маленькие радости.

— Ты так уверен, что можно уйти от предназначенного тебе?

— А кто знает, что нам предназначено? — решил и он пофилософствовать. — И не освобождает ли нас от любого предназначения смерть?

— Ладно, ты еще просто не дорос до некоторых понятий о неизбежности! — поставила

решительную точку в странном разговоре Зареслава. — Я тебя для другого звала... Кстати, вижу, ты сверток так и не развернул?.. Вот и не разворачивай, останешься один, считаешь. Там дневник человека, который долго и счастливо жил с такой женщиной, как я. Да он и сейчас живет...

Она умолкла и тяжело вздохнула. Но ее невысказанные мысли словно передались в голову Грина по воздуху: «Это очень сложно. Но это возможно. Значит, и у меня есть надежда на счастье... На будущее! На свою семью! Главное, не спеши с ответом. Главное, сразу меня не отторгай. И постарайся не забыть, если мы вдруг на какое-то время расстанемся...»

Василию даже показалось в какой-то момент, что это над ним так Боджи Секатор подшучивает. Но тот чуть ли не сразу отозвался с возмущением: «О каких шутках речь?! Я вообще молчу как рыба!»

Хорошо, что девушка вновь заговорила:

— Но и книжица с записями не главный повод позвать тебя. Присмотрись незаметно к моему безымянному пальцу... Это то самое колечко, что ты мне подарил, а я его только сегодня толком рассмотрела.

— Ну и носи на здоровье, раз понравилось, — пожелал Шестопер.

— А ты хоть знаешь, что это за кольцо?

— Знаю! — заявил он уверенно и добавил после паузы: — Это мой тебе подарок.

И тут неожиданно в сознании завопил смерчень: «Если это то, о чем я подумал... боги, держите меня!»

— Оно очень, очень особенное, — почти шептала девушка, — и я поражаюсь, почему сразу не удосужилась его рассмотреть...

Рыцарь только бровями вопросительно шевельнул, тогда как мысленно уже переругивался с Боджи: «Хорош кричать! Объясни толком!»

«Оно ведь серебряное и со сложным тиснением?» — уточнил тот.

— Дело в том, что существуют тысячи подделок этого «дара Макоши», — продолжала тем временем ведьма. — И внешне они ничем не выделяются. И носят их очень многие, в связи с устоявшейся традицией...

«Точно! — восклицал на ментальном уровне смерчень. — Это же „божественный дар“ влюбленным! Не знаю, при чем здесь именно ваша языческая Макошь, чаще считается, что это дар Луны, следящей и покровительствующей влюбленным...»

— Традиция эта утверждает, что, когда влюбленные или супруги расстаются на некоторое время, подобные кольца позволяют им не только помнить друг о друге, но и улавливать мысли, переживания и чувства второй своей половинки...

«Но два „истинных“ кольца помогают влюбленной паре в самом деле мысленно общаться на довольно большом расстоянии. Вот как мы с тобой общаемся, — продолжал объяснять Боджи. — Иметь пару — невысказанное чудо, но даже одно „истинное“ колечко — невероятное сокровище! И как только тебя угораздило подарить такой раритет энергетическому вампиру?!»

— Иначе говоря, это кольцо...

— Для связи и общения на расстоянии, — закончил за девушку Райкалин. И спросил будничным тоном: — Ну и что тебя удивляет?

— Ну-у-у... сам факт... И вообще...

— Ерунда! Вот было бы таких колечек два, это имело бы значение, — рассуждал рыцарь, стараясь разобраться в собственных ощущениях. — А так... Всего лишь одно... Надо же было отблагодарить тебя за лекарство?

Хомяк прожженного скупердяйства возмущенно ворочался в сознании из-за того, что такая вещь ушла, так и не будучи исследована. Получалось, что колечко непростое, не меньше чем артефакт. Вполне возможно, что поделка иной технически развитой цивилизации. Или подарок из далекого будущего.

Ну и господин Секатор продолжал разоряться: «Ну кто ж такие подарки делает?! И главное — кому!»

А вот Зареслава осталась почему-то страшно недовольной:

— То есть это просто благодарность за лекарство?

— У меня в тот момент ничего другого под рукой не нашлось... — неуверенно пробормотал Шестопер и вдруг понял неправильность ситуации. Ведь в любом случае не стоило скрывать правду, что он и сделал: — Ну и по большому счету и говоря откровенно, ты мне очень понравилась. Таких прекрасных девушек я еще не встречал.

Естественно, подобные слова нельзя назвать признанием в любви, но густая вуаль качнулась от облегченного вздоха ведьмы. Недовольство девушки словно испарилось, тон стал игривым, томным:

— Так уж и не встречал? А как же твоя возлюбленная, которой ты отправляешь страстные письма?

Хорошо, что напомнила, а то сам Василий уже и позабыть успел о вымышленной суженой, которая якобы временно уехала в Тартарию. Зато теперь появилась возможность хоть немножко выпутаться из сетей придуманных обстоятельств.

— Ну что тебе сказать... Там все так сложно и запутано, что в двух словах и не объяснишь. Так что я решил все это изложить на бумаге, написал тебе письмо и собирался отправить его, чтобы ты получила его уже в столице.

— Когда только успел? — пробормотала девушка.

— А во время ужина, в корчме, — сообразил Василий. Сам видел, как на одном из столов два купца что-то писали. Почему бы и ему тем же не заниматься в удобном месте?

— Ну так давай его сюда! — последовало вполне справедливое требование.

— Его при мне нет, велел оруженосцам положить его в мой ящик с письменными принадлежностями. К тому же письмо... мм... очень личного свойства, лучше будет, если ты его получишь по почте.

Повторное недовольство вкупе с нетерпением выразилось не только в фырканье, девушка попыталась мягко надавить:

— Не стоит откладывать, да и письма порой теряются в пути. Поэтому я сейчас отправлю с тобой нескольких наперсниц, и ты передашь послание через них.

— А почему нескольких? — удивился Василий.

— Мало что... — замялась ведьма. — Уже поздно, к одной могут пристать пьяные рыцари, а вот если их будет трое... или четверо...

— Да и не дописано письмо толком. Мне туда еще кое-что внести надо, проверить уже написанное...

— Ничего, они подождут, — не сдавалась Зареслава, готовая хоть всех девиц и хоть всю ночь мариновать у двери рыцаря.

— И получишь ты это письмо только при нашем расставании! — твердо закончил Шестопер. — Случится это в столице, так что подождешь, недолго осталось. Да и слишком поздно уже, я пойду... И это... положи руку на стол, пожалуйста! Я ее сам подхвачу и поцелую.

Девушка нехотя выполнила просьбу. Видимо, собиралась и дальше спорить, но соблазн очередного прикосновения, да еще и с поцелуем, моментально пересилил все остальное. И минуту она получала удовольствие от затянувшегося лобзания руки блаженствующим кавалером.

Того вовремя остановило ворчание Боджи: «Она у нее что, сахарная, что ты ее так вылизываешь? Пожелай ей спокойной ночи и топай в казарму! А то язык отвалится...»

Пришлось прощаться и покидать апартаменты под изумленными взглядами всех присутствующих. Кажется, они еще ни разу не видели подобного смертельного номера — «Добровольное целование вампира».

Тем не менее и новому другу досталась угроза:

«Если будешь вмешиваться в мою личную жизнь, отправлю на постоянное место жительства опять в сумку! И посажу на диету из кураги!»

«Ого! Да ты, оказывается, злобный тиран! — нисколько не испугался смерчень. И покровительственно напомнил: — А вот поспать несколько часов тебе крайне необходимо. Неизвестно, как дальше день сложится после утренней потасовки...»

Глава двадцать шестая

ЭХ ТЫ, УДАЛЬ МОЛОДЕЦКАЯ!

Парни хоть и дремали на своих кроватях, но при появлении Грина вскочили на ноги.

— Что так долго тебя князь мариновал?

— Мы тут уже что только не надумали от безызвестности! И мастер тебя ждет.

У Василия совсем вылетело из головы, что он должен был встретиться с кузнецом Павлентием. А тот стряхнул с себя дрему и встал из-за стола, проворчав:

— Заждался я тут! Не будь ты у князя, давно ушел бы... Вот, принимай свою долю! — И протянул два кожаных кошель с деньгами. — Здесь в сумме на двадцать пять золотых с четвертью.

— Однако! — только и выдавил из себя «изобретатель», взвешивая в руках приятную тяжесть солидной прибыли.

Павлентий довольно прогудел:

— Завтра больше быть должно! Мы уже тачки делать начали, так на них заказы еще не успели до своего пика дойти! — дружески похлопал компаньона по плечам и направился к двери, пояснив: — С ног валюсь! Но ты заходи в любое время дня и ночи... Особенно если еще чего надумаешь. Сладим!

Он ушел, а рыцарь, чуть постояв в задумчивости, решительно передал кошель в руки своего личного казначея.

— Петри, трать с умом, нам еще придется делать большие вложения в другие торговые и ремесленные предприятия... А сейчас давайте спать!

— Но что князь от тебя хотел? И что с предстоящей засадой на этого коварного Педро? — допытывался Ольгерд.

— Все нормально, — успокоил его рыцарь, раздеваясь. — О задании князя завтра расскажу, это не к спеху. А вот по поводу... хм, дона Педро... Я рассказал все, что надо, Гонте, а уж он взял бразды правления в свои руки. Спите спокойно и можете не вставать, когда меня придут будить.

Уснул сразу, едва коснувшись головой подушки. Нисколько при этом не заботясь, как и где будет ночевать смерчень. Да и вообще, спят ли создания, подпадающие в вид или подвид «домовые»?

Оказалось, что не спят. Или высыпаются за короткое время. Потому что Секатор разбудил доминанта уколом в палец, обозначая тем самым собственный завтрак, а потом и мысленно добавил:

«В коридоре возня! Если это не заговор с поголовной резней рыцарей, то идут тебя будить тоже».

«Типун тебе на язык! — всполошился Райкалин, вскакивая на ноги и начиная одеваться. — Скажешь тоже! Заговор...»

«Эх! Молод ты еще! — пустился смерчень в нравоучения, смещаясь быстро по руке на плечо, а потом и на груди закрепляясь в виде плоского блина. — Жизни не видел. А я вот насмотрелся на подобные кровавые драмы. Слишком уж много предателей среди людей встречается, а уж как за власть любят сражаться, о-о-о! Достаточно было бы оказаться одному предателю на совете у князя, как резня была бы обеспечена... в худшем случае. В лучшем — для тебя и твоих коллег заговорщики уже вырвались бы из города».

Боджи наверняка знал, о чем говорил. Но этой ночью обошлось без предательства, все шло по плану. В дверь постучался сам баннерет Молнар, а когда ему открыл уже полностью одетый Шестопер, нисколечко этому не удивился:

— Хорошо, что ты готов. Но надо будет тебя приодеть. Одну задумку попытаемся воплотить в жизнь...

Пока основные ударные силы отсыпались, командиры и спать-то не ложились. Все думали, утрясали последние мелочи и небольшими группами отправляли самых ловких и надежных воинов на позиции.

Подумали и о «живце», который должен был отвлечь внимание злоумышленников, надеть побольше шуму да попутно ослепить противника на несколько мгновений. Для этого на рыцаря нацепили массу звенящих побрякушек, помимо шпор, дали в руку громадный факел и, дождавшись назначенного времени встречи, пустили бежать по предутренним городским улицам. Примерно за квартал выпустили, чтобы топот и грохот услышали издалека, должным образом напряглись, потом опознали только одного бегущего, расслабились вновь, чуть ослепли от яркого огня, затем опознали... и далее по плану.

Хорошие задумки совместно с тщательно продуманными деталями помогают самые сложные операции провернуть без сучка без задоринки. Но когда задействовано много народу, не всегда все складывается по плану. Так и здесь чуть все наперекосяк не пошло, хоть и началось отлично.

Грин прибежал грохоча, звеня и топая, факел не погас, и по дороге в него никто не стрелял. Зато не успел он подойти к повозкам, как к нему навстречу устремилось несколько воинов во главе с тем самым здоровяком, что был с купцом в корчме. И тот шипел, как кобра:

— Ты чего расшумелся?!

— Эй, вы чего? — Рыцарь вполне благоразумно остановился и стал пятиться, уже двумя руками хватаясь за рукоять своего большого меча.

— Чего-чего! Совесть надо иметь! — Здоровяк застыл на месте, жестом останавливая и своих подельников. — Люди спят, а ты расшумелся. Что так поздно?

— Проспал...

— Деньги принес?

— Конечно! А где купец? Почему я его не вижу?

— Да здесь я, здесь! — донеслось от передней повозки. — Желудок у меня не в порядке, вот и дремлю... Но ты деньги моему помощнику отдавай.

— Э нет! — повысил голос рыцарь в справедливом возмущении. — Вы мне расписку обещали дать! И печать свою приложить!

— Да не кричи ты так! Иди сюда, сейчас все дам... На какую сумму писать?..

Но Шестопер словно заподозрил что-то и не спешил сдвигаться с места.

— Чего это я к вам должен идти? Идите вы ко мне, сюда, на открытое пространство.

Такая несговорчивость, видимо, надоела здоровяку, и он вскинул руки вверх, в явно условном жесте. Наверное, подавал сигнал лучникам. Василий тоже перестраховался, резко сместившись в сторону один раз и другой. Вдруг кого из лучников до сих пор не сняли? Все

вроде обошлось, но противникам странные прыжки рыцаря не понравились, и командующий ими верзила приказал:

— Убейте его! — И первым устремился в атаку, на ходу вынимая из ножен меч.

Вот тут и пригодился Райкалину трофейный меч. Вот тут он впервые и смог оценить свою сноровку в новом теле, умение владеть таким непростым оружием и суммарную силу своих наработок с подсознательной моторикой прежнего хозяина. Вроде получилось на твердое «хорошо». А по итоговым результатам и на «отлично» тянуло.

Первому нападающему Грин отсекал правую руку, располовинив тем же ударом и выставленный для защиты меч. Второму разрубил подставленный щит вместе с левым плечом. От третьего врага увернулся, уже вдогонку перерубив ему кончиком своего меча ноги чуть выше колен. Четвертый угрожал реальнее всех, уже нанося удар сверху наискосок. Щита не было, в сознании только и мелькнуло молнией воспоминание об особой прочности наручей. Вот левой рукой и отбил тяжелый удар. Рука чуть в локте не сломалась, плечо заныло от боли, но сами наручи выдержали. Мало того, появившаяся при ударе вспышка ненадолго ослепила противника. Хотя от него тут же последовал второй удар, после которого можно было и без головы остаться, но делал он его скорее благодаря своему опыту, чем видя, куда рубит.

От горизонтального удара еле удалось уйти в падении, затем перекатом в сторону. Тем и спасся. Корчащиеся тела подельников помешали врагу нанести третий удар, он замешкался, и Шестопер успел на мгновение раньше. Кончик длинного трофейного меча в руках рыцаря увеличил рот нападающего бандита от уха до уха.

А там и здоровяк, напарник дона Педро, наконец-то добрался до Шестопера. Он оказался великолепным мечником, несмотря на свои габариты. Против него не удалось бы и десяти секунд продержаться. Отступающему с перенапряжением всех сил рыцарю повезло, что к тому моменту штурмовая группа не только блокировала всех остальных злоумышленников, но и городская улица оказалась ярко освещена многочисленными факелами. Двое лучников из тех, которые заняли позиции на крышах окружающих домов, не сплеховали. Стрелы пронзили здоровяку обе ноги, и он не смог даже устоять на них. Рухнул с рычанием на землю, выронив меч, но уже в следующие секунды попытался себя заколоть длинным кинжалом.

Грин вовремя подсуетился, ударом мечом плашмя по голове вырубая врага. От такого удара чаще погибают, чем теряют сознание. Но тип пришел в чувство, когда уже был крепко скован и обезоружен, сразу задергался, бешено вращая глазами, и заорал в пространство перед собой:

— Ты! Тварь! Тебя все равно убьют! За нас отомстят! А тебе — особенно!

Нетрудно было догадаться, к кому он обращался. Но Айзек Молнар решил, что угроза адресована ему, и саркастически хмыкнул:

— Сам ты тварь! А ко мне мстители в колонну по одному давно строятся, но подходят в основном задом! Ха-ха-ха!..

Никто из товарищей по оружию его смеха не поддержал, все еще находились в горячке боя, метались, носили, грузили, вскрывали. Тот же великий волхв, появившийся возле повозок, оглядел тяжелораненых пленных и сразу переключился на оказание помощи тем, кого еще можно было спасти. С ним была команда помощников, среди которых Шестопер с удивлением увидел недавно избитого им знахаря. Передвигался тот легко и проворно, видимо, сумел вылечиться, пока сидел в холодной.

А там и князю его окружение позволило появиться на сцене. Он прошел вдоль всего каравана, выслушал краткие доклады и предварительные выводы воевод с баннеретами, заглянул в повозки, полюбовался на закованных пленных, которых уже начали увозить в подземелья цитадели для дознаний. Остановился рядом с Шестопером, которого временно выставили в наружное оцепление, и затеял с ним негромкий разговор:

— Тебе повезло, все сказанное тобой оказалось правдой!

В докладах действительно прозвучало, что некоторые вещи и броня принадлежали членам двух пропавших миссий.

— Да и сражался ты на удивление лихо, пока помощь подоспела, четверых уложил. Герой! Еще не знаю, чем награждать тебя буду я, но в лице моей бабки, княгини Рагнары, ты явно получил своего истинного покровителя. А если удастся еще и предателей в нашем окружении выявить... О-о-о!.. Тогда скорей всего быть тебе официально баннеретом.

— Спасибо, светлейший князь! — Но следовало себя не только благодарным показать, а и лояльность иного толка продемонстрировать. Пусть это и прозвучит излишне пафосно: — Но мы не только за титулы и награды всякую мерзость изводим. Хочется мира и всеобщего благоденствия.

Видимо, тот подобный ответ истолковал не совсем правильно:

— Оно конечно, если деньги не нужны...

— Деньги лишними не бывают, — заметил рыцарь. — А вот дружба или приятельское расположение в любом случае ценится гораздо больше. Даже пословицу недавно хорошую придумал: не имей сто рублей, а имей сто друзей!

Рубли в королевстве имелись, их чеканили в Новгороде, и в последние годы они весьма солидно участвовали в общем денежном обороте. Так что, употребляя это слово, Райкалин не боялся показаться странным. А вот пословица в этом мире явно прозвучала впервые. И весьма понравилась молодому правителю:

— Слышали, какую Шестопер пословицу придумал? — повысил он голос, обращаясь к своему окружению. И, повторив ее во всеуслышание, резюмировал: — Теперь этому рыцарю не будем жалованье платить, а будем с ним дружить! Нас как раз где-то сотня и наберется.

Несколько человек вежливо рассмеялись, скорей всего неверно истолковывая слова пресветлого. И только маршал понял задумку и с ходу подыграл, обращаясь к стоящим рядом:

— Здорово! Я согласен! И сразу разделим обязанности. Вот у вас, — он обвел рукой нескольких человек, — Грин будет по очереди питаться. У вас — ночевать. Вы будете содержать у себя в конюшнях его лошадей и покупать для них корма. Остальные, кто еще не ведает о новом счастье, станут заказывать для рыцаря новое оружие и одежды...

— Ага! — не выдержал кто-то. — Чем тогда вы с князем будете свою дружбу доказывать?

— Князю проще, он умные советы будет давать да каторжников для разных тяжелых работ, — серьезно рассуждал маршал, подкручивая свои лихие усы. — А вот на мои плечи самая тяжелая обязанность ляжет: обучать Шестопера премудростям соблазнения девиц знатных да пригожих. То есть буду вместе с ним ходить на...

Последние его слова потонули в громовом хохоте окружающих. И князь смеялся вместе со всеми. Если кто в соседних кварталах ранее не проснулся от шума скоротечной схватки, то теперь точно перешел в режим обеспокоенного бодрствования. Грин тоже посмеялся вместе со всеми, довольный, что его авторство новой поговорки на какое-то время станет неоспоримым.

Можно сказать, что громкий раскат смеха послужил финальным аккордом всего утреннего захвата. Да и чего не радоваться, если почти бескровно сделана такая важная зачистка главного княжеского града? Теперь только и оставалось, что допросить пленных да распутать ниточки угнездившегося в цитадели предательства.

Глава двадцать седьмая

ПОСЛЕДСТВИЯ И ЗАЧИСТКИ

Князь и его окружение не стали задерживаться на месте событий. Чуть раньше отправили на подворье цитадели повозки. Приехала особая городская команда и вывезла трупы. Потом появились уборщики, которые зачистили следы сражения и смыли с мостовой кровь.

Напоследок стали снимать оцепление, в том числе и убирать многочисленные рыцарские дозоры с крепостной стены и заслоны у ворот. Но именно тогда и появились в рядах городского гарнизона первые жертвы. Четверо воинов наружной стражи, разобравшись наконец-то, где и кого арестовали, вдруг попытались захватить коней и с боем прорваться сквозь открывшиеся для пропуска людей ворота. В сражении с ними пало трое.

Еще пятеро лиц, весьма приближенных к князю, во главе с предателем-баннеретом, в другом месте спустились со стены на веревках и бросились к ближайшему лесу. В утренних сумерках их заметили не сразу, и потом целой сотне гарнизонного войска пришлось почти весь день вылавливать эту пятерку отчаянных беглецов. А те сражались как звери, понимая, что терять им нечего, и сумели уничтожить девять человек.

Мало того, убив своего напарника по дозору, еще один рыцарь-предатель сумел по веревке спуститься за стену и никем не замеченным уйти в неверном свете начинающегося дня. На его поиски отправили десяток всадников, но те так ничего и не смогли отыскать в лесу, куда вели следы беглеца. Этим предателем оказался тот самый Жанай, который старался постоянно находиться возле баннерета Молнара. Тем не менее тот факт, что Жанай оказался на стене, говорил о явном недоверии к нему Айзека Молнара. А вот гибель дозорного, подло убитого в спину, Айзек с чувством глубокого раскаяния записал себе в грубейший просчет.

Несколько раненых оказались среди княжих людей, когда арестовывали в цитадели тех, кто оставался во время захвата в своих постелях. Так что назвать победу совсем бескровной никак не получалось при всем желании.

Ну и постепенно удалось выяснить детали разбойных нападений на миссии. Враги действовали широко, с размахом, вербуя в сообщники разных людей, щедро платили им золотом, а напоследок старались убрать тех, кто мог про них хоть что-то рассказать. Узнали и главную цель подобной кровожадности: никоим образом не допустить русских к монарху, к Ярославу Хорфагеру.

В некоторых местах оставались завербованные агенты, и уже к вечеру пошла волна арестов по отдаленным постам и городищам. Взяли нескольких служивых на границе, которые голубиной почтой отправляли шпионам весточки о том, какой дорогой и когда проехали княжеские посланцы из Руси. Злоумышленники заранее рассредоточивались небольшими отрядами в местах возможных привалов и совершали дерзкие нападения на русских.

Поражала наглость, с которой они действовали, храня «горячие» трофеи в столице княжества, можно сказать, под самым носом у сбивающих ноги ищеек. Каких только татей и где ни искали, а вот в самом Вицине и не заметили разбойников, работающих под видом солидных купцов.

Кстати, эти купцы за пару дней перед выездом собрали обманом с иных коллег солидный куш. Иначе говоря, брали заказы на доставку всего, чего только люду хотелось, и взимали совсем смехотворную предоплату.

Родом вся банда, возглавляемая доном Педро, оказалась из Римской империи. Конкретнее — из провинции Кордоба, на юге Пиренейского полуострова. Действовали они в королевстве уже четыре года, только вначале промышляли на севере, вдоль морских побережий, и только полтора года как осели в граде Вицин. Некий контракт тайных служб Рима, в которых отметился след и папских легатов, оказался завершен, и мнимые купцы богачами отправлялись на родину. Точнее, собирались отправиться. Да только излишняя жадность подвела, позарились на деньги наивного с виду рыцаря.

Между прочим, выяснение степени наивности чуть этого самого рыцаря не спалило. И хорошо, что великий светлый волхв держал под контролем ведущиеся допросы, а потому вовремя сгладил острые углы, отправив следствие по дальнейшему пути выяснений более важных обстоятельств.

Но к себе старик вызвал Шестопера ближе к ужину, под видом очередного осмотра. И, когда тот оказался в его руках, наехал с угрозой и неожиданной свирепостью:

— Признавайся, что еще ты утаил из событий в корчме «Жареный карасик»?!

— Чего там утаивать-то? — растерялся Василий.

— Как ты подслушал разговор Педро с его напарником? Они кровью плюются, но клянутся, что, разговаривая о тебе, никуда не выходили. Наоборот, это ты куда-то удалился. Ну! — рывкнул он прямо ему в ухо. — Выкладывай свой секрет!

Пока Райкалин мотал головой, пытаясь восстановить слух, Боджи с явной неохотой посоветовал: «Да ладно уж, можешь этому старому мухомуру признаться о моем наличии. Все равно он уже либо догадался, либо землю рыть станет до тех пор, пока все не выяснит... Да и у меня такое чувство, что он тоже при себе боевого смерчения таскает. Такие ушлые, как он, без нас и дня прожить не мыслят».

Но Василий попытался брыкаться. Уж очень не хотелось ему раскрывать свои последние секреты, Вначале дед узнает о Секаторе, потом Секатор от деда узнает о перерождении... Все равно узнают! Но как же хотелось оттянуть этот момент! А почему так происходит, ни одной толковой догадки не возникало.

Так что в ход пошла выдумка:

— Есть такая вещь, как плащ-невидимка. Надеваешь его, и тебя ни одна собака не видит. Нет, собака учуять может... А вот человек — в упор тебя в этом плаще не замечает. Стоишь возле него и слушаешь, слушаешь, слушаешь...

— Хватит мне сказки рассказывать! — рассердился Гонта. — Правду говори! Или ты меня специально злишь?!

Пришлось признаться, что он теперь доминант и у него есть персональный боевой смерчень. Выслушав всю историю, старик все равно продолжал гневаться, весьма картинно хватаясь за голову и восклицая:

— Боги! И как только таким вот дуракам везет?! Почему мне сразу не сказал? Смерчень в бессознательном состоянии мог в тебе дыру прожечь насквозь! Или пожар в комнате устроить. Или попросту взорваться в момент собственной смерти! Его ведь лечить надо уметь, а не... тьфу ты, курагой кормить!

Рыцарь покинул башню раскрасневшийся и весь в поту. Ну а сам волхв умчался в пыточные подвалы составлять список новых вопросов для пленников.

К тому моменту оруженосцы уже полностью перевезли все имущество из казармы в арендованный дом. Наняли кухарку, приходящего конюха, с трудом разместили шестерку битюгов в тесноватом для этого сарае, озаботились доставкой продуктов. Все, что смогли, разложили, развесили и начистили. Предстояла первая ночевка, а перед тем торжественный ужин. В событиях сегодняшнего дня Ольгерд и Петри не участвовали, и ничто не помешало им заниматься обустройством на новом месте.

Тем более что выезд миссии по вполне понятным причинам перенесли на завтрашнее утро, если не позже, и мчаться в столицу сломя голову не пришлось. Конечно, граф Левадский рвал и метал по поводу очередной задержки, но против воли князя и его бабки, да в связи с последними событиями вякать не посмел. Зато Зареславе нервы трепал практически весь день, ходя за ней как привязанный.

Вроде радоваться надо, что ведьма под строгой опекой, да свои проблемы решать, но Василий нет-нет да и вспоминал о девушке и начинал размышлять, как бы с ней встретиться, да наедине, и чтобы никто посторонний не помешал. А когда узнал о нанятой кухарке и о предстоящем торжественном ужине, родилась иная идея: пригласить Зареславу на трапезу при свечах. Но так, чтобы она без «хвостов» явилась и ему за это ничего не было.

А ведь клялся самому себе, что уже сегодня вечером, если ничего не помешает, вплотную займется поиском сокровищ князя Балоша. Заранее представляя все сложности подобного поиска, он прекрасно понимал, что быстро с этим делом не сладит. Если уж более шестнадцати лет кто только не искал сокровища, но ниточку к ним заметить не смог, то и в арендованном доме лазейку сразу не отыщешь.

Знать бы точно — можно и крушить каменную кладку. Но вдруг в тайнике, примерное месторасположение которого как бы известно, ничего нет? Да если еще хозяева дома в тот момент нагрянут — мало ли, может, они забыли что-то взять? Так что надо действовать не спеша, с гарантией и всеми возможными подстраховками.

Наверное, эти размышления и послужили поводом отложить поиски клада до возвращения из столицы. И мысли, особенно после визита в башню волхва, стали крутиться лишь вокруг предстоящего ужина.

Глава двадцать восьмая

НЕТ ЛУЧШЕ ДОМА СВОЕГО!

Погрузившись в любовные терзания, рыцарь совершенно забыл о своем постоянном попутчике. А тот не преминул напомнить о себе ментальным вторжением:

«Что-то я тебя не пойму. То спешил в арендованный дом для важных поисков, то вдруг встал как вкопанный и на окна терема пялишься. Что случилось-то?»

«Да ты понимаешь, как-то неудобно перед Зареславой, что приходилось ее принимать в жалкой казенной казарме. Вот я и думаю, не компенсировать ли прежние неудобства приглашением на ужин? Но так пригласить, чтобы она без графа пришла, одна...»

«Эх! Что за люди пошли? — опечалился смерчень. — Зря все-таки тебя этот старый мухомор своим посохом не поколотил, зря! И вот что скажи мне, почему тебя к этой самке тянет? Она же вампир! Она же тебя чисто случайно „опустошить“ может».

«Только вот не надо мне морали читать! — Василий не смог сдержать раздражение. — Она нормальная, хорошая девушка, и даже несчастная очень, из-за своего дара. И ей тоже хочется мужского внимания. Потому что даже вампиры желают испытать толику житейского счастья и в этом нисколько не отличаются от других людей! Ну и чего скрывать, она мне сильно нравится...»

Боджи вроде как стал деликатнее, но не отступил: «Да я в курсе всех ваших страстей, безумств и привязанностей. Но также знаю, что все быстро и навсегда забывается, стоит лишь влюбленным оказаться на расстоянии и подыскать замену своей паре. Да ты оглянись вокруг! Разве мало иных самок твоего вида? Разве они откажутся ублажить доблестного рыцаря и скрасить его одиночество? А уж когда мы клад отыщем да станем богатыми, девки будут за тобой табунами гоняться, только выбирай!»

Пытаясь убедить доминанта в своей правоте, господин Секатор в запале проговорился. Потому что Райкалин в себе не сомневался, мысли про клад он старался держать в иной половине своего ментального эго. Ни словом, ни полсловом о планах быстрого обогащения он пока домовому не обмолвился.

И тут вдруг — раз, а мелкий противный лягушонок уже все знает! Откуда, спрашивается? А не иначе как мысли подслушивает!

Между друзьями-товарищами разразился первый крупный скандал. Человек утверждал, что его незаконно прослушивают и вмешиваются в его личную жизнь. Волшебное сознание вопило, что никуда оно не вмешивалось и ничего не подслушивало. И пыталось найти правдоподобные объяснения своей необычайной информированности: «Когда сегодня перед обедом ты стоял в доме возле глухой стены, у тебя все на морде читалось, как в раскрытой книге. Ты словно кричал: вот оно, наше богатство! Бери, пользуйся на здоровье! Еще и руки так потирал, словно на тебя чесотка напала. Я припомнил, что говорили о твоём чудачестве с арендой оруженосцы, вспомнил о твоём подозрительно великом всезнайстве и сделал надлежащие выводы: за той самой стеной должен быть солидный такой клад. Очень солидный! Иначе ты бы удержал свои эмоции и мимику под контролем... Теперь все понятно? Ко мне больше претензий нет?»

Пришлось покаяться просить прощения:

«Ладно, друг, извини, сорвался...»

Но не тут-то было:

«Прощу твою бессовестную ругань только при одном условии».

«Да нет проблем, говори какое».

«Немедленно отправляемся в наш дом! Тем более что я бы там и сам хотел хорошенько осмотреться и во все щели заглянуть. — Видя, с какой неохотой доминант подчинился, поторопил: — Дал слово — держи! И бодрей, бодрей ножками перебирай. Нас ждут великие дела!»

Они уже вышли со двора, миновали наружную стражу, когда им навстречу попалась одна из наперсниц Зареславы. И Василий мысленно взмолился: «Условия я выполняю, двигаюсь в сторону нашего дома. Но несколько слов имею право сказать на ходу!»

— Сударыня! — обратился он к приближающейся девушке. — К сожалению, я не смог увидеть вашу госпожу, поэтому передаю через вас: приглашаю Зареславу ко мне на ужин через два часа. Это вон тот дом... Конечно, приглашение распространяется только на нее. Никакого графа я видеть даже не хочу!

И пошел дальше, только через пару минут оглянулся и приветливо помахал девушке рукой.

«Ну и зря, — осудил его поступок смерчень. — Ты себе только представь: гостья пришла, а тебе ее даже угостить нечем. Ты ведь совершенно не знаешь, на что нанятая сегодня кухарка способна. Вдруг она, кроме каши, ничего больше готовить не умеет?»

«М-да! Вопрос поставлен ребром и весьма своевременно... — озадачился ускоривший шаг Шестопер. — Хотя у меня есть еще целых два часа...»

«Успеешь нанять новую кухарку?» — съехидничал домовой.

«Как-нибудь разберусь. Ты занимайся осмотром всего дома, а я на кухне порядок наведу!»

Кухаркой — а по совместительству и служанкой — оказалась невероятно знойная девица лет двадцати, довольно красивая и полногрудая. Да и не сводящие с нее взгляда молодые оруженосцы всем своим видом словно говорили: «Мы готовы голодать, лишь бы эту красоту обнять!»

Райкалин не на шутку обеспокоился: «Девица хороша, спору нет. И где только отыскали такую? В иное время я бы уже и не сомневался, что сегодня ночью она мне постель согреет. Хотя... слишком она для меня пышнотелая... Но вот парней она мне точно с ума сведет своими дыньками. Им ведь только по шестнадцать, хорошо если семнадцать исполнилось... И что же делать? Выгонять немедленно?»

«Не знаю, как на вкус, но жареная печенка пахнет изумительно! — отозвался Боджи. — Так что ты вначале хотя бы попробуй, что тут готовится, прежде чем выгонять. Вполне возможно, что девица настоящий мастер своего дела».

Последний совет пришелся как никогда в тему. Сколько рыцарь ни пробовал стряпню, сколько ни принимался, ни к чему придраться не смог. Да и чистота на кухне оставалась идеальная, несмотря на интенсивную готовку. А уж как красавица, которую звали Олли, командовала парнями, любо-дорого было посмотреть. Они перед ней тянулись и выполняли любые пожелания, как никогда перед баннеретом не тянулись.

Грин даже не выдержал в какой-то момент, пожалев умчавшихся за водой парней:

— Как-то ты с ними слишком грубо...

— А пусть сразу знают, что я ничего такого никому не позволю! — с пылающими от ярости

глазами заявила Олли. — У меня жених есть, и я сразу любим охальникам руки выломаю, если только в мою сторону протянуть осмелятся!

Ну чисто берсерк в юбке! Непрístupная, гордая и страшная в гневе богиня домашнего очага.

Рыцарь сразу успокоился. Такая себя в обиду не даст и порядок в доме будет поддерживать идеальный. Да и строгая, парни у нее не забалуют.

Он не стал терять время даром и перевел разговор на тему кулинарии. Оказалось, что Олли знает необычайно много и вкус имеет, и фантазия хорошо развита, но вот про некоторые блюда, холодные закуски или салаты, о которых Райкалин стал рассказывать, она никакого понятия не имела. Да скорее всего их в этом мире еще никто не умел готовить.

Поэтому рыцарь стал творить чудеса сам. Надев передник, он вооружился кухонными ножами и настолько ловко стал орудовать ими на разделочной доске, что у кухарки и вернувшихся оруженосцев челюсти отвисли. Да и потом они старались присматриваться к тому, что Грин выкладывает на тарелки, чем поливает и как украшает. Тем более что он сделал ставку на внешние эффекты подаваемых закусок. Готовить, пассеровать или обжаривать до румяной корочки просто не было времени. Да и очень многих овощей, пусть даже существующих в нынешней эпохе, не оказалось под рукой.

«Ведь сейчас лето, есть почти все. И дешево! — печалился он скудностью ингредиентов. — А что будет зимой? Одна квашеная капуста, соленые огурцы и репа? Ладно, еще морковь, свекла и соленые грибы... И моченые яблоки? Кошмар, здесь ведь нет ни картошки, ни помидоров! Но хуже всего, что нет холодильников для хранения овощей и фруктов! Про ультрамодерновые способы хранения в озоне вообще не упоминаю... Беда-с!»

Тем не менее у него получилось и роскошно на вид, и сытно, и вообще вполне вкусно. После чего он весьма строго проинструктировал Олли, как и в каком порядке подавать блюда на стол, и умчался в выбранную для себя спальню переодеваться.

Точнее, в небольшую каморку, которая еще хозяевами использовалась как моечная комната. Пол каменный, со стоком в углу, за теплой стеной кухонная печь. На стене — плоский бак с водой, которая почти всегда нагрета. Черпай воду ковшиком да лей на себя в удовольствие. Хотя здешнее мыло оставляло желать лучшего. В двадцать первом веке хозяйственное мыло лучше мылилось и приличней пахло. Помыться рыцарю все-таки удалось — второй раз за несколько дней! — и, закутавшись в простыню, он вернулся в спальню.

И только там наконец окончательно поверил, ощутил, что жизнь стала налаживаться. Отдельная шикарная комната не шла ни в какое сравнение с его жалким закутком в казарме. Не говоря уже о том, что там еще и не протолкнуться было от наваленных кучами вещей, сумок, оружия, сбруи и всего того, что обязан иметь рыцарь.

Да и запах там был... Лучше не вспоминать!

Василий до сих пор не мог привыкнуть к резкому запаху конского пота и прочих отходов жизнедеятельности гигантских лошадиных организмов. Местные жители наверняка на это уже внимания не обращали, привыкли с самого рождения, но в любом случае принимать даму в казарменной комнате... Да еще и провоцировать ее на интимные касания... Позор!

«А дом... — мечтательно протянул Райкалин. — Это уже совсем иной уровень жизни! И как можно себе отказывать в подобном удовольствии? Неужели проигранные в кости или в карты деньги нельзя пустить на улучшение условий проживания? Или рыцари специально не хотят в

городе расслабляться, чтобы потом в походе не умирать от грязи и омерзения к ней? Надо будет узнать, кто еще из коллег сибаритствует, как я. Кажется, даже некоторые баннереты проживают в казарме... Но я туда и под угрозой расстрела больше не вернусь!»

Оделся и впервые, находясь в этом мире, присмотрелся к своей физиономии в небольшом зеркале (благо, что старики оставили!) и ужаснулся: многодневная щетина зашкаливала по своей длине все разумные пределы!

И тут же новая волна стыда накатила, осыпав укорами: «Как ты посмел такой щетиной царапать нежную кожу на руке Зареславы?! Почему не поискал местного брадобрея?! Почему не побрился у специалиста, если сам не умеешь обращаться с местным аналогом опасной бритвы? И в таком виде собираешься встречать прекрасную даму?! Да лучше убейся об стену!»

Последнее пожелание произвольно вырвалось из каких-то уголков подсознания, но было радикально растоптано рьяной решимостью, которая воскликнула: «Ничего не поделаешь! Такова суровая правда жизни! — И сочувственно добавила: — Теперь будем целовать нежную кожу только губами, а не прикладывать к щеке!»

Тут и чувство времени подсказало: два часа еще не прошло. Но!.. Милой-то все нет! Могла бы и пораньше выбраться в гости! Иначе кто-нибудь из оруженосцев, получивших на этот счет инструкции, обязательно примчался бы. И понятно, что разные нехорошие мысли полезли в голову: «Может, девица о моем приглашении не доложила? Вполне могло и такое случиться... Или от графа не удалось оторваться? Скорей всего так и было!.. Но вдруг что иное стряслось? Вдруг опять пожар? Мм... Нет, колокола не слышно...»

И как же радостно забилося сердце, когда слух уловил приближающиеся быстрые шаги! Петри еще издали стал выкрикивать:

— Грин! Там к тебе... мастера пришли! Которые портные...

Он напрочь забыл о срочном заказе. Да и портные вначале искали рыцаря в казарме, их забыли вчера предупредить о новом адресе.

На осмотр и выборочную примерку ушло с четверть часа. Шестопер расплатился с мастерами, добавив на чай и порадовав, что они первыми справились в негласном соревновании с русскими девицами. Да и вытолкал прочь, может, не совсем вежливо, потому что запаниковал — вдруг Зареслава уже у порога, а он тут... с нитками да с иглками!

Подозвав оруженосцев, огорошил их вопросом:

— Шить умеете? Не столь важна будет красота, как прочность и надежность. Смотрите!

Его быстрые уверенные движениями ножницами поразили помощников до глубины души. Раз-два — и вот уже карманы готовы. Три-четыре — и вот уже два из них наскоро приметаны с внутренней стороны одежды, в местах с оставленными прорезями. Попутно объясняя и показывая, что, как и к чему, Грин строго предупреждал:

— Подобная новинка в одежде пока великая тайна, и никто без моего особого на то позволения не должен о ней узнать. Потому и не раскрывал я этого секрета портным, потому и придется вам самим заниматься сим тайным рукоделием.

Оруженосцы идею поняли верно, хотя и не могли пока оценить все преимущества карманов. Подобными нововведениями вначале надо попользоваться. Но в любом случае работой на

несколько часов они оказались загружены по самое горло. Ну разве что разрешалось поужинать. А если гостя не придет, то за одним столом с рыцарем.

— А пока приступайте! — давал им последние указания Василий. — Еще с полчаса я в любом случае буду ждать визита. И помните о прочности швов. В карманах будет лежать самое ценное.

Не успел он выйти из комнаты, как раздавшийся стук в дверь вновь плеснул в кровь адреналина, а сердце забилося вдвое быстрее.

Сам открывал, со счастливой улыбкой на лице, за что и получил в ответ радостное восклицание кузнеца Павлентия:

— Правильно радуешься! Сегодня мы еще больше заработали! Вот твоя доля.

Получив три кошеля, где позванивали монеты на сумму в сорок три с половиной золотых, Райкалин с грустью припомнил недавние мытарства: «Как все просто! А нам с ребятами еще несколько дней назад не на что было в придорожной корчме поесть. Знание — сила! А заработать можно на любой мелочи».

Мастер тем временем оживленно рассказывал:

— Продано иным кузням четыре разрешения на производство тележек. Завтра продадим еще шесть. Послезавтра ожидаем мастеров нашей гильдии из соседних городов. Нарращиваем количество проданных тачек, и там даже больше сможем заработать, потому что успели получить бляху первенства по плотницкому делу. Жаль, что по тележкам о таком сразу не додумались, и теперь одна плотницкая артель начинает делать тележки полностью из дерева.

— Даже колеса с осью?

— Имея прочные породы древесины, и не такое можно склепать. Но в любом случае их тележки по прочности и долговечности будут нашим уступать.

Несмотря на его довольное лицо, было видно, насколько вымотался за последние двое суток здоровенный и сильный мужик.

— Павлентий, да ты заходи в дом, поужинаем вместе, — предложил мастеру рыцарь, уже понявший, что его пассия на ужин не придет.

— Нет-нет, что ты! — замахал тот руками. — Меня женка ругает, забыла, говорит, как выгляжу, грозит не признать и на порог не пустить. Так что спешу домой. А за приглашение спасибо.

Распахнув дверь наружу, он чуть не задел створкой поднявшуюся на крыльцо даму в шляпке. За ней стояли три девицы со свертками в руках. На улице всхрапывали кони, запряженные в карету. Скорей всего приставучий граф с витязями так в той карете и останутся, означая своим присутствием усиленную охрану главного лица миссии.

Ну и самая главная мысль, проскочившая в сознании Василия, была: «Все-таки пришла!»

Глава двадцать девятая

УТРЕННИЕ ХЛОПОТЫ

Вначале пришлось проводить гостя с сопровождающими в одну из комнат. Там девицы живо

стали раскладывать по дивану и стульям сшитую ими одежду, а Зареслава распорядилась:

— Снимай камзол, будем примерять!

Началась примерка, правда, штаны Василий только прикладывал к себе, проверяя по длине. Ощущалась одежда на теле свободно и выглядела несколько мешковато, зато для встроенных карманов — самое то!

После примерки, отправив домой сопровождавших ее девиц, Зареслава осведомилась:

— Приглашение на ужин осталось в силе?

— Все готово! Прошу в столовую! Сейчас кухарка подаст.

Стол был накрыт, свечи зажжены, холодные закуски расставлены. Гостья присела на выдвинутый кавалером стул и хмыкнула, осматривая сервировку.

— Как все красиво! — Она проводила взглядом Олли, поставившую на стол очередное блюдо, и тон ее стал совсем иной: — Ничего себе! Получается, все приготовила эта жирная свинка?

В голосе девушки столь явно ощущалась агрессия и недоброжелательство, что Грин даже растерялся:

— Не все... Ко многому я приложил руку. А почему ты так сказала про Олли?

— Тебе она так нравится, раз обиделся?

— Ах вот ты о чем! — с облегчением рассмеялся он. — Ее не я выбирал, а оруженосцы. Мне же от нее только требуется умение готовить и надлежащая чистота в доме. — Заметив, что кухарка вроде бы все приготовленное поставила на стол, обратился к ней чопорным тоном: — Спасибо, Олли! Покорми парней в их комнате и на сегодня свободна. А здесь все уберешь утром.

Та упорхнула, заинтригованно косясь на густую вуаль дамы.

— Ты сегодня великолепно выглядишь, словно собралась на бал трех императоров! — сделал Зареславе комплимент рыцарь, когда они остались наедине. — Причем сама можешь блистать там, как императрица...

Ушла ведьма часа через два. Она так и не позволила к себе прикоснуться ни разу, сама тоже не сделала ни одной попытки. И уже возле самой двери призналась в главной причине своего целомудренного поведения:

— Я просто боюсь... страшно боюсь, что после твоего касания не удержусь. Наброшусь на тебя... А потом и сама умру, с разорвавшимся на кусочки сердцем. И если бы я принадлежала только себе, то я бы придумала и подсказала, как меня лучше связать. Но моя судьба неразрывно связана с моим княжеством и с сознательным служением ему. Я не могу предать интересы своих близких, своей родни. Так что... Прошу тебя только об одном: приезжай почаще в Слуцк и первым делом навещайся ко мне.

Он все-таки сделал попытку взять девушку за руку, но она резко отстранилась и потребовала:

— Не смей! А письмо для меня отдай уже сейчас!

— Нет, — сумел отказать рыцарь. — Сказал, что в столице отдам, значит, в столице.

На том и распрощались до утра. Провожать ее до кареты гостя категорически запретила, поэтому Шестопер, закрыв за ней дверь, стоял, прислушиваясь, пока грохот колес и копыт не оповестили об отъезде русской красавицы.

Настроение у Райкалина испортилось окончательно, и он отправился грустить в свою спальню. Казалось, что не уснет ни при каких обстоятельствах, будет всю ночь ворочаться, но едва лег на правый бок, так и заснул уже через минуту.

Проснулся, когда рассвело, и сразу не смог сообразить — почему его никто не будит? Потом догадался: дома спит! Звука рожка, дающего побудку в цитадели, здесь не слышно. Да и оруженосцы наверняка по этой причине проспали.

Вспомнив о помощниках, задумался об одежде: «Много ли карманов успели пришить? А ведь им еще над вторыми комплектами работать, теми, что девицы сшили... И куда это Боджи подевался? Даже не знаю толком, как его позвать-то... Выкрикивать его имя, свистеть или хлопать в ладоши?»

Еще он понял, что раз за ним не прислали из цитадели, то немедленного выезда миссии в столицу не предвидится. Час, а то и два свободного времени есть.

Он встал, не спеша оделся и отправился на поиски своих, так сказать, домочадцев.

Заглянул в спальню оруженосцев, раздумывая только над одним: громко рявкнуть «Подъем!» или тихо?

И ошеломленно замер на пороге. Та еще картинка глазам открылась! Обнаженная Олли раскинулась в объятиях Петри и Ольгерда, которые, тоже ничем не прикрытые, посапывали, уткнувшись лицами в ее пышные груди. Возлежала троица на сброшенных на пол одеялах, подушки валялись где попало, в живописном беспорядке. Сразу становилось понятно, что ночь здесь прошла очень бурно и завершилась скорей всего совсем недавно.

Вспомнив вчерашние утверждения кухарки, что она «не такая» и «руки любому охальнику» поломает, рыцарь даже присмотрелся, чтобы убедиться: многочисленные переломы у охальников отсутствуют. Ну и в сознании ни малейшего всплеска сексуальной активности не проявилось, либидо словно умерло. Что в общем Райкалина скорей порадовало, чем озадачило. Значит, он правильно расценивает шалости юных сорванцов и себя на их месте совсем не представляет.

А вот отругать и навести порядок в арендованном доме следовало со всей строгостью. Правила приличия надо соблюдать. Хотя бы закрылись изнутри, извращенцы!

Начал с самой старшей по возрасту:

— Олли! Что здесь творится?! — Пока та пыталась открыть глаза и машинально прикрыться краем одеяла, повысил голос: — Когда я вчера распорядился накормить парней, я не имел в виду «собственной грудью»! И как ты объяснишь свое поведение?!

Женщина на удивление быстро соображала спросонья:

— Так я в свободное время могу делать все, что мне нравится, господин рыцарь. Это мне при найме твердо обещали. А вот во время работы — никому не позволю ко мне приставать!

— Неужели?! — поразился Грин такому наглому и циничному ответу. — Тогда почему вместо приготовления завтрака ты до сих пор находишься в таком виде? И сама не работаешь, и моих оруженосцев от важных дел отрываешь своими... своими...

Вульгарные слова удалось удержать в себе. Да и смех стал его разбирать, когда все трое принялись торопливо разыскивать по всей спальне детали разбросанной одежды, сталкиваясь то лбами, то голыми задницами. Пришлось спешно уйти, грозно выдавив из себя лишь несколько слов:

— Чтобы завтрак был на столе через двадцать минут!

Василий перенес в мастерскую вещи, пошитые девицами Зареславы, но главное внимание уделил одежде, пошитой портными. Основную работу Ольгерд и Петри успели сделать, да и стежки у них получились на диво крепкими, хоть и непритязательными на вид. Главное, что карманы держались прочно и ими можно было без опасений пользоваться.

А там и оба швейника появились с виноватыми лицами и с порога начали упрашивать товарища-господина:

— Грин, только не спеши Олли выгонять...

— Она ни в чем не виновата, это все мы...

— Да и как-то оно само получилось...

— Ты сам понимаешь...

Управляясь с ножницами и выкраивая карманы для второго комплекта, Шестопер не удержался от смешка:

— Еще как понимаю! Поэтому ничего против не имею. Главное, чтобы на чистоте это не отражалось и на качестве подаваемых блюд. Ибо при малейшем недовольстве стряпней вылетит Олли из этого дома, как камень из пращи! После чего я на место кухарки живо найду старую хромую каргу, которая вас будет пугать одним только внешним видом.

Ольгерд и Петри кивали так, что головы могли отвалиться.

— Вот и отлично! А теперь смотрите, какие карманы мы пришьем на эти камзолы...

Омлет с луком на завтрак и нечто разогретое, оставшееся от ужина, показали рыцарю выше всяких похвал, так что упреков от него больше не последовало. Себя вспомнил в семнадцать лет, свои неумные круглосуточные желания «спустить пар» и даже посочувствовал помощникам: «Наверняка похудеют, с одной стороны... А с другой — кухарка же их и будет дополнительно подкармливать. Не забыть бы предупредить: на питание средств не жалеть. Ага, и пусть за конюхом присматривают, оценивают его работу уже сами. В этом они лучше меня разбираются».

К концу завтрака и смерчень на запах печенки заявился. Коснулся с пола лодыжки Грина и возмущенно заявил:

«Почему меня на завтрак не зовешь? Решил сэкономить на питании друга?»

«Конечно! — ответил Василий, незаметно роняя на пол кусочек деликатеса для домашнего. — Ты

вон больше нас троих ешь! Легче убить, чем прокормить! Да и вообще, как тебя по тревоге звать-то? Ты мне об этом ни слова не сказал...»

«Ну да, забыл... Надо специальный такой свисток тебе сделать, для человеческого уха неслышный...»

«Понял, знаю, о каком речь, сделаю. Но ты лучше расскажи, где пропадал так долго? Нашел чего ценного? Или уже и до сокровищ добрался?»

«Ага! Подставляй мешок, сейчас насыплю с горой! — сыронизировал Боджи. — Тут ни одной порядочной щели нет, чтобы в крепостную стену проскользнуть. На совесть каменщики работали, качественно. И не забывай, сквозь предметы я не вижу, даже сильнейшие власнечи или волхвы на такое не способны. Хотя в легендах чего только не сказывают... А интересного в самом доме... Да нет ничего толкового, что тебя заинтересовало бы».

«Тогда мне надо идти в цитадель. Ты со мной? Если наелся...»

«С тобой! Лучше нам быть все время вместе. У нас еще столько важного общения впереди, — рассуждал смерчень, карабаясь по штанине вверх. — Да и вообще... Вполне возможно, что сразу и отправят вас всех в столицу... Чего ты дергаешься?!»

«Щекотно! — признался Василий, стараясь не хихикать и не трясти ногой. — Лучше меня царапай или покалывай, и то легче вытерпеть».

Явившись на службу, рыцарь первым делом отправился в башню волхва. И во время очередного магического осмотра закидал старика вопросами на тему «Почему не отправляемся в столицу?».

— Есть подозрения, что обязательно будет засада, — пустился в разъяснения Гонта. — Этот дон Педро со своей бандой точно не знают, потому что даже им не полагалось, но римляне уже давно практикуют присылать на место уходящей шпионской группы новую шайку. И те только после ухода предшественников выходят на подкупленных агентов из местных. А порой и сразу приступают к выполнению новых заданий. Так что на общем совете решили выезжать в обеденное время, тогда как слух распространили, что выезжаем завтра на рассвете.

Рыцарь прикинул время:

— Странно... Ведь даже не делая остановок в пути, мы ни за что к ночи не успеем с каретами в столицу.

Он уже знал, что в столице ворота на ночь закрываются наглухо и открыть их могут лишь по личному приказу короля.

— На то и расчет, что сегодня уже дали отбой тем, кто, возможно, находится в стационарной засаде. Они попросту не успеют вернуться на свои позиции. Ну и в обеденное время маршал выставит на стены лучших лучников, а ближе к лесу — нескольких охотников с ручными соколами. Будут сбивать и перехватывать всех голубей, вылетающих из города. Второй момент: остаток ночи мы спокойно проведем в предместье столицы, в одном из замков верного вельможи.

— Уж больно хитро получается. Не лучше ли увеличить рыцарский отряд вдвое и вкуче с оруженосцами приставить к миссии? Вряд ли кто вообще осмелится глянуть в сторону такого мощного конвоя.

— Минусы большого отряда как раз в его неповоротливости. Да и сам удар может быть точечным, по каретам или по дилижансу. По мне, — старикан перешел на брюзжащий тон, — лучше бы вы эту миссию и не встречали в пути! Из-за этих русских одна морока и нервотрепка. Вполне возможно, что они дальше и сами легко проскочили бы.

Легко было понять человека преклонных лет, которому теперь тоже приходилось ехать вместе с отрядом, с высокой скоростью и практически без остановки. И ведь мог своим авторитетом, а то и властью надавить на князя и оставить опекаемого им рыцаря в граде. А вот не захотел почему-то. Или причины не только в перерожденном? Вполне возможно, что у волхва в столице вдруг срочное дело появилось? И он решил совместить одно с другим?

Но раз сам Гонта ничего не рассказывает, то и спрашивать нечего. Оставалось решить еще один вопрос.

— Уважаемый, одежды теперь у меня хватает, но продавать ту, которую я вынес от черного власнеча, нежелательно. Очень мне во вчерашней стычке наручи помогли. Так что хочется у себя оставить хотя бы кое-что. Нельзя ли их как-нибудь замаскировать? А еще лучше снять те особые метки, которые видны колдовскому люду?

— Снять никак нельзя. А вот замаскировать тебе сами боги велели, подкинув такое чудо, как смерчень.

— Он разве может? — усомнился Василий, уже начав бурный диалог с затаившимся перед тем Секатором.

И старик выдал ушлого Боджи с головой (или что там у того было вместо нее):

— А они все могут! Просто бытовой работой брезгуют, высокомерно заявляют, что они, дескать, боевые и хозяйственные проблемы их не касаются. Своих сородичей, управляющихся по дому, презрительно называют жбанниками. Тогда как сами просто обязаны заниматься любым означенным для них делом, как то: чистить, убирать, чинить, штопать, склеивать и уж тем более прикрывать особые метки на теле или броне своего хозяина. Просто не припомню такого в истории, чтобы рыцарь доминантом стал, но в твоём случае ты вообще можешь теперь без оруженосцев обходиться.

Заметив по отстраненному взгляду рыцаря, что тот на ментальном уровне ведет спор, Гонта с ехидством добавил:

— Еще эти хитрющие тунейдцы считают себя пупом мироздания, любят ссылаться на свою разумность, взывать к человечности и слезно просить о великой дружбе между ними и господином. Какую только демагогию с высшей философией не разведут, лишь бы ничего не делать, а только жрать да спать!

«Да врет все вредный старикашка! — завопил в возмущении Секатор. — Сам безжалостный тиран и диктатор, наверняка измывается над своим несчастным помощником и сейчас хочет специально нас рассорить, вбить клин распрей в нашу крепкую дружбу! Не слушай его! Сам решай, кто тебе ближе и дороже!»

«Но почему ты тогда не помог с маскировкой трофейных вещей?»

«А я знал о твоей проблеме? Ты меня об этом спрашивал? — кипятился смерчень. — Я только услышал случайно отрывок твоей фразы о продаже вещей вот этому колдуну и понял, что вопрос решенный и обсуждению не подлежит. Так какие ко мне претензии?!»

В самом деле некрасиво получалось. Но и причин для извинений не было.

— Спасибо за напоминание, — поблагодарил волхва Шестопер. — Мы уже разобрались с этим вопросом, я отдал нужный приказ, и отныне меченые вещи на мне будут соответствующе прикрыты. Жаль, что эти метки вообще нельзя уничтожить.

— Может, и есть такие личности, — скривился старик от неприятных воспоминаний, — но я к ним не ходок, и они не станут расплыться на подобную мелочь.

Вот так и выяснилось, что в местном пантеоне великих светлых волхвов есть еще более великие и невероятно яркие. И между ними тоже случаются трения, возникают антипатии, происходят ссоры. Все как у простых людей.

— Чуть не забыл! — остановил старик гостя на самом пороге. — Тут мне в ближайший час должны принести все собранные о тебе сведения. Кто ты, что ты, откуда и все остальное, что о тебе известно тайной княжеской канцелярии. Так что приходи на час раньше, вместе почитаем и обсудим.

Рыцарю ничего не оставалось, как кивнуть со всей признательностью и благодарностью. Он до сих пор толком ничего не знал о самом себе, о своей родне и откуда он вообще. Потому что многочисленные оговорки оруженосцев, которых нельзя о подобном спрашивать напрямую, давали только контурное представление о собственной биографии. Любой прямой вопрос сразу мог поставить Шестопера в крайне неприятное положение. Пришлось бы сослаться на некие глупые обеты либо сочинять что-то на тему ретроградной амнезии.

Лучший вариант в нынешних условиях — изучить хотя бы официальные данные о себе. Идеальный — выпытать все остальное у своих родственников, у друзей, в том числе и у друзей детства. Но о подобном и мечтать не стоило. Хорошо хоть тайная канцелярия работала на удивление прогрессивно, а великий волхв имел право затребовать оттуда любую папку.

Глава тридцатая

НОВЫЕ ЗАГОВОРЩИКИ

Уговорившись с Гонтой о времени встречи перед выездом, Грин наведаясь в кузницу. Мастер Павлентий метался там в дыму и копоти, аки просмоленная саламандра, но, увидая компаньона, выскочил на свежий воздух.

— Вчера забыл предупредить, — сказал Шестопер, — что, если меня не будет или я где-то задержусь в городе, деньги оставляйте моим оруженосцам. Они пользуются полным моим доверием.

— Как скажешь, — кивнул кузнец.

— И еще у меня один небольшой вопросик: а на производство нового оружия тоже выдается бляха первенства или надо как-то иначе оформлять?

— Оружие? — не на шутку напрягся Павлентий. — А какое именно?

— Да вполне нормальное, для схватки, поединка, войны. Такое, как шпага, к примеру, булава или рапира.

— Э-э-э! — расслабился кузнец. — Это уже все имеется в арсенале любой армии. Для его

производства никакого покупного права не надо, все общим предкам принадлежит.

— А все-таки? Если какой особый кинжал придумать или серп на длинной палке?

— Хе! Да придумать штуку дивную, но ни к чему не нужную — дело-то простое. Да кто покупать-то будет? А вот если что стоящее, да на испытании свою полезность доказавшее... такое желательно лишь в столице показывать да там сразу бляху первенства требовать. Королевская бляха — не чета княжеским. С нею можно год, а то и полтора поток злата-серебра с иноземных мастеров получать, хоть и придется с королевским казначейством поделиться.

— Ого! Заманчиво. Ну а почему так мало, всего год-полтора?

— Так за это время твоих серпов столько накуют, что уследить станет невозможно, сколько и какой мастер сделал. И это ведь не тележка простая, которую жупан или чиновник от гражданского маршалства пришел да и реквизировал, не найдя клейма на нужном месте. Это — оружие! Поди его потом у такого рыцаря, как ты, заведи! О, то-то и оно!

— Тоже верно, — поддакнул Райкалин. — Ну а имя свое оружию можно дать? Например, мой кинжал так и стали бы впредь называть: грин. А? Звучит?

— Да на здоровье! Хоть имя своего дедушки увековечь или своей любимой дочери. Лишь бы королевскую бляху первенства на руки получить. — Сменив тему, кузнец поинтересовался: — Опять в поход или в патруль?

— Да завтра утром и узнаем, — озвучил рыцарь официальную версию.

Покидая двор кузни, он подумал, можно ли подозревать Павлентия в сговоре с предателями и шпионами? И сам посмеялся над глупым вопросом. Если таких людей в двурушничестве удастся уличить, тогда надо бежать из этого города куда подальше. И из королевства — тоже. В подобном гнилье морально нельзя будет выжить.

По дороге домой Василию пришлось выдержать неожиданную атаку Боджи. Все его вопросы сводились к одному: «С чего это вдруг ты с этим вредным старикашкой собрался изучать собственную биографию?»

Вначале Грин пытался отделаться отговорками, затем выдумками, замешенными на полуправде, а в конце так вообще рассердился:

«Чего ты такой любопытный стал? Все равно скоро все узнаешь. Хотя бы во время моей следующей встречи с Гонтой».

«А что тебе мешает сразу во всем мне признаться? — продолжал напирать смерчень. — Или ты думаешь, что я не замечаю всех твоих странностей и несуразностей в поведении? И что ты себя порой ведешь словно не от мира сего?»

«Мм?.. Так заметно? — расстроился рыцарь, входя в дом. — Но я вроде как ничем особо не выделяюсь».

«Не знаю, как со стороны твои странности смотрятся, но ты порой элементарных вещей не знаешь. Да, стараешься их избегать заранее, но ведь совершенно не знаешь!»

Пришлось отбросить неуместную в данном случае конспирацию и раскрыть домовому свою главную тайну повторного перерождения.

Войдя в свою комнату, Грин достал шкатулку с личными бумагами и стал их тщательно просматривать, советуясь по каждой из них со своим несомненным союзником. А бумаг и документов оказалось не так уж много.

Копия личного завещания, десяток писем от матери, столько же — от сестры и одно — с каракулями младшего брата. Несколько доверенностей и платежных поручительств, явно не раз побывавших в употреблении. По ним и стало понятно, что ежемесячные перечисления из дому в количестве семи золотых прекратились еще год назад. Иначе говоря, неумелое хозяйствование, смерти членов семейства и стихийные бедствия сильно подкосили благосостояние рода Шестоперов.

Из писем матери выяснились причины такого досадного для любого рыцаря нищенства. Дед, на котором в основном все и держалось, погиб на охоте два года тому. Отец семейства умер от странной болезни полтора года назад, и неприятности в родовом замке стали чуть ли не еженедельными гостями. То град пройдет, то засуха наступит, то наводнение чего ценного смоеет. Два раза все куры вымерли, затем половина овец пала от какой-то заразы. Табун лошадей тати увели, обе деревни пару раз грабили вполне солидно.

Поэтому обе принадлежащие семье деревушки только-только могли прокормить сами себя да своих господ. Обедневшее семейство возлагало последние надежды о поправке своего благосостояния лишь на удачное замужество младшей сестренки Грина. Но увы и ах, за год этого не удалось сделать ни одним из самых изощренных способов.

Сестра писала, что в свои семнадцать лет чувствует себя старой девой и жизнь ей не мила. Никто не хочет брать в жены бесприданницу, а полуразвалившийся замок пришлому зятю не достанется, ибо принадлежит, как наследство, старшему брату, который уже шесть лет рыцарствует где-то в империи бриттов. Короткие письма брат присылает регулярно, раз в месяц, а вот помощи от него ни гроша никогда не поступило. Ко всему прочему, в последних письмах он чуть ли не проклиняет мать за то, что уже полгода не получает из дому денежного содержания. А ведь ему, как старшему среди детей, шло намного больше: целых одиннадцать золотых.

Младший братишка на фоне остальных родственников смотрелся истинным оптимистом и неунывающим счастливым. Его обучение было свернуто, поскольку учителя бесплатно работать не захотели и уехали, а мать оказалась не в состоянии лично давать образование ребенку. В результате получения полной свободы десятилетний пацан стал чуть ли не беспризорником. Бесконтрольно общался со своими сверстниками в деревне, ловил рыбу в реке руками, гонял где хотел, питался чем угостят и нисколечко не горевал, что ходит в обносках.

Прочитав с немалым трудом — по причине собственной неграмотности в нынешнем мире — письма и прочие документы, Василий задумался над своими дальнейшими действиями. При всем умении сочувствовать и готовности помочь конкретным людям, он в себе не ощутил ни малейшего желания озадачиваться проблемами чужих для него и совершенно абстрактных людей. И совесть его абсолютно не мучила.

Ну живут где-то далеко на северо-западе королевства, у самой границы с Варяжским царством, в полста километрах от Балтийского моря какие-то люди. Ну прочитал он их письма. Пусть даже пожалел чуток. Но это не значило, что теперь он восплает к ним родственными чувствами и начнет диктовать сочувственные письма. Тем более глупо было бы оказывать какую-либо материальную помощь. Так он только и будет всю жизнь горбатиться на сырых и убогих, коих в любом мире и во все времена — хоть выстраивай рядами, колоннами и

несметными полчищами.

Но не следовало забывать и о такой стороне здешней жизни, как постоянная демонстрация рыцарской чести и человеческого достоинства. И так Шестопера многие товарищи считают банальным трусом, а если к этому добавится полное равнодушие к родственникам? Если другие рыцари узнают о нежелании Грина помочь близким? Последствия могут быть какие угодно, и возросшее презрение станет наихудшим из всего возможного. На дуэль могут вызвать иные поединщики, не чета Коннешу Найту. Мастеров боя на мечях хватает: в недавней стычке со шпионами Римской империи он в этом убедился.

Да и разве он в чем-то нуждается в данный момент? Только за два дня поступления из кузницы достигли почти семидесяти золотых, и приток денег некоторое время ожидается вполне стабильный. Неужели трудно отправить родственникам десяток золотых? А ведь можно и больше! Все двадцать!.. Если не тридцать...

Услыхав о такой сумме, внутренний хомяк чуть не умер от жадности. А вот смерчень, беседа с которым почти не прекращалась все это время, неожиданно поддержал задумку доминанта: «Отсылай! Мало ли как жизнь сложится. Вдруг домой придется возвращаться на постоянное место жительства? Или твоя денежка поможет сестре удачно замуж выйти? Надо всегда дальновидно действовать, готовя достойные плацдармы для своего возможного отступления. Да и кому я рассказываю? Сам в свои истинные годы должен знать!»

Райкалин знал. А потому откладывать доброе дело в долгий ящик не стал. Узнал о системе передачи средств через местные торговые дома, собрал почти все деньги да и поспешил по указанному адресу. Пока собирал и шел, довел в себе хомяка до истерики, но сумма намерений возросла до сорока золотых. А уже непосредственно в самом торговом доме дождался, пока хомяк хлопнется в обморок по причине десяти процентов, взимаемых за доставку, и поднял окончательную сумму отправки до полусотни. Жесткое решение, отнесенное к категории «полоумное».

В итоге расстался с пятьюдесятью пятью золотыми, но, возвращаясь домой, чувствовал себя великолепно. Слово камень с души свалился. Оставалось лишь продиктовать короткое письмо родным, а потом, если успеется до раннего обеда, постараться прочитать переданный ему Зареславой дневник.

Старательно работающие швейники уже заканчивали возиться с карманами, когда вошедший рыцарь поинтересовался:

— Орлы! Кто мне сегодня письмо домой напишет под диктовку?

— Что значит «кто»? — удивился Ольгерд. — Петри этим всегда занимался, вот пусть он и пишет.

— Мало ли, вдруг он пальцы сильно исколол иголкой, — выкрутился Василий, радуясь, что все решается весьма просто. Оказывается, данное ему тело и раньше не заморачивалось собственноручным написанием писем, используя оруженосцев по максимуму.

Но в самом деле удобно, тем более что Петри, положив перед собой лист бумаги, обмакнул перо в чернильницу и деловито поинтересовался:

— Писать стандартное письмо?

Не иначе раньше писал как под копирку: «Здравствуйте, со мной все хорошо. До свидания!»

— Нет, сегодня мы немножко похвастаемся своими успехами.

Похвастался. В том числе и тем, что прекратил увлекаться азартными играми, придумал, как заработать денег, да и вообще начал несколько иное существование, которое раньше было нежелательно по приказу вышестоящего командования. После подсказки Петри и про дом дописали, и про доставшееся наследство всего рыцарского отряда. Про оружие, лошадей, боевые отличия — ничего не забыли. Ну и о деньгах напоследок добавили.

Надо было видеть, как после этого стал коситься парень на своего господина. Зауважал, что ли? Зато и с отправкой он же управился, стоило ему только отдать распоряжение:

— Запечатывай письмо и отправляй! А мне надо еще кое-что почитать.

С дневником пришлось повозиться — слишком уж неразборчивый почерк, да и буквы иные, непривычные. Но только начал вчитываться, как Олли позвала обедать. Опять все у нее получилось очень вкусно, сытно и достаточно много. Возле такой хозяйки как бы не растолстеть.

Но долго не рассиживались. Тем более что конюх оседлал Грома для показательного выезда на подворье цитадели. Еще двух коней, для оруженосцев, седлать посчитали излишним, пешком пройдут пятьсот метров. А обратно на Громе и вернуться.

Потому что князь выделил для отряда сопровождения лучших лошадок из личных конюшен. Каждому рыцарю — по основной и заводной. По прибытии в цитадель оруженосцы занялись окончательной подготовкой казенных лошадок, навешивая на них седельные сумы и оружие господина, а он сам поспешил к великому светлomu волхву.

Тот его встретил недовольным ворчанием:

— Мог бы и пораньше прийти... Компромата на Грина Шестопера нет, зато много всего о твоих родственниках собрано, да и о тебе самом не совсем приятные характеристики. Бери, води глазами по строкам для усовершенствования навыков чтения, а я буду вслух тебе пересказывать да свои комментарии добавлять. Лучше усвоишь...

И начал с самого неприятного: негативных откликов с прежнего места службы. Первый год своего рыцарства Грин провел в самом южном княжестве Литовско-Новгородского королевства. Там было весьма и весьма спокойно, и хотя на тренировках и простых спаррингах молодой рыцарь показывал отличные результаты, ни один вызов он не принял, ни на один поединок так и не вышел. Так что уже там его зачислили в трусишки, которые боятся крови.

Около года назад Шестопера перевели в Вишин. По дороге сюда он и отыскал себе нынешних оруженосцев, потому что старые от него ушли еще на юге. Как и чем сагитировал он Петри и Ольгерда — не упоминалось, только указывалось место, откуда они, и что парни из богатых, весьма обеспеченных семей. Но и в Вишине товарищи по оружию довольно скоро заметили отсутствие отваги у молодого рыцаря. По отзывам баннерета Варширока, угоревшего недавно на костре, отношение к новенькому в отряде сложилось весьма неприязненное. Заслуженный, опытный рыцарь при свидетелях как-то заявил: «Этот размазня и трусишка у меня долго не задержится! Либо сам пришибу, либо другим позволю голову ему срубить!»

Да и в казарме Грина не жаловали. Друзей у него не нашлось. Поэтому в последнее время все только и поражаются невероятным изменениям в облике Шестопера и в его поведении.

— Теперь послушай о своих предках. — Старик ткнул пальцем в нужные листы и уважительно

хмыкнул: — Хорошую славу они себе подвигами и отвагой снискали, есть чем хвастаться...

Что отец, что дед, что прадед — сражались как берсерки и только на одних добытых в походах трофеях поддерживали высокое благосостояние своего семейства. Ну а замок построил еще прапрадед Грина. Ему за особые подвиги тогдашний король даровал землю и право возведения родового замка. Был еще титул барона, но ненаследственный, пропавший из-за неудачной женитьбы героя на простолюдинке.

Про остальных взрослых родственников сведений было немного, пять-шесть строчек о каждом. Даже о старшем брате, бродящем где-то по империи бриттов, оказалось мало сведений. Но похоже, что у него не было в активе славных побед, баснословных трофеев или стремительной карьеры. По крайней мере, стать баннеретом ему в ближайшие годы не светило.

Благодаря предусмотрительности волхва и его заботе Райкалин теперь имел весьма четкое представление о себе нынешнем и мог хотя бы поддержать беседу в нужный момент на нужную тему. Что его еще интересовало, так это время пребывания в столице:

— Когда миссия окажется в Слуцке, как долго нас там продержат?

— Нисколько! — хмуро заверил Гонта. — Мы тут же разворачиваемся и возвращаемся в Вицин. Таковы распоряжение князя, мое условие, наказ Рагнары и твои пожелания. — Удовлетворившись кивком рыцаря, волхв погнал его из башни: — Ладно, иди к отряду. А мне надо кое-какое барахлишко собрать в дорогу.

Возле конюшен было не протолкнуться, но Ольгерд с готовой парой коней уже стоял в сторонке, ближе к княжеским палатам. Там заканчивали погрузку вещей в кареты, потому что громадный дилижанс русских так и не успели починить. Грин, случайно оказавшийся рядом с двумя баннеретами и двумя воеводами, стал свидетелем их оживленного спора. Говорили о перехваченном послании. Прорвавшегося за стены города голубя сбил на землю сокол, но короткая записка, которую нес вестник, сохранилась и содержала важную информацию: «Выступают завтра утром. Сведения перепроверены».

Суть спора: ложные сведения — это хорошо. Но вот дошла ли информация до врага? И хорошо ли, если не дошла?

Тут же на память Василию пришел разговор с кузнецом и невинный вопрос в конце: «Когда отправляетесь?» Не то чтобы он заподозрил Павлентия, но выяснить все-таки захотелось. Рыцарь довольно смело шагнул к группе спорщиков и спросил:

— А по почерку нельзя определить написавшего?

— Вряд ли, — оглянулся на него Айзек Молнар.

— А по бумаге?

— Хм! Клочок слишком маленький. Одна зацепка — сажей испачкан. А что тебя так заинтересовало?

— Да меня после завтрака тоже спросили о времени нашего выхода. И если говорить о саже... то спрашивал мастер Павлентий. На него самого я не думаю... Но, может, кто из его окружения?

— Прямо сейчас и уточним! — принял решение Молнар, увлекая рыцаря за собой.

Возле кузни толпился народ, окруживший все того же писца, который в уголке под навесом составлял длиннющие списки заказчиков. Да и главный кузнец оказался на месте, восседая в одной из подсобок за столом и поглощая принесенную из дома еду. Выслушав вопрос Шестопера, он наморщил лоб, вспоминая, а потом с облегчением выдал:

— Да никто и не спрашивал у меня, кроме нашего писаря. Он-то и упрашивал заранее поинтересоваться. До сих пор не пойму, на кой оно ему?..

Но ему никто не ответил — рыцари уже шли во двор кузни. Айзек на ходу предупредил:

— Вряд ли это очередной предатель, слишком уж легко мы его вычислили. Но все равно будь начеку, как бы он от нас не сбежал. Да и людей вон сколько...

Писарь на подошедших вне очереди клиентов поначалу и внимания не обратил. Но заметно побледнел, как только баннерет подхватил один из листков со стола и стал всматриваться в буквы:

— Хм! А почерк-то похож! Получается, что записку этот хлыщ и написал...

Договорить он не успел. Опрокинутый на него стол заставил отпрянуть назад, да только шпоры в такой ситуации весьма мешают, и рыцарь банально грохнулся на спину. А взвившийся с тонким кинжалом писарь не таким уж простым и безобидным оказался: не хватило лишь мгновения, чтобы хищное стальное жало впилося в лицо Молнара. Райкалин не успел должным образом среагировать на опасность: ни оружия не выхватил, ни падающего товарища оттолкнуть не получилось. Зато сообразил броском своего тела ударить атакующего предателя.

Вдвоем они откатились в сторону, и Василию даже удалось жестко перехватить правую руку с кинжалом. Но стервец оказался необычайно ловок и изворотлив: перехватил оружие левой рукой, обратным хватом, и вонзил его Шестоперу со всей силы прямо в шею. Точнее, попытался вонзить, намереваясь пробить довольно хлипкий на вид высокий воротник камзола. А тот оказался из одежки, принадлежавшей когда-то черному колдуну.

Конечно, попади кинжал чуть выше, в ухо, допустим, и оборвалась бы вторая жизнь Василия Райкалина. И не факт, что судьба даровала бы ему третий шанс. Но острие вонзилось в мягкую ткань... да там наглухо и завязло. Вот только удар по шее, пусть и через ткань, все равно получился такой силы, что сознание померкло на несколько мгновений, глаза застлало багровым туманом, а спазм гортани перехватил дыхание.

Это помешало Грину увидеть завершение неожиданно опасной потасовки. Тяжело экипированный баннерет просто прокатился по земле и со всей своей силы впечатал окованный сапог в бок писарю. Ребра у того звучно хрустнули, и сам он отлетел в сторону на добрых два метра. Понятно, что с таким повреждением не то что сопротивляться, вдохнуть толком не получится от невероятной боли. Пока Молнар поднялся на ноги, несколько мужиков из толпы крепко ухватили писаря за руки и прижали к земле.

Убедившись, что враг обезврежен, Айзек склонился над Шестопером:

— Ты как?

— Живой вроде... — прохрипел тот. — Помоги на ноги встать! — Ему казалось, что стоя отдышаться получится быстрее, и он ухватился за протянутую руку помощи.

— Вот уж диковина! — поразился Молнар, поднявший и придерживающий подчиненного. —

Кинжал так и торчит в воротнике! Или он настолько тупой, или...

— Повезло! — закончил за него Грин. Правой рукой выдернул с усилием кинжал и, растирая левой ладонью место удара, пожаловался: — Синячище будет...

— Ерунда! Гонта за сутки вылечит, — заверил баннерет, посматривая в сторону ворот. — О! Уже бегут помощнички...

«Да не будет у тебя никакого синяка! — успокоил его Боджи. — Я тебе его прикрою. А потом и лечение кое-какое устрою. Со мной не пропадешь!»

Хотелось в это верить, но с волхвом в любом случае надо будет проконсультироваться.

Кто-то из добровольных помощников уже сбежал к воротам и наделал там надлежащего шума. Примчались несколько рыцарей, несших караул, прибыли воевода и маршал, пришли два княжеских гридня, один из которых плотно занимался следствием и дознанием. Так что с трудом отдышавшегося пленника стали допрашивать прямо на месте, безжалостно тыкая при этом в поломанные ребра. Таких мучений, да еще будучи в шоке от своего разоблачения, несчастный не выдержал. Откровенно ответил на все вопросы.

Завербовали его почти полгода назад. Подкупал его, как потом и расплачивался весьма щедро, один из купцов, привозящий товары с Востока. Но приказы купцу отдавал старый азиат, проживающий возле Западных ворот, — писарь пару раз видел их вместе. Также сообщил, что купец уже несколько дней снабжает мясом, овощами и свежей зеленью кого-то, кто остановился лагерем на тракте, ведущем в столицу, — об этом писарю вчера проболтались помощники торговца, заказавшие срочно три тележки.

По некоторым соображениям, получалось, что лагерь находится на третьей четверти пути.

Тут же послали хватов, чтобы арестовали обоих лазутчиков, о которых до сих пор даже не подозревали. Но хваты вскоре вернулись, как раз к моменту выезда отряда и миссии, с неважными известиями. Еще полтора часа назад купец и азиат покинули город на удобной и вместительной повозке. Их сопровождали несколько вооруженных всадников. Почему они уехали? По словам писаря, враги знали о том, что выезд отряда перенесен на завтрашнее утро. Но при этом заметили обилие лучников на стенах, парящих в небе соколов и догадались, что голубиная почта могла и не добраться к адресату. Вот и отправились сами к основной засаде.

И что делать в сложившейся ситуации?

— Да мы их в любом случае нагоним в пути! — высказался Шестопер, допущенный в кружок высшего командования, ведущего бурные обсуждения.

На него посмотрели скорей с недоумением, но критиковать мнение никто не спешил. Маршал принял решение:

— Он прав! Выезжайте немедленно и гоните, как и собирались. Еще засветло догоните ту самую повозку. И пусть вам сопутствует удача!

Через несколько минут отряд уже покидал город.

Глава тридцать первая

ДОГОНЯЮЩИЕ БЕГЛЕЦЫ ИЛИ УБЕГАЮЩИЕ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ?

Догнать вражин казалось вполне реальным делом. Те вроде не должны мчаться сломя голову, да и сменных лошадей у них нет. Так что теперь все зависело от скорости сводного отряда. Если ничего в пути не случится и если кареты выдержат взятую со старта скорость, часа через четыре, максимум пять, погоня настигнет беглецов. Дальше только и останется, что действовать по обстановке.

При выезде из города, пока еще толком не разогнались, лошадь Молнара оказалась рядом с Громом. И баннерет воспользовался случаем, чтобы поблагодарить:

— Спасибо, Грин! Ты меня спас.

— Взаимно! — ответил тот. — Если бы не твой удар, этот гад меня бы добил.

— Не скромничай, ты здорово сообразил отбить этого писаря собственным телом. А больше он тебе ничего и не смог бы сделать. Так что... я твой должник!

Сложно было бы переоценить подобные заверения от уважаемого рыцаря. Обычно такие обещания давались после жарких схваток на поле боя, когда рыцари, проявляя особое мужество, выручали друг друга в опаснейших ситуациях. Тут вроде как бытовое столкновение, совсем не поле боя... А все-таки оценено по самому высшему разряду.

«Да в любом случае ты ему жизнь спас! — заявил удобно расположившийся на шее Василия смерчень. Его под шлемом никто не видел, и некую заморозку он в месте удара давал, обещая, что уже завтра синяка не будет. — И можно сказать, что его признание себя должником делает вас боевыми побратимами».

«А какая разница, просто мы дружим и уважаем друг друга или мы стали побратимами? — поинтересовался человек из другого мира и из другой эпохи. — Ты лучше расскажи...»

«Вот зря ты так! — недовольно перебил его Боджи. — Подобные моменты тебе надо знать, пусть я и сам в этом не лучшим образом разбираюсь. Время у нас есть, так что слушай и на ус мотай...»

В самом деле, иное разумное существо, прожившее более ста лет, всегда полезно выслушать. Да и дальняя, утомительная дорога покажется не в пример короче и увлекательнее. Так что Василий от всей души порадовался, что у него имеется такой информированный, доброжелательный попутчик.

И четыре с лишним часа пролетели как один.

А на пятом они стали нагонять сразу узнанную издалека повозку. Тотчас восемь рыцарей отстегнули своих сменных лошадей, передав поводья товарищам, перестроились в колонну по два и максимально ускорили бег своих коней. В этой восьмерке оказались баннерет Молнар и рыцарь Шестопер.

Хорошо, что на данном участке, ближе к столице, тракт стал в два раза шире. И вереницы повозок, подвод или неспешно едущие всадники довольно дисциплинированно двигались ближе к обочинам, оставляя середину для более быстрых карет, почтовых курьеров или несущихся галопом отрядов. Так что восемь рыцарей набрали отличную скорость.

Всадники, сопровождающие повозку с купцом и азиатом, заметили нагоняющую их группу и, видимо, кого-то из рыцарей опознали по шлему. Те значительно отличались друг от друга, да и султаны перьев, торчащие сверху, многое могли подсказать разбирающемуся в этом человеку.

Беглецы поняли, что за ними гонятся из самого Вищина. Иначе с какой стати тут появились мчащиеся во весь опор рыцари именно этого оставшегося далеко позади города?

Справа и слева от тракта простиралось поле, а не лес. Так что возможности свернуть и броситься в спасительную чащу у беглецов не оказалось. Оставалось им только одно: отстреливаясь на скаку из луков, попытаться оторваться от погони. Они ведь не знали, что у преследователей лошади сменные имеются, а скачка во весь опор, да с тяжеленным всадником, убивает лошадей довольно быстро.

Как выяснилось чуть позже, азиат с купцом не только на скорость своих лошадей надеялись, когда пустили их в галоп. Некоторое время дистанция между отрядами сокращалась очень медленно, но и когда их разделяло сорок метров, это не вынудило беглецов попытаться пустить в ход луки. А там и перекресток показался, на котором беглецы собирались дать бой.

Увы, им не повезло. Поперечная дорога оказалась наглухо перекрыта в обе стороны несколькими внушительными телегами. Причем каждая пара впряженных лошадей еще и вожжами была привязана к повозке перед ними. С ходу преодолеть такое препятствие, когда в спину дышат доставшие мечи рыцари, занятие гибельное. Вот повозка с ездоками и промчалась мимо. Всадники тоже останавливаться не стали, зато подняли крик, призывая на помощь людей, расположившихся лагерем в поле.

Много там было народу. Как минимум половина наемников были из Варяжского царства, четверть, а может, и пятая часть — монголами, про остальных трудно было сказать что-то определенное. Монголы скорее всего были частью того отряда, который когда-то преследовал дилижанс русских гораздо южнее этих мест.

Переполох в лагере поднялся знатный. Видимо, никто тут не ждал сегодня ни своих, ни чужих. В седлах оказалось лишь пять-шесть человек, которые выскочили на дорогу и попытались остановить мчащихся рыцарей. И нельзя сказать, что безрезультатно: одного коня им удалось ранить, и тот вместе с всадником врезался в строй повозок. Зато остальные семеро преследователей промчались сквозь хлипкую преграду, как горячий нож сквозь мягкое масло.

Погоня продолжилась в прежнем темпе, но дистанция не сокращалась. Все-таки рыцарские лошади начали уставать.

Монголам своими командами кое-как удалось организовать броуновское движение в лагере в некое единое целое, и первый сборный отряд попытался выехать на тракт. Но ему не повезло: он попал под слаженный удар витязей и остальных рыцарей Вищина. А из карет довольно лихо расстреливали нападающих те самые девицы-амазонки, поразившие свидетелей этого скоротечного боя очередным своим умением.

Иначе говоря, возле места основной — пусть и неподготовленной — засады и главному отряду вместе с каретами миссии удалось проскочить без единой потери.

Купец, азиат и сопровождающие их лица хотели жить. Но никак не могли отыскать удобный съезд в открытое поле. За ними мчались семеро рыцарей, желающие снести головы всем врагам до единого. О взятии пленных в такой обстановке не могло быть и речи.

С отставанием в километр мчался основной отряд, прикрывающий кареты. А уже за ними, в полукилометре скакало около тридцати монголов и более полусотни наемников, готовых на все. Остальные обитатели лагеря, видимо руководствуясь здравым смыслом и осознав, во что они вляпались, отстали. И вот эти полкилометра дистанции сокращались на глазах.

Молнар решил прекратить погоню и сместиться к основным силам, когда удача окончательно отвернулась от беглецов. На их пути, наглухо перекрывая дорогу, вдруг оказался рыцарский отряд в два десятка человек. Судя по единой форме шлемов и малому королевскому штандарту, отряд относился к регулярной королевской армии. Почему он здесь находился, сейчас было не важно. Главное, что его командир заметил излишне ретивые скачки по тракту и принял решение вмешаться в противоправные события.

Ну и сам Айзек в такой ситуации доказал, что он не совсем простой баннерет. Привстав в стременах, он начал мечом показывать какие-то явно условные знаки. Василий бы не удивился, окажись эти знаки прообразом корабельного семафора.

И знаки были не только правильно поняты командиром отряда регулярной армии, но и оказали решающее влияние на итог погони. Стоящие клином рыцари опустили длинные копья, а сбоку клина выдвинулись лучники. Всего шестеро, но их стрел хватило, чтобы опрокинуть лошадей, запряженных в повозку беглецов. Животных было жалко, зато из получившейся кучи дров, колес и мяса вряд ли кто из возниц смог бы выбраться самостоятельно.

Последующие залпы лучников достались всадникам, пытающимся свернуть с тракта в поле и уйти по открытому пространству. Никто не ушел.

А семерка рыцарей уже остановилась и спешно разворачивала своих тяжело дышащих лошадей. Разве что Молнар криками информировал коллегу-армейца, что да как и что лучше всего сделать. Тот оставил нескольких человек разбирать обломки повозки и осматривать раненых, отвел свой отряд вперед, и рыцари выстроились вдоль обочин, готовясь пропустить внутрь строя приближающиеся кареты.

Случившееся на дороге прекрасно рассмотрели и монголы с наемниками. Благодаря своей многочисленности они имели хорошие шансы на победу, так сказать, в общей свалке. Но какой ценой им дастся эта победа? Есть ли в ней смысл? Сколько наемнику ни заплати, он не пойдет на верную смерть. Бесшабашные и бесстрашные авантюристы тоже хотят жить.

Преследователи остановились в полутора метрах от готовящихся к бою рыцарей, а потом довольно дружно развернулись да и помчались обратно. Даже угроз никаких не последовало, на кои обычно щедры азиаты.

Зато не удержались от восторженных криков рыцари. Засада все-таки существовала, но им удалось с минимальными потерями со своей стороны ее проскочить. Да и купец от возмездия не ушел. Теперь оставалось лишь успокоить коней на малом ходу и уже вполне спокойно двигаться дальше. До столицы было рукой подать, а опустевший в сумерках тракт не предвещал никаких опасностей.

Только вот судьба и тут что-то напутала. Пытающийся радостно пообщаться с командиром армейцев, которого он хорошо знал, Молнар наткнулся на холодный, официальный ответ от вояки, который оказался воеводой:

— Айзек, потом наговоримся. Мы сейчас на службе.

— Да брось, барон, все уже позади!

— Кому как, кому как... — туманно ответил воевода. — Может, нам придется и дальше путь продолжать. А может, и нет... Вдруг Грин Шестопер среди вас?

Тот услышал вопрос и тут же отозвался:

— Вот он я! Здесь! А кто меня разыскивает?

По знаку воеводы его подчиненные окружили рыцаря, а лучники взяли на прицел. Вот тогда воевода и огласил в повисшей гнетущей тишине:

— Разыскивают именем короля. Приказано доставить тебя в столицу немедленно. Причем живого или мертвого. Поэтому сдай оружие! Ты — арестован!

Райкалин понял каждое слово, но общий смысл все равно ускользал от него. Скорей всего, произошла ошибка. С такой формулировкой вылавливают опасных государственных преступников, вина которых уже доказана. А что он мог такого ужасного совершить в свои двадцать лет? Ну был трусом, ну отказывался от дуэлей, но за такое не убивают при аресте!

Кажется, точно так же думали остальные рыцари Вицина. Только вот вступить за своего товарища никто не спешил. Мало того, подъехавший на своем коне великий волхв посоветовал:

— Не переживай, Грин, разберемся, кто на тебя напраслину возвел. Оружие сдавай смело, я присмотрю, чтобы его никто не затупил. И постараюсь все время находиться рядом.

Боджи поддержал его: «Старик дело говорит, складывай оружие. Бойню никто из-за тебя затевать не станет. И если бы Гонга решил тебя подставить, он бы первым кричать начал, что при тебе боевой смерчень. Тогда бы тебя уже никто не спас. А так... Тут явно какая-то ошибка. Разберемся! А въедешь в столицу под конвоем — только целее будешь. Ха-ха!»

Невесело прозвучал его смешок, ох как невесело!

Но делать было нечего, пришлось разоружаться.

В Слуцк рыцарь Шестопер въехал под конвоем. Даже красивейшим городом толком не полюбовался из-за плохого настроения. Настроение стало и вовсе кошмарным, когда рыцаря сопроводили в тюрьму и заперли в совершенно глухой, без единого окошка, камере.

Будущее представлялось зыбким, неопределенным. И хуже всего, что от опыта, знаний и умений Василия Райкалина ничего больше не зависело. А много ли сумеет Боджи Секатор, немедленно отправившийся на разведку?

О его участи могли позаботиться только новые приятели, знакомые, и очень хотелось бы верить, что новые друзья.